

Космос

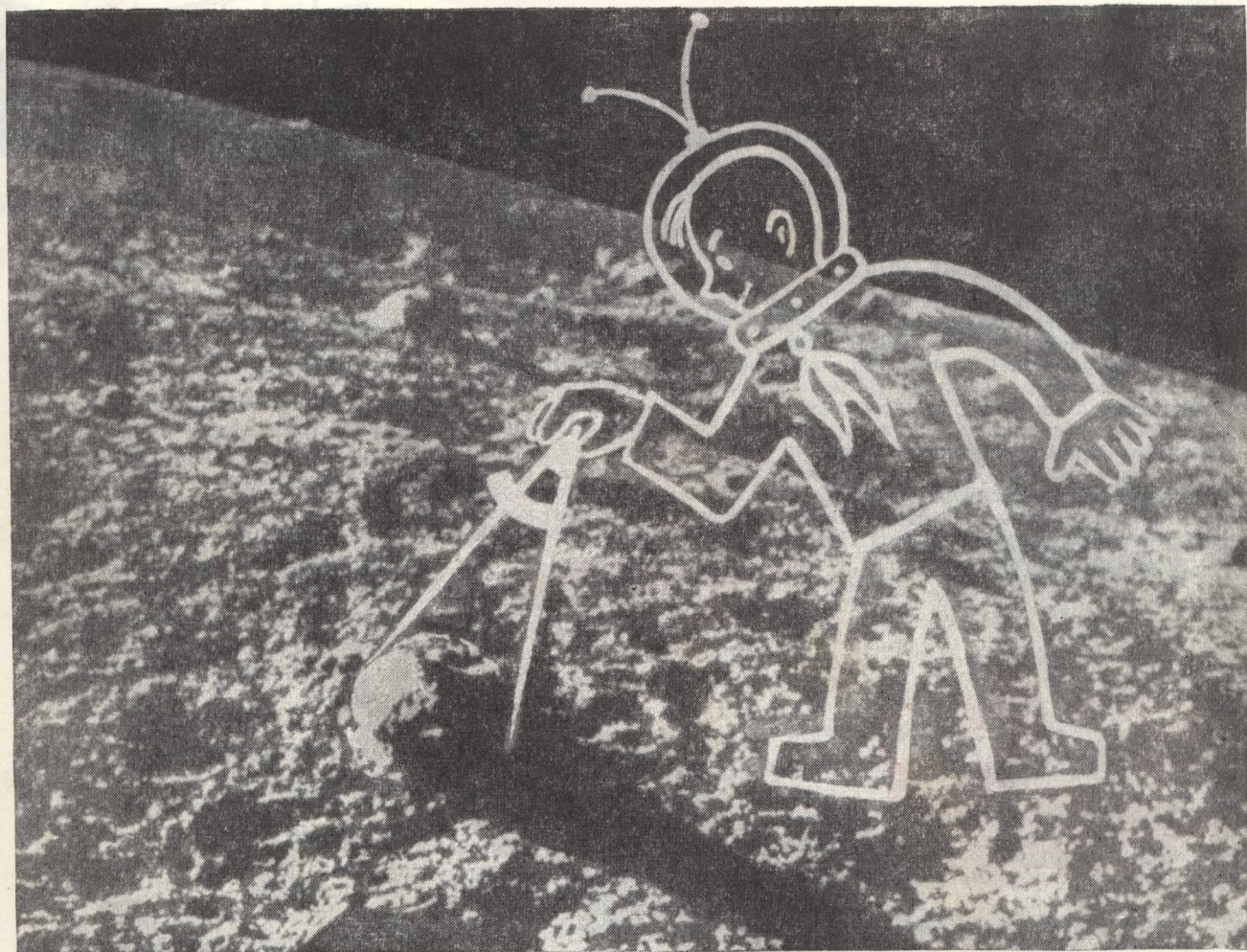
3
МАРТ
1966

Читай очерк „МЕЧТА АДМИРАЛА“

Фото Б. Уткина

Костёр

3
МАРТ
1966

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Успешно прилунение
у Моря Бурь прошло,
и тут же сообщение
в редакцию пришло.
В сообщенье —
тьень и свет:
лунный сказочный
портрет.

И вскоре — так уж водится —
мы прокричим: — Ура!
На луннике находится
корреспондент «Костра»!
— ВСЕ В ПОРЯДКЕ.
ПЫЛИ НЕТ.
ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ —
ПРИВЕТ!

НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ XXIII СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА РЕДАКЦИЯ «КОСТРА» ПЕРЕДАЛА НА МЕЖДУГОРОДНУЮ СТАНЦИЮ ЗАКАЗ НА ЧЕТЫРЕ ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРА.

„На руднике „Центральный“ будет добываться 12 миллионов тонн апатитовой руды в год. Недаром наш рудник назван „Центральный“!“

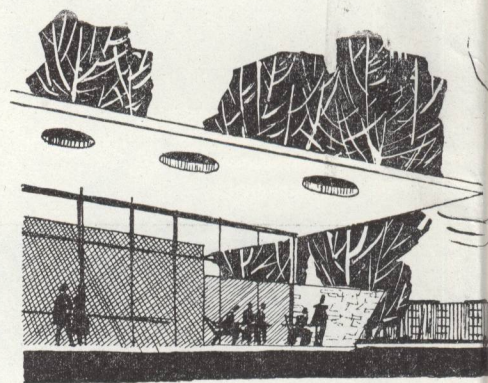
„Главный рудник страны“

- Алло, Кировск! Рудник «Центральный»! Кто у телефона!
- Вас слушает секретарь партийного бюро строительства Гурза.
- Здравствуйте, Павел Егорьевич! Говорит «Костер»!
- А, здравствуйте! Помню, был у нас ваш корреспондент, как же!
- В свое время «Костер» рассказывал о начале работы на плато Расвумчорр. А как сейчас там идут дела!
- Закончили работу на двух рудоспусках и передали эстафету монтажникам. Ведем строительство третьего.
- Кого из рабочих можете назвать в числе лучших!
- Машинист экскаватора Борис Николаевич Ушаков и взрывник Николай Константинович Нефедов награждены орденами «Знак Почета», а начальник экскаваторного участка Николай Никитич Щербина — медалью «За трудовую доблесть».

Весной 1963 года пионерской организации города Гатчины было присвоено звание Спутника Семилетки.

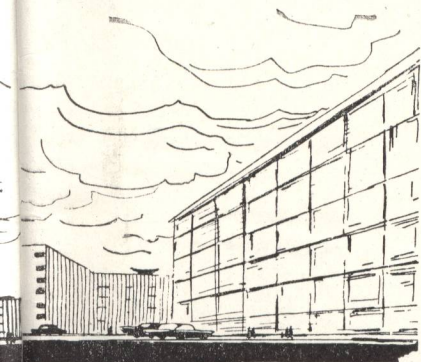
О том, как интересно живут юные гатчинцы, об их Клубе революционных традиций, о «Туристе» — пионерском корабле, о пионерской киностудии «Искорка» и о многом другом рассказывалось в очерке «Гатчина — город пионерский»

- Гатчина! Соедините нас, пожалуйста, с городским пионерским штабом!
- Председатель штаба Тамара Титова слушает.
- Здравствуй, Тамара! Что нового!
- Много нового! Участвуем в соревновании «Сияйте, ленинские звезды». Решили собрать металлолом на пятьдесят бумагоделательных машин, и восемьсот тонн уже собрали!
- А каковы успехи ваших юных моряков!
- Передаю трубку Валерию Курочкину из девятой школы, он капитан.
- У нас теперь два катера. Кроме «Туриста», есть еще «Пламя». Второй катер нам подарил Министерство речного флота. А вот кто начнет новую навигацию, еще не знаю. «Старые» моряки в этом году кончают школу, а «молодые» еще не готовы. Но, думаю, у причала стоять не будем.
- Еще вопрос — к студиям «Искорки»...
- О киностудии может рассказать председатель совета пионерской организации Зоя Константиновна Добрина.
- Сейчас на киностудии горячая пора, полным ходом идут съемки фильма «Небо» — о юных авиамоделистах.
- К съезду партии студия приготовила свой подарок — фильм «Хроника пионерских дел». Это кинорассказ о буднях пионеров нашего города.

А ВНАЧАЛЕ,

Посмотрите! —
 в дымке синей
 и проспекты,
 и мосты.
 И кино.
 И магазины.
 И фонтаны!
 И цветы!
 Но, позвольте,
 прошлым летом
 был пустырь на месте этом...
 Может, это просто чудо,
 колдовство
 и волшебство?
 Новый город!
 — Ты откуда?
 Может, ты
 из ничего?
 — Понимаете, ребята,
 очевидно, дело в том,
 что я был иным когда-то
 и собою
 стал потом.
 А вначале,
 а вначале
 поезда меня качали,
 был я — многотонными
 плитами бетонными.
 А вначале был я глиной.
 И рудую.
 И песком.
 В общем —
 путь прошел я длинный
 и со многим
 я знаком...
 Познакомился с печами
 и с машинами дружил.
 А вначале,
 а вначале
 под землю я тужил.
 А вначале,
 а вначале
 я томился в глубине.

А ВНАЧАЛЕ...

Но руками
и плечами
люди помогали мне,
помогали мне подняться,
помогали стать собой,
чтобы мог я отражаться
в этой речке голубой.
Но у нас вопросов —
ворох,
наседаем мы опять:
— Ну, а как узнал ты,
город,
то,
каким ты должен стать?
— Да! —
опять мы закричали, —
а вначале?!
— А вначале
был я только на бумаге,
был я только чертежом,
а вначале —
как в тумане
этой речкой отражен,
снился долгими ночами
я кому-то, может быть,
чтобы про меня
вначале
не посмел он позабыть!
А вначале —
я валялся.
— Где валялся?!
— На траве.
А вначале —
я купался.
— Где купался!?
— На Неве.
Потому что был вначале
у мальчишки в голове.
И меня
не замечали
в этой рыжей
голове.

Л. Мочалов

„Осенью 1942 года экспедиция под руководством А. М. Кошурникова прокладывала пробную трассу железной дороги Абакан—Тайшет. Они погибли в тайге, все трое: Кошурников, Журавлев, Стофато...“

„Люди особого склада“

- Станция Кошурниково! Станция Кошурниково!
- Алло, дежурная по станции Богданова слушает.
- Здравствуйте, товарищ Богданова! Давно ли служите на железной дороге!
- Всего — больше двадцати лет, а в Кошурниково — три года.
- Несколько слов о станции, пожалуйста!
- Ну что ж, это одна из многих станций новой дороги Абакан—Тайшет. Оборудование отличное, стрелки управляются автоматически, как работает связь, вы убедились сами.
- Да, слышно вас отлично! Успехов вам! Большой привет от «Костра»!

„У нас в деревне Ширяевка стоял бывший клуб, в который уже год никто не ходил, клуб был разрушен почти“.

„Как мы строили дворец у реки Вороны“

- Будьте добры Ржаксу Тамбовской области!
- Ржакса слушает.
- Соедините с райкомом комсомола.
- Райком у аппарата.
- Скажите, пожалуйста, как поживают школьники бывшей Ширяевки!
- Это поселок Комсомольский раньше так назывался!
- Да, да! Помните, там ребята помогли отстроить клуб! Еще ЦК ВЛКСМ наградил пятерых из них путевками в Артек. Как сейчас дела в Комсомольском и его клубе!
- Подождите немного. Свяжемся с поселком, выясним точно, пришлем вам телеграмму.

ТЕЛЕГРАММА

КЛУБ РАБОТАЕТ ПИОНЕРЫ ВЫСТУПАЮТ
КОНЦЕРТАМИ

ПУСТЬ РОЖДАЮТСЯ НОВЫЕ ГОРОДА И НАЧИНАЮТСЯ
НОВЫЕ СТРОЙКИ. ПУСТЬ ПРОДОЛЖАЮТСЯ СТАРЫЕ ДЕЛА
И НАЧИНАЮТСЯ НОВЫЕ. И ПУСТЬ ИХ БУДЕТ КАК МОЖНО
БОЛЬШЕ — ДЕЛ, О КОТОРЫХ ИНТЕРЕСНО НАМ РАССКАЗЫ-
ВАТЬ, А ВАМ — ЧИТАТЬ!

ТАМ, ВДАЛИ ЗА РЕКОЙ

ПОВЕСТЬ О ДЯДЕ

Юрий Коринец

Рисунки С. Острова

ПРО ОГОНЬ, ВОДУ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Мой дядя — брат моей матери — был замечательным человеком. Он прожил очень бурную, тяжелую жизнь, но никогда не унывал. Это был удивительный человек. Чего он только не повидал! В каких только не побывал переделках! Мой дядя прошел огонь, воду и медные трубы.

Дядя был отличным охотником и рыболовом. Любил природу и очень много путешествовал. Он путешествовал зимой и летом и круглый год ходил без шапки. Дядя был на редкость здоровым человеком.

Так — без шапки — он и вваливался к нам в дом: то с Памира, то с Дальнего Востока, то из Средней Азии. Но больше всего дядя любил Север! Север был его второй родиной. Так говорил мне сам дядя.

Вместе с дядей к нам вваливались две его любимых собаки — Ханг и Чанг. Это были замечательные собаки! Они всегда путешествовали вместе с дядей. Ханг был овчаркой, а Чанг лайкой. Ханга дядя купил в Москве, а Чанга достал где-то на Севере. Я очень любил дядиных собак.

Дядя всегда привозил из путешествий что-нибудь удивительное: шкуру тигра, или скелет белухи, или живую гагару. Но самым удивительным был сам дядя. Он был ходячей энциклопедией. Живой семейной легендой.

Когда дядя приезжал к нам в гости, в доме всегда стоял дым коромыслом: дым стоял от рассказов дяди, от подарков дяди и от самого дяди.

Все в доме любили дядю, а я в нем просто души не чаял. И дядя меня тоже очень любил: больше всех на свете. Детей у дяди не было, он был холостяк.

— Подрастай скорее, — всегда говорил мне дядя, — и мы с тобой пройдем огонь, воду и медные трубы!

Мне было восемь лет, и я еще не знал, как можно пройти огонь, воду и медные трубы.

— Какие трубы? — спрашивал я.

— Медные! — отвечал дядя. — Медные!

— Во дворе не медная труба, я залезал в нее...

— В том-то и дело! — отвечал дядя.

— А медные где?

— Везде!

— За городом?

— За городом.

— В лесу?

— И в лесу.

— И в поле?

— И в поле.

— А в огне?

— Вот именно! — орал дядя. — Именно!

— А на море?

— О! На море их сколько хочешь!

— А в небе?

— В небе их видимо-невидимо!

Я смотрел в небо: там было пусто.

— А как их найти? — спрашивал я.

— Их не ищут, — орал дядя, — ищут смысл жизни! Доннерветтер, как ты не понимаешь!

Ищут свое счастье, чтобы насыпать ему соли на хвост!

«Доннерветтер» значило «гром и молния» — по-немецки. Когда дядя волновался, он всегда говорил по-немецки.

— А как насыпать ему соли на хвост? — спрашивал я.

— Надо пройти огонь, воду и медные трубы!

После разговора с дядей у меня всегда все путалось в голове. Я тоже хотел найти свое счастье. И насыпать ему соли на хвост. И пройти огонь, воду и медные трубы. Но как это сделать?

ЭТВАС

Дядя жил на окраине Москвы — в Тушине. Там у него был сад и маленький домик. Сейчас в Тушине тоже Москва, а когда я был маленьким, Тушино было деревней. Там кричали по утрам петухи, мычали коровы и громыхали телеги по колдобистым улицам.

Много раз дяде предлагали квартиру в центре, но дядя всегда отказывался. Дядя любил тишину, потому что в его жизни и без того шума хватало. А еще он хотел быть ближе к природе.

«Опять стухевался дядя!» — всегда говорила мама, когда дядя уезжал к себе.

А вообще он бывал там редко. Он и у нас бывал редко. Сколько я помню дядю, он всегда ездил в командировки. Такая была у него работа. И такой он был непоседа.

Но когда дядя бывал у себя, я очень любил ходить к нему в гости. У дяди было лучше, чем дома, у него была настоящая свобода! У дяди можно было делать, что хочешь: хоть ходить вверх ногами! Дядя все разрешал.

Дядя сам любил поиграть, когда он бывал свободен. Дядя строил со мной поезда из стульев, пускал корабли в корыте или мыльные пузыри из окна или катал меня на спине, как индийский слон своего раджу.

Мы переворачивали вверх дном весь дядин дом, пока не падали от усталости! Что и говорить! С дядей было интересно!

Вечерами дядя сажал меня на колени и читал мне книжки с картинками или рассказывал сказки. Сказки он рассказывал замечательно! Но лучше всего дядя рассказывал

собственные истории — *истории из собственной жизни*. Историй этих он знал миллион! Да это и не удивительно, если вспомнить дядину жизнь. Никто не умел рассказывать так, как дядя. В этом он не имел соперников.

Я помню много историй, какие рассказывал дядя. А особенно одну: я помню ее из глубокого детства. Я слышал ее много раз и знаю ее наизусть. Как таблицу умножения. Как свои пять пальцев! Я слышал ее не только от дяди — все у нас любили повторять эту историю. Ее очень любил папа. И мама. И бабушка — дядина и мамина мама. И, конечно, я. История эта была принадлежностью нашей семьи, она была от нас *неотделима*. Она ко всем в нашем роду переходит по наследству от дяди. Ее нельзя не любить, эту историю, потому что она удивительна!

Случилось это очень давно — в начале двадцатого века, во время русско-японской войны. Может быть, вы немножко слышали об этой войне. Война эта сложилась для нас неважно. Дело было не в солдатах — русские всегда были храбрыми солдатами — дело было в царе и в его строе — в царизме. Царизм был колоссом на глиняных ногах. Колосс — это что-то очень огромное. Вы представляете, что случится, если колосс будет стоять на глиняных ногах? Он, конечно, рухнет! Вот он и рухнул, и произошла революция. Так объяснял дядя.

А тогда, до революции, во время русско-японской войны, дядя служил рядовым на фронте. Сначала дядя был помощником кокаповара, — дядиной обязанностью было рубить муку и продувать макароны. Дядя так хорошо продувал макароны и так хорошо рубил муку, что его повысили: сделали кочеваром. Служил дядя на славу! Но дело на фронтах складывалось все хуже и хуже, снарядов нам не хватало, и поэтому воевали мы в основном шапками.

Однажды крейсер, на котором дядя служил кочеваром, попал в ловушку: его окружили четыре японских крейсера. С криками «банзай!» они погнались за дядиным крейсером. Они решили взять его живьем. Снарядов на

дядином корабле, конечно, не было. Дядя развел пары, и его крейсер устремился в открытое море. Японцы преследовали дядю. Тогда дядя вызвал к себе в кочеварку командира корабля. «Я спасу людей и уничтожу врага, — сказал дядя, — если вы дадите мне на один час двух заместителей, топор и осиновое полено». Командир, конечно, сразу согласился — у него была одна надежда — на дядю!

Дядя оставил двух заместителей поддерживать в кочеварке пары, а сам взял топор, осиновое полено и заперся в капитанской каюте. Никто об этом ничего не знал: матросы занимались своими делами, а царские офицеры закатили с горя банкет и пьянствовали в кают-компани. На крейсере специально держали на такой случай хор цыган и шампанское.

Через час дядя вышел на палубу и велел позвать к себе командира корабля. Командир еле стоял на ногах — он был совершенно пьян от шампанского, цыганок и страха. Крейсер, к тому же, сильно качало. Но дядя стоял на ногах твердо!

«Подпустите их поближе, — сказал дядя, — тогда я спущу на воду *вот эту штуку...*» В руках у дяди была *эта штука*.

Когда японцы подошли на расстояние пушечного выстрела, дядя спустил *эту штуку* на воду... через секунду японцы взлетели на воздух!

Многие просили моего дядю рассказать, что это *за такую штуку* он сделал. Но дядя не мог этого открыть, потому что это была *слишком страшная штука*. Так это и осталось его тайной. Даже мне дядя ничего конкретного не рассказал. Когда я спрашивал дядю, что это была за штука, дядя делал страшные глаза и кричал:

— Это было *этвас! Этвас!*

«Этвас» значило «ничто» — тоже по-немецки. Дядя очень любил это слово.

После этого дядя всегда погружался в молчание. Когда было нужно, мой дядя был нем как могила.

Вот какой это был человек!

8 + 5 = 13

С восьми лет это *этвас* не давало мне покоя. Оно причиняло мне очень много хлопот. Оно снилось мне по ночам. Я думал о нем днем. Думал дома. Думал во дворе. Думал, когда шел в школу. Думал на уроках.

Я без конца рисовал это *этвас* на бумаге. И всегда по-разному.

То это была огромная рыба, похожая на кита, которая глотала пароходы, шлюпки и острова. То это была многоглазая, многорукая и многоногая птица, вроде той, которую я видел у дяди на прятке. Я рисовал, как она глотала луну, звезды и дирижабли. Вы знаете, что такое *дирижабль*? Вам ничего не

говорит это слово? Очень жаль! Мне это слово говорит много. Когда я был маленьким, дирижабли были в большой моде. Дирижабль — это прекрасная вещь! Это огромный пузырь в форме сигары. Снизу к пузырю приделана кабина. В ней сидят люди. Так они и летают. Дирижабли бывают огромные — выше пятиэтажного дома! Так вот — мое *этвас* глотало сразу по двадцать таких дирижаблей! Вот какое это было *этвас*. Рисовать его было очень трудно. У меня даже дух захватывало, когда я его рисовал. Но ни один рисунок не удовлетворял моего воображения.

Тогда я рисовал это *этвас* абстрактно. Что значит рисовать абстрактно? Рисовать абстрактно это значит рисовать то, о чем вы не имеете никакого понятия, и так, чтобы оно было ни на что не похоже. Это, конечно, ужасно трудно. Иногда у меня получались замечательные рисунки. Просто потрясающие! Но в них никогда никто ничего не понимал. Даже учитель рисования. За такие рисунки он ставил мне «оч. плохо». Но я на него не обижался — разве можно было на него обижаться? Ведь он не знал, что такое *этвас*. А я знал!

Вернее, не знал, а догадывался. Знал это один дядя. Иногда он узнавал это *этвас* в моих рисунках. Я приносил дяде рисунок и говорил:

- Вот!
- Что это? — спрашивал дядя.
- *Этвас*, — отвечал я шепотом.
- Чепуха! — сердился дядя. — Это просто чепуха, а не *этвас*!
- Не *этвас*? Разве это не *этвас*?
- Это чепуха! — кричал дядя. — Это бездарно!
- А как нарисовать *этвас*?
- Не знаю! Не имею понятия!
- Как же ты не знаешь! — говорил я, чуть не плача. — Ты столько рассказывал мне про *этвас*, а теперь говоришь, что не знаешь!
- Я прекрасно знаю, что такое *этвас*! — орал дядя, — но нарисовать не могу! У меня нет таланта!
- А у меня?
- А у тебя талант! У кого же еще талант, как не у тебя! Искать надо! Иди и ищи!
- Чего искать?
- *Этвас*! — ревел дядя.

— Где?

— Доннерветтер! — дядя выходил из себя. — Ищи в себе! В себе! Рисуй! Работай! И тогда получится *этвас!*

Успокоенный, я убежал и опять принимался рисовать. Я рисовал, как одержимый. Через некоторое время я приносил дяде сразу пятьдесят рисунков. Дядя внимательно рассматривал их. Иногда, схватив какой-нибудь рисунок, дядя вскакивал и начинал бегать по комнате, размахивая этим рисунком.

— Молодец! — грохотал дядя. — Вот это *этвас!* Это прекрасно! Изумительно! Потрясающе! Это явление! Шедевр! Продолжай в том же духе, и из тебя получится человек!

И я продолжал. Самые лучшие рисунки, те, в которых было *этвас*, я отдавал дяде. Он хранил их в особой папке.

Я любил показывать свои рисунки друзьям. Я рассказывал всем, что у меня есть дядя, который прошел огонь, воду и медные трубы и увидел в конце страшное чудище. Называется это чудище *этвас*. Когда я вырасту, говорил я, дядя возьмет меня с собой. Мы пройдем огонь, воду и медные трубы. И тогда я увижу *этвас*. И притащу его домой.

Некоторые надо мной смеялись, но многие слушали с уважением. Особенно одна девочка, Валя, которая училась со мной в одном классе. Она только просила меня, чтобы я показал ей это чудище, когда я его достану. И я ей, конечно, обещал. Я только просил ее подождать. И она обещала подождать.

А ждать надо было долго: до того самого

дня, когда мне исполнится тринадцать. Так сказал дядя. Когда мне исполнится тринадцать лет, — говорил дядя, — мы с ним отправимся в путешествие. Мы поедем на Север! Сначала мы будем ехать поездом, потом пересядем на корабль и поплывем по Белому морю, потом пересядем в лодку и поплывем по рекам, водопадам и озерам, — все дальше и дальше на север! — а потом вылезем и пойдем пешком. Между прочим пройдем мы огонь, воду и медные трубы. Их всегда проходят между прочим, специально их никогда не проходят. Так сказал дядя. А под конец мы еще будем продираться сквозь заросли. Потому что в этих зарослях и находится *этвас*.

Вы любите продираться сквозь заросли? Я очень люблю продираться сквозь заросли. Наверное, это во мне наследственное: мой дядя всю свою жизнь продирался сквозь заросли. Иногда он продирался сквозь заросли, даже не выходя из квартиры — он продирался в самом себе... но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.

Вы знаете, чему равняется $13 - 8$?

$$13 - 8 = 5$$

$$А\ 13 - 5?$$

$$13 - 5 = 8$$

А чему равняется $8 + 5$?

$$8 + 5 = 13$$

Это математика, от нее никуда не денешься!

Поэтому я и ждал, когда мне исполнится тринадцать.

ХАНГ И ЧАНГ

Многие спрашивали дядю — зачем ему две собаки?

— Разве вам не хватит одной? — говорили дяде. — Представляем, сколько с ними хлопот! Нужно их кормить, мыть, воспитывать. Как вы только справляетесь?

— В том-то и дело, что иметь нескольких собак легче, чем одну, — отвечал дядя. — Надо только, чтобы у них был разный характер. И предоставить их самим себе. Тогда они сами будут друг друга воспитывать. Конечно, я направляю это воспитание, я слежу за ними. Но по сути дела они сами друг друга воспитывают. Они даже меня воспитывали, я уже не говорю о племяннике!

Это значит — обо мне. И действительно, так оно и было. Ханг и Чанг были прекрасными педагогами. Они учили меня плавать, лазать на деревья, ходить по буму, прыгать через плетни, ползать по-пластунски, маршрунировать,

поворачиваться по-военному направо и налево, шагать в ногу, лаять и еще многому другому. Это были замечательные собаки, я им очень многим обязан.

Но лучше всего они воспитывали друг друга.

Ханг, например, не любил купаться. И что же вы думаете? Когда дядя назначал банный день, кто, по-вашему, помогал дяде загонять Ханга в ванну? Я? Как бы не так! Это делал Чанг!

В банные дни я всегда приходил к дяде. Конечно, если я был свободен. Мы с дядей раздевались и оставались в одних трусах. Я напускал в ванну воды и разводил в этой воде два куса туалетного мыла. После этого я звал дядю — он проверял температуру воды.

— А ну, ребятки! — командовал дядя, когда все было готово. — Марш купаться!

Чанг не заставлял себя просить — он появлялся мгновенно. Зато Ханг всегда где-нибудь прятался.

— Безобразие! — кричал дядя. — Где Ханг?

Чанг тут же кидался на поиски Ханга и первым загонял его в ванну. Потом он прыгал туда сам. Если же Ханг упирался, он получал от Чанга хорошую взбучку.

Купать собак было нетрудно: мыли они себя сами, мы с дядей только помогали.

По команде Ханг и Чанг залезали в ванну и начинали там прыгать и кувыркаться. Дядя называл это «собачьей кувырколлегией». «Кувырколлегия» длилась долго. Собаки взбивали в ванне густую мыльную пену. Пена летела во все стороны. Мы с дядей бывали в пене с головы до ног. В пене была вся ванная комната.

Когда собаки отмывались дочиста, мы оказывали их душем, вытирали полотенцами и выпускали в комнату — если на дворе была зима. Летом мы выпускали их во двор. После бани Ханг и Чанг долго носились друг за другом как угорелые. Не знаю почему, но после бани им всегда было очень весело.

После собак мылись мы с дядей. Потом мы ужинали. Ужинали мы на кухне, а после ужина пили в комнате чай. Собаки тоже ужинали на кухне, а после ужина тоже садились с нами пить чай. Но чай они, конечно, не пили. Они просто сидели на стульях вокруг стола и составляли нам компанию.

Чанг вел себя за столом очень хорошо. Зато Ханг пытался иногда что-нибудь стащить. Он вообще был озорником. Иногда он забирался тайком на диван, что дядя категорически запрещал. Ханг ненавидел кошек — он всегда загонял этих несчастных на диван.

Дядя никогда сам не делал замечания Хангу: он поручал это Чангу. Когда Чанг замечал, что Ханг стащил со стола конфетку, он тут же отнимал ее у Ханга и возвращал дяде. Чанг прогонял Ханга с дивана. И спасал от него несчастных кошек. Чанг всегда сам наказывал Ханга: ставил его в угол или трепал за уши.

У каждого из них были свои достоинства и недостатки.

Но самым удивительным все же был Чанг: он был молод, умен и благороден. У него еще было много достоинств. Чанг был всеобщим любимцем.

Один раз вечером я был у дяди в гостях. Как раз передавали концерт по заявкам. Мы все — я, дядя, Ханг и Чанг — сидели у радиоприемника СИ-235 и слушали этот концерт. Помню, как сейчас — объявили песню «Степь

да степь кругом», по дядиной заявке. Дядя очень любил эту песню. Дядя вообще был очень музыкален — у него был отличный слух. Дядя мог напеть наизусть целую симфонию. При этом он подражал игре на разных инструментах. Дядя очень любил старые революционные песни, песни его молодости и русские народные песни, а из них особенно «Степь да степь кругом». Когда дядя пел эту песню, он всегда был немного грустным.

Так было и сейчас. Дядя сидел в своем любимом кресле у радиоприемника, опустив голову. Ханг, Чанг и я смотрели на дядю. Свет в комнате был потушен, потому что было полнолуние и огромная луна светила прямо в окно.

По радио пел Лемешев, а дядя ему подпевал:

— ...И набравшись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищу
Отдает наказ...

И вдруг запел Чанг!

Это было так неожиданно, что дядя замолчал. Мы оторопели.

Чанг выл, высоко задрал скорбную морду. Весь его вид выражал непомерную тоску и боль. После каждого куплета Чанг останавливался, стыдливо смотрел в сторону, а потом опять продолжал. Видно было, что он стесняется, но что не петь он не в силах...

Чанг пел очень выразительно, с душой. У него оказался глубокий бархатный голос. Его пение сразу захватило нас. Мы не могли пошевелиться. А Ханг от удивления поджал хвост и забился в угол.

...Да скажи ты ей,
Пусть не печалится,
Пусть с другим она
Обвенчается.
Про меня скажи,
Что в степи замерз,
А любовь ее
Я с собой унес.

Когда Чанг дошел до этого места, он взял такую ноту, что у всех нас по коже забегали мурашки. Чанг закатил глаза, клыки его были оскалены, он весь дрожал... Было действительно страшно!

Когда Чанг кончил, дядя зарыдал и кинулся ему на шею.

— Доннерветтер! — рыдал дядя. — Доннерветтер!

Я тоже чуть не плакал — я обнимал дядю и Чанга:

— Ну, Чанг! Ну, дядечка! Ну, Чанг! Ну, дядечка! — шептал я.

А Ханг прыгал вокруг нас, лизал меня, дядю и Чанга и жалобно повизгивал.

После этого случая дядя научил петь и Ханга. Вернее, петь его научил Чанг, дядя только помогал. В результате дядя создал неплохой собачий дуэт. Чанг пел баритоном, а Ханг дискантом. Дядя подыгрывал им на губной гармошке и дирижировал. Я тоже иногда дирижировал. Дуэт в сопровождении

дяди звучал очень слаженно. Собаки пели прекрасно, но лучше, конечно, пел Чанг. Он был запевалой.

Слава о дядином дуэте разнеслась далеко. К дяде стали приходиться разные темные личности и просить дядю, чтобы он продал им своих музыкальных собак. Но дядя всем отказывал. Когда они упорствовали, дядя спускал на них Ханга, и тогда эти личности еле уносили ноги. Не такой человек был мой дядя, чтобы продавать друзей.

БЛАГОДАРИЮ ЗА ВНИМАНИЕ!

У нас в квартире было несколько соседей. Наша квартира называлась «коммунальной» — мы жили коммуной. Жить коммуной, это значит иметь все общее и всем делиться. У нас в квартире, конечно, не все было общее: например, пальто, галоши, кровати, зубные щетки, полотенца и другие личные вещи. Ими мы пользовались сами и никому не давали. И соседи их тоже никому не давали. Но так было потому, что до полной коммуны мы не доросли. Так объяснил мне дядя. Зато у нас было много общего: кухня, коридор, ванная, телефон, щетки для подметания полов, электросчетчик и так далее. А остальным мы просто делились. Мы делились деньгами (давали друг другу взаймы), картошкой, хлебом, солью, чайниками, примусами, сковородками, чаем, кастрюлями, лыжами, спичками, папиросами, игрушками и разными другими вещами. Жили мы дружно.

На праздники мы всегда ходили друг к другу с поздравлениями. И с подарками. И всегда помогали друг другу в беде. В квартире у нас было очень весело. Коридор мы называли «проспектом». На «проспекте» стоял столик с телефоном — это был «Центральный телеграф». Здесь обычно собирались мужчины и курили. А кухня называлась «Большой Хурал» — это значит народное собрание. Потому что на кухне всегда происходили коммунальные собрания: там выступали с речами по разным вопросам.

На кухне было очень интересно! Там всегда все собирались и все обсуждали. Там составлялось общественное мнение. Общественное мнение — это то, что о тебе говорят. Это тоже объяснил мне дядя. Например: ты живешь у себя в комнате, но все время выходишь из нее и бываешь в общественных местах. Ходишь на кухню, в ванную, на улицу, в скверик и так далее. Я уже не говорю о школе. И всюду встречаешь людей, которые тебя видят и с которыми ты разговариваешь. И из

этого составляется общественное мнение. Потому ты приходишь к себе в комнату, пьешь чай, делаешь уроки, спишь, играешь в игрушки — а в общественных местах о тебе говорят. Ты можешь потом неделю не выходить из комнаты, а о тебе все равно говорят! Ты можешь уехать на месяц, на год, на несколько лет, ты можешь даже умереть — а о тебе все равно говорят! Это работает общественное мнение. Как объяснил мне дядя: «Ты приходишь и ты уходишь, а мнение остается». Общественное мнение — очень важная вещь! Надо, чтоб оно было хорошим. То есть — чтоб о тебе говорили хорошо. Например, если ты вышел в нечищенных ботинках или грязной рубашке — о тебе говорят, что ты неряха. И очень трудно это мнение переменить, даже если ты будешь потом долго ходить в чистой рубашке. Или представим себе такой случай: ты не вышел утром в ванную умыться — и опять о тебе говорят! Говорят, что ты *не вышел утром в ванную*. Зато если ты всегда ходишь в чистой рубашке, аккуратный, всем говоришь «здравствуйте», не хулиганишь — о тебе составится хорошее мнение. Скажу больше: если ты попытаешься что-нибудь скрыть от общественного мнения, например, не сделать уроки или тайком привязать к кошачьему хвосту какую-нибудь бумажку — общественное мнение все равно об этом узнает! Как оно об этом узнает, я объяснить не могу, но факт тот, что узнает. Вот такая штука — общественное мнение!

Надо сказать, что обо всех наших жильцах в квартире составилось хорошее общественное мнение. Все наши жильцы были скромными и добрыми людьми и настоящими тружениками. Все, кроме одного человека. В нашей квартире жили: один бухгалтер с семьей, один монтер с семьей, одна бывшая певичка театра оперетты без семьи, мы и еще один человек, о котором я сейчас скажу. Все, кроме этого человека, работали не покладая рук,

даже бывшая певчиха: она давала уроки французского языка. Обо всех у нас составилось хорошее мнение (кроме одного человека). О нас в квартире тоже составилось хорошее мнение, в том числе и обо мне.

Но самое хорошее общественное мнение составилось в квартире о дяде, хотя он у нас и не жил. Зато дядя постоянно бывал у нас, когда приезжал откуда-нибудь, часто ночевал у нас и был в прекрасных отношениях со всеми жильцами квартиры. Дядю любили, потому что дядя вообще был интересный человек, а кроме того он много хорошего сделал для нашей квартиры. Не то чтобы он производил иногда в квартире мелкий ремонт (хотя и это он тоже делал), дело не в ремонте — дядя очень много сделал для нашей квартиры *в высшем смысле*: заслуга дяди состояла в том, что он укреплял наш коллектив. К дяде все обращались за советами, и дядя всегда давал всем замечательные советы. Дядя часто выступал на «Большом Хурале» по разным вопросам, и мнение дяди было решающим. Потому что у моего дяди был огромный авторитет. Да это и не удивительно: вы же знаете, что за человек был мой дядя! Дядя был цементом нашей квартиры — на нем все держалось. Я просто не знаю, что было бы с нашей квартирой, если бы не дядя!

Зато был у нас в квартире один человек, о котором у всех нас составилось не очень хорошее мнение. Звали этого человека «Благодарю за внимание». Он без конца всем говорил «благодарю за внимание» и «большое спасибо». Он был очень вежливым. Он был даже слишком вежливым.

Он был старый и странный. Ходил он всегда в рыжем пальто, рыжей шляпе и в галошах «прощай, молодость». Жил он один в маленькой комнате возле кухни, в самом конце «проспекта». Говорили, что в его комнате *не было окна!* Я сам не видел — его комната всегда была на запоре. Когда он выходил, он ее тут же запирает — даже когда выходил на кухню. Когда он сидел в комнате, она тоже была на запоре. А еще он любил сидеть во дворе на лавочке. Наверное, ему не хватало воздуха.

Говорили также, что когда-то ему *принадлежал весь наш дом*. Мне всегда было его немножко жалко. И маме тоже. Подумать только: потерять целый дом и остаться в маленькой комнате без окна! Но дядя говорил, что его жалеть не стоит. Потому что это бывший кровопийца и собственник. Вурдалак. Вы знаете, что такое вурдалак? Это оборотень! Его еще называют вампир. Это мертвец, который выходит из могилы и сосет кровь жи-

вых людей. Помните, как писал Пушкин: «На могиле кости гложет красногубый вурдалак». Страшно! У меня прямо мурашки по спине бегают, когда я об этом думаю. Когда я услышал об этом впервые, я не мог заснуть целую ночь. Мне казалось, что вот-вот придет вурдалак и высосет всю нашу кровь! Потом дядя объяснил мне, что это надо понимать в переносном смысле. То есть некоторые вещи надо понимать в прямом смысле, а некоторые в переносном. В прямом смысле этот вурдалак не сосал кровь. И кости на могилах он тоже не глодал. Он прекрасно обедал в самых лучших ресторанах. И очень чисто одевался. И ездил по городу на лихачах — на самых лучших извозчиках, которые неслись как ветер, потому что кони у них были замечательные, породистые, в яблоках и без яблок, очень красивые, с тонкими перебинтованными ногами. Я еще застал таких лихачей в Москве, когда мне было лет пять, я их смутно помню — помню только, что они были очень красивы. Я с дядей даже пару раз прокатился на таком лихаче, просто так, для интереса. Часто ездить на них нельзя было, потому что это было очень дорого. Но пару раз дядя меня прокатил. Один раз мы с дядей взяли лихача в Охотном ряду, там, где сейчас проспект Маркса. Где сейчас стоят такси, возле гостиницы «Москва», раньше была стоянка лихачей. Я всегда сам выбирал коня. Помню, я долго выбирал коня, а извозчики наперебой зазывали нас, каждый к себе, и каждый расхваливал свою лошадь. А еще они хлопали себя по бокам руками, как птицы крыльями, чтобы согреться, потому что это было зимой. Лошади были в инее, и из ноздрей у них шел пар. Я сам выбрал себе самого красивого коня. Это был замечательный конь — высокий, весь в яблоках, с маленькой гордой головой на тонкой шее, с тонкими перебинтованными ногами! Мы сели в маленькие сани, укрылись медвежьей полостью — шкурой и покатали по улицам. Вот это было здорово! Конечно, на такси тоже здорово. Но на лихачах тоже здорово, тем более, что их уже нет.

Мы с дядей сидели сзади, тепло укрытые медвежьей полостью, обшитой по краям красной бахромой, а впереди сидел кучер-лихач, помахивал кнутом и покрикивал на прохожих: «Э-э-э-бр-гись!». На кучере была толстая шуба, зеленым сукном наверх, перелоясанная красным кушаком, и зад у кучера был огромный, как подушка. Я смотрел то на этот зад, то на лошадь, то по сторонам, а по сторонам улицы были сугробы, хотя мы летели по самому центру Москвы, и снег сыпал нам в лицо, и я сразу стал весь красный, и дядя

был весь красный, и на усах у него были сосульки, и когда к нам оборачивался кучер, он тоже был весь красный, а лошадь была вся белая от инея, она храпела и далеко выкидывала тонкие ноги, разбрызгивая по сторонам снег, и мы летели как ветер!

А когда мы приехали домой, лихач разрешил дать лошади кусочек сахара — я спе-

циально брал с собой сахар — и погладить лошадь по голове...

Так вот — этот «Благодарю за внимание» только и делал, что ездил на таких лихачах! А многие ходили пешком. И мой дядя ходил пешком. И мой папа. И мама. Потому что они были бедные. А «Благодарю за внимание», этот вампир, был очень богатый. Ему принадлежал не только наш дом — у него был еще дом на Мохсвой, и еще где-то были дома, в которых он сдавал комнаты разным бедным людям. И драл с них по три шкуры. Потому что он был *эксплуататор*: наживался на бедных. Вот в таком смысле он и сосал кровь. А после революции у него все отобрали и поселили его в маленькой комнате без окна, возле кухни. А его комнаты отдали бедным, в том числе и нам, и нашим соседям. Вот какой это был человек «Благодарю за внимание»!

Конечно, ему было обидно, что у него все отобрали. Поэтому он и держался от всех в стороне. И никого не пускал в свою комнату. Дядя говорил, что он не любил людей. А такой вежливый он был просто потому, чтобы к нему не лезли. Чтоб от него отстали. Чуть что, он сразу говорил «благодарю за внимание» или «большое спасибо» и поворачивался к вам спиной.

НА БРАЮ СВЕТА

Мы часто выезжали с дядей на рыбалку. Выезжали мы всей семьей, вместе с Хангом и Чангом. Обычно мы ездили в Мамонтовку, недалеко от Москвы. Там есть река Уча, в ней мы ловили рыбу. Недавно я случайно был в Мамонтовке — выступал там перед ребятами в школе. Потом я пошел прогуляться по Мамонтовке и вспомнил те далекие годы, когда мы с дядей ловили рыбу в Уче. Сколько с тех пор воды утекло! Очень изменилась с тех пор Мамонтовка. Она стала благоустроенной. Это уже не деревня, а поселок. Всюду там электричество. И выросли каменные дома. А раньше там просто сеяли хлеб, жали хлеб, молотили хлеб, косили сено. Раньше это была просто деревня с пережитками прошлого. В ней даже были кулаки. Один раз дядя показал мне настоящего кулака. Вот было интересно! Но я его почти не помню. Теперь там кулаков, наверное, никто не помнит, их давно уже не стало. С тех пор там все изменилось. И река изменилась.

Я долго ходил по Мамонтовке, ходил по берегу Учи и даже нашел тот холмик, под которым мы с дядей разводили костер. Толь-

ко баньки я не нашел, там еще должна была стоять деревянная банька, наполовину в воде, на столбах. А может быть, это было в другом месте?..

...Мы выехали из Москвы ночью и рано утром пришли на берег Учи, к маленькой деревянной бане, стоявшей наполовину в воде, на столбах.

Я первый сбрасываю рюкзак на белую от инея траву. Потом я снимаю рюкзак с Ханга и Чанга: у них тоже маленькие рюкзаки. Они носятся по берегу как угорелые — от радости. Я тоже прыгаю на траве от радости, и мои сапожки сразу становятся мокрыми от росы. Солнца еще нет, но уже светло. Вокруг так красиво! Все в тумане. Туман такой сильный, что противоположного берега Учи совсем не видно. Вдалеке туман стоит сплошной стеной, а вблизи он все время шевелится, дышит, перемещается косматыми струями. Уча дымит! Кажется, что в реке горит невидимый огонь и дым от него поднимается из воды в небо. Иногда в разрывах тумана появляются то травяной холмик, то ивовый кустик, которые плавают в воздухе. Река бесконечна. Мы

стоим на краю света, за которым уже нет ничего, кроме этой реки!

— Мы-ы на краю све-ета! Мы-ы на краю све-ета! — пою я, приплясывая на скользкой траве, а вокруг меня пляшут Ханг и Чанг.

Потом мы вытаскиваем из рюкзаков вещи и раскладываем их на берегу, подстелив большую клеенку. Палатку мы тоже вытаскиваем и устанавливаем ее на берегу. Палатку устанавливает дядя, а папа, мама и я помогаем. Потом я с дядей иду за глиной: это очень важное дело!

Неподалеку от воды находим мы небольшой глинистый обрывчик, набираем мешочек глины и возвращаемся к машине. Дядя готовит подкормку для рыбы. Он достает из машины кусок фанеры и огромную коробку из-под леденцов с пробитыми в крышке дырочками — в коробке хранятся длинные толстые черви. Они называются выползками — дядя накопил их в нашем скверике в Москве. Мы берем червей горстями, кладем их на фанеру и рубим специальной железной тяпкой на мелкие кусочки. Это жаркое для рыбы, «бефстроганов», как говорил дядя. Мама всегда уходила, когда мы готовили «бефстроганов» для

рыбы, — она не могла этого видеть. А мы с папой помогли дяде.

Нарубив червей, мы перемешиваем их с глиняным тестом и лепим пироги. Потом мы лепим пироги с кашей — с перловкой и с гречкой. Кашу дядя тоже специально приготовил в Москве. А еще дядя привез мешочек пареной пшеницы, но из нее мы не делаем пироги — она нужна для насадки. Но это не все! Еще у дяди есть хлеб, белый и черный, перемятый на анисовом масле с ватой — чтобы он лучше пах и лучше держался на крючке: если он без ваты, он быстро размокает в воде и слезает с крючка, а с волокнами ваты он держится крепко. Еще у дяди есть мотыль — мелкие тоненькие красные червячки с черными головками, такие блестящие, как будто они покрыты лаком. Вот сколько вкусных вещей приготавливал дядя для рыбы! Еще бы — я же вам говорил, что мой дядя был замечательным рыболовом, специалистом этого дела! Дядя всегда тщательно готовился к каждой рыбалке. Поэтому он всегда ловил много рыбы.

Закончив стряпать, мы отходим вниз по течению и спускаемся к годе между ивовыми

кустиками. Наша машина, палатка, мама, Ханг и Чанг исчезают в тумане. Теперь мы одни. Мы видим только ивовые кусты, траву под ногами и темную дымящуюся воду. Даже друг друга мы плохо видим — такой сильный туман.

Дядя знает, что выше нас на реке перекат, узкое место — там можно перейти речку вброд — а здесь глубокое место с ровным и тихим течением. Здесь мы и открываем «рыбью столовую» — забрасываем в речку пироги с кашей и «бефстрогановыми». Но и это еще не все!

После этого дядя начинает читать *закливание*. Дядя всегда читал заклинание перед началом рыбалки.

Дядя присаживается на корточки возле воды, держа в руках длинную удочку. Мы с папой тоже садимся на корточки позади дяди, с удочками в руках.

Вокруг тихо-тихо. Только ивовые кусты едва шелестят острыми серебристыми листиками, да вдали за рекой, в тумане щелкает соловей. Потому что весна...

Дядя начинает свое заклинание торжественно, тихим гортанным голосом. А мы повторяем за ним шепотом.

Слушайте, я открываю вам секрет своего дяди! Великий секрет великого рыболова!

Дядя начинает:

— Выходи, плотва, из глыбы,

Да поведай разной рыбе...

— Да поведай разной рыбе! — повторяем мы с папой.

— Нынче всех под бережком

Угощу я пирожком!

— Угощу я пирожком! — повторяем мы.

— Выходи-ка со двора,

Густерочка-густера!

— Густерочка-густера! — повторяем мы.

— Выходи ко мне подуст,

Я развею твою грусть!

— Я развею твою грусть! — повторяем мы.

— Выходи, бокастый лещ,

Мы-то знаем, что ты вещь!

— Мы-то знаем, что ты вещь! — повторяем мы.

— Все сюда без лишних слов,

Ждет великий рыболов!

— Ждет великий рыболов! — повторяем мы.

После этого дядя встает и первый закидывает свою удочку. Я тоже закидываю свою удочку. И папа закидывает свою удочку.

Мы стоим на некотором расстоянии друг от друга, так, чтобы не мешать друг другу во время забросов, чтобы не зацепиться лесками. Потому что мы все время вытаскиваем и снова забрасываем свои удочки. *Мы ловим в проводку*. Это очень интересная и ответствен-

ная ловля. Не каждый умеет ловить в проводку! А я умею! Меня научил дядя.

Я закидываю снасть немного выше себя по течению, подальше от берега. А иногда и не подальше от берега — это смотря по тому, как скажет дядя. Дядя всегда тщательно вымеряет дно там, где мы начинаем ловить, и поднимает поплавок на такое расстояние от крючка, чтобы *насадка шла по дну*. Это тоже очень важно! А иногда немного выше дна. А иногда в полводы. Все зависит от того, в какое время ловить, где ловить, как ловить и какую рыбу. Дядя все это знал. И я это прекрасно знаю. Я с детства знаю все секреты рыбной ловли, потому что дядя меня *натаскал*. Натаскать — значит хорошо научиться. Просто мне повезло, что у меня был такой дядя.

А сейчас мы ловим со дна. Я закидываю снасть немного выше себя по течению, мой поплавок встает торчком и медленно проплывает мимо меня. У меня замечательный поплавок! Он сделан из пробки. Верхняя часть поплавка покрашена красной краской, а нижняя зеленой. Это чтобы он был тебе виден, а рыбе не виден. Поплавок у меня замечательный, что и говорить! Он очень тонкий, нервный и чуткий, и точно откликается на любую поклевку. И у дяди замечательный поплавок, и у папы. Потому что поплавок дядя делал сам. Даже блесны он делал сам. Дядя сам выдумывал разные типы блесен и грузил. Некоторые типы даже были приняты на вооружение в рыболовных магазинах. Пойдите-ка в рыболовный магазин на Кузнецком мосту и спросите — есть ли у них блесна «власовка»? Вам скажут, что есть. Эту блесну придумал дядя, он назвал ее так в честь своего друга Власова. Все наши снасти сделаны дядей собственноручно. Только лески дядя покупал в магазине. И удочки. И еще кое-что. Но все это он потом переделывал. Переделывал дядя отлично. Дядя всегда все делал отлично, с любовью. «Никогда ни в каком деле нельзя халтурить!» — говорил дядя. Халтурить это значит делать плохо. Дядя никогда не халтурил, даже в мелочах, даже переделывая какую-нибудь мелочь. А переделывать дядя любил. Мой дядя переделывал жизнь, а не то что какие-то там поплавки! Дядя очень любил стихи Маяковского: «Надо жизнь сначала переделать, переделав, можно воспевать!»

— Переделав, можно воспевать! — напеваю я шепотом и слежу за поплавком. Я смотрю только на поплавок. Но боковым зрением я вижу папу и дядю. Я вижу, как они закидывают свои удочки. Мы не разговариваем, раз-

говаривать на рыбалке нельзя, потому что может услышать рыба. Она может услышать, что о ней говорят, и уйти. А напевать можно — но так, чтобы рыба не слышала. Напевать даже полезно, это помогает сосредоточиться.

— Надо жизнь сначала переделать... — напеваю я и вдруг вижу, что мой поплавок вздрагивает и начинает тонуть... Это лещ! Лещ всегда так клюет. Я подсекаю и чувствую на крючке здоровую рыбу.

— Дядя! — кричу я. — Дядя!

Дядя уже бежит ко мне. Он бежит с подсачником. Дядя берет в руку мою удочку и осторожно вываживает рыбу. Ну, конечно, это лещ! Вот он поворачивается боком в воде у берега. Какой здоровый! Удилище в руках у дяди изогнулось дугой. Одной рукой дядя держит удилище, а другой подводит под леща подсачник. Выдергивать такого леща на воздух нельзя — он сорвется. Он слишком тяжелый. Наверное, килограмма два. Вот это

рыба! Дядя подсачивает его и вынимает из воды.

Лещ прыгает на берегу, ударяя хвостом по яркой зеленой траве, серебристый, бокастый, широкий, как доска. Как он красив на зеленой траве! Как расплавленное олово!

— Надо жизнь сначала переделать, — ору я в восторге, — переделав, можно воспевать! — и приплясываю вокруг леща.

Я дико пляшу вокруг леща.

— Перестань! — говорит дядя. — Ты распугаешь всю рыбу.

Дядя пускает леща в садок, к другим рыбам, которых поймали он и папа. Садок привязан в воде под кустиками. Там несколько здоровых лещей. И несколько плотвиц. Когда к ним подходишь, они начинают барахтаться.

Мы продолжаем ловить. Клюет хорошо. Я то и дело вытаскиваю на берег рыбу. Небольшую я вытаскиваю сам, а крупную вместе с дядей.

ЧЕТВЕРТАЯ УХА

А солнце уже сияет вовсю. Туман рассеялся, и я увидел, что мы вовсе не на краю света.

Я увидел далеко-далеко всю Учу, извивающуюся посреди зеленых берегов. Позади меня был луг, по которому бродило пять белых козочек, а за лугом была деревня, а за деревней был лес. На другом берегу реки тоже были луга и за лугами тоже лес. Леса стояли едва приодетыми, кое-где они были совсем серыми, а кое-где коричневыми, а кое-где лиловатыми, а кое-где зеленоватыми и желтоватыми — такими нежными-нежными, какими бывают только весной.

Я увидел нашу палатку на берегу возле баньки и кучу хвороста возле палатки, и маму, которая бродила по берегу и собирала хворост. Ханг и Чанг крутились возле нее — они тоже собирали хворост.

Позади мамы я увидел двух каких-то людей, которые приближались к нам с удочками в руках. Через некоторое время они остановились позади нас.

— Здравствуйте! — сказал первый. — Ни пуха, ни пера!

— К черту! — сказал я.

— Ну как, плохо? — спросил второй.

— Да нет, ничего, — сказал дядя, не оборачиваясь и глядя на поплавок. — А у вас как?

— Плохо! — сказал первый. — Что-то не клюет...

— А у вас очень плохо? — спросил второй.

— У нас очень хорошо! — сказал я.

— Штук пять поймали?

— Мы больше поймали!

— Мелочь?

— Ничего не мелочь!

— Где?

— Да вон там, в садке, — говорю я небрежно.

И тут я вижу, что дядя смотрит на меня уничтожающим взглядом. Но уже поздно!

Эти двое подходят к садку, приподнимают его и ахают от удивления. Они тут же располагаются рядом ловить. Вот почему дядя так на меня посмотрел. Теперь мне от дяди попадет...

— Вы идите подальше, — говорю я. — Всем тут тесно!

— Ничего не тесно! — говорит первый. — Поместимся!

— Вы что, это место купили? — говорит второй.

Они становятся между мной и дядей и забрасывают свои удочки. Дядя зловеще молчит. И те двое молчат. Мы все молчим.

У дяди клюет, и он вытаскивает большого леща. Просто огромного! У тех двоих глаза лезут на лоб. Они молча забрасывают свои удочки прямо дяде под нос. И, конечно, сразу зацепляются за дядину удочку.

— Не кидайте под руку! — сдержанно говорит дядя, отцепляя свою удочку. — Что, вам места на реке не хватает?

— Нам-то хватает! — говорит первый. — Это вам не хватает! Захватили лучшее место!

— Ты что, это место купил? — зло говорит второй.

— А ты мне не тыкай! — говорит дядя. — Все равно вы ничего не поймаете!

— Почему это мы не поймаете?

— Потому что вы не умеете ловить! — говорит дядя.

— Это мы еще посмотрим! — говорит второй.

Тут дядя опять вытаскивает леща. И я вытаскиваю. И папа вытаскивает. А те двое не вытаскивают. Они просто зеленеют от злости. И опять закидывают свои удочки прямо под нос дяде. Мы закидываем тихо, почти неслышно, а они размахивают своими палками, как цепями, снасть у них грубая, крючки с червяками болтаются под самым поплавком, и поплавки у них огромные, тяжелые — они оглушительно плюхаются в воду.

— Доннерветтер! Это уже слишком! — говорит дядя. — Пойдемте! А вы все равно ничего не поймаете! Попомните мое слово!

— Мы знаем слово! — говорю я. — А вы не знаете слова. Вот вы и не поймаете!

— Ишь, колдуны какие нашлись! — говорит первый.

— Уматывайте лучше отсюда! — говорит второй. — А то мы вам сейчас покажем, какое слово!

— Ничего вы нам не покажете! — кричу я.

— Замолчи! — говорит папа. — Я запрещаю тебе разговаривать!

Дядя вынимает садок и мы гордо идем мимо этих двух со своей рыбой. Я помогаю дяде нести садок. Он очень тяжелый. В нем, наверно, пуда два рыбы. Эти двое смотрят на нас с ненавистью. А мы на них даже не смотрим. Что нам на них смотреть. Пусть они на нас смотрят.

Когда мы подходим к палатке, Ханг и Чанг встречают нас радостным лаем. Они очень любят рыбу: сырую и вареную. Дядя сразу кидает им несколько рыбин, и они весело улетают их. Потом дядя идет к реке чистить рыбу. Мама ему помогает. А мы с папой разводим костер, чтобы варить уху.

Я очень люблю разводить костер! Не каждый умеет развести костер одной спичкой... Почему одной? Во-первых, потому, что спички в путешествии надо экономить. Это закон всех путешественников. Это вам могли бы подтвердить и Амундсен, и Нансен, и Пржевальский, и Миклухо-Маклай. А уж это были настоящие путешественники! Представьте себе, что вы остались где-нибудь в пусты-

не с одной спичкой в кармане. Или где-нибудь на Северном полюсе — это еще хуже, потому что в пустыне жарко, а на Северном полюсе холодно. И вот вы остались с одной спичкой, и вам нужно зажечь костер, чтобы сварить себе что-нибудь поесть или согреться. Можно, конечно, зажечь костер от солнца, с помощью увеличительного стекла. А если солнца нет? Если все небо закрыто облаками? Или ночью? А вам нужно развести костер! Можно, конечно, раздобыть огонь трением — по способу древних людей. Это я тоже умею. Но это очень долго, на это надо потратить несколько часов. А тут надо сразу развести костер. Допустим, у вас кто-нибудь болен и нужно срочно вскипятить воду, чтобы продезинфицировать шприц и сделать больному укол. Или просто напоить его чаем. И вы зажигаете свою последнюю спичку и подносите ее к дровам. А она обжигает вам пальцы и тухнет! И дрова не загораются. Это, конечно, позор! Вот почему так важно уметь зажечь костер одной спичкой. Это во-первых. А во-вторых — зажечь костер одной спичкой это *мастерство*, это высший класс! А мастерство всегда вызывает уважение.

Мы с папой разводим свой костер мастерски. Сначала мы расчищаем для костра место. Потом мы берем самый тонкий, самый сухой хворост, ломаем его на мелкие кусочки и кладем в середину расчищенного места на землю, тесно прижав друг к другу веточки хвороста. Если у вас нет под рукой хвороста, можно нащепать щепок — топором от бревна. Конечно, если у вас нет и бревен, если вообще нету дров — вы не разведете никакого костра! Чтобы развести костер, надо иметь дрова. Тут уже никуда не денешься!

Разводить костер надо не спеша, тщательно. «Поспешись — людей насмешись», — всегда говорил дядя. Если поспешись, все равно опоздаешь, потому что сделаешь что-нибудь не так и придется все начинать сначала. Только зря потеряешь время. А время идет, время никогда не стоит на месте!

Поэтому мы с папой все делаем тщательно. На мелкий хворост мы кладем хворост потолще, тоже сухой. А на него еще потолще. А сверху мы кладем толстые полешки, толщиной в руку. Все это мы кладем крест-накрест. Еще мы следим за направлением ветра и складываем дрова так, чтобы самый сухой, пылкий хворост лежал с краю, а не в середине кучи, чтобы он лежал с *наветренной стороны*. Наветренная сторона это та сторона, с которой дует ветер. С этой стороны и поджигают костер. Тогда огонь пойдет на дрова и они быстрее загорятся. Если ветра

нет, можно сухой хворост класть в середину — тогда огонь тоже пойдет на дрова.

Я зажигаю спичку и подношу ее к хворосту — хворост мгновенно вспыхивает и разгорается с веселым треском. Огонь лижет дрова. Сейчас нельзя их трогать — надо им дать разгореться.

Теперь мы все сидим у костра. Наш костер горит очень торжественно. И солнце в небе горит торжественно — высоко над нами. Становится жарко. Мы все с себя снимаем и остаемся в одних трусах. Хангу и Чангу тоже становится жарко, но они не могут снять своих шуб, поэтому они развалились в стороне от костра, высунув красные языки и оскалив клыки, и тяжело дышат. «Надо искупаться», — говорит дядя, и мы все идем купаться. Мы купаемся долго и весело, а потом возвращаемся к костру и начинаем варить *четвертную уху*. Вы знаете, что такое четвертная уха? Сейчас я вам расскажу!

Чтобы сварить четвертную уху, надо иметь много рыбы. У нас-то ее достаточно! Мы набираем в котелок воды, укрепляем его над огнем и бросаем туда несколько луковиц, лавровый лист и перец горошком. А потом мелкую рыбу. Мы варим ее долго, пока она совсем не разварится. Когда рыба разварится, мы процеживаем уху через марлю, отдаем рыбу Хангу и Чангу, а юшку ставим опять на костер. Теперь мы варим в этой юшке рыбу покрупнее. И опять все процеживаем. Третий раз мы варим головы и хвосты крупных рыб и опять все процеживаем. Под конец мы кладем в уху несколько картошек, а когда они сварятся, кладем туда большие, тщательно промытые куски крупной рыбы, а также молоки, икру и печенку. Четвертый раз мы варим уху совсем недолго — мы даем ей закипеть три раза и снимаем ее с огня. Теперь она должна постоять закрытой минут двадцать — и уха готова!

Вот это и есть *четвертная уха*. Вот это уха! Это, я скажу вам, уха! Потрясающая уха!

И еще надо иметь большую ложку, чтобы есть эту уху. И непременно деревянную — из

деревянной ложки уха намного вкуснее, нежели из железной. И не такая горячая. Вот тогда вы поймете, что это за уха. Ух-ха-ха, что это за уха!

...Мы сидели прямо на земле возле костра и ели уху, обливаясь потом. У меня на глазах даже выступили слезы — такая она была вкусная! «Крокодиловы слезы», — называл их дядя. У меня всегда выступали на глазах слезы, когда я ел такую уху. Уха была совершенно прозрачной, янтарного цвета, сверху на ней плавали плоские жиры и несколько угольков, упавших в нее из огня, а пахла она дымом и лавровым листом и перцем — но я не могу ее вам описать, вы должны ее сами попробовать.

Сначала мы ели одну юшку с картошкой, а мясо мы вынули, положили на крышку котелка и съели потом. Мясо лещей было совершенно белое, а у плотвы желтоватое, а у подустов розоватое. Все оно было нежное — так и таяло во рту!

Ханг и Чанг лежали рядом на траве и смотрели, как мы ели уху. Они смотрели на нас совершенно равнодушно, потому что уже наелись. Мы тоже быстро наелись — первым отвалился я. Потом отвалилась мама. А потом папа. Дядя отвалился последним, растянулся на траве и закурил свою трубку. Дядя всегда отваливался последним, потому что ел медленно и не спеша, и всегда заканчивал рыбными головами — он всегда тщательно разделял рыбы головы и так обсасывал каждую косточку, что ее можно было сдать в музей, — так говорил сам дядя. Дядя считал, что рыбы головы самое вкусное. Но я так не считал. Я быстро отваливался и валился на землю, и раскидывал руки, и смотрел в небо. В небе текли облака, я лежал на спине и смотрел на них, и думал о том, как прекрасно жить на свете, когда у тебя такой дядя, который умеет так ловить рыбу и делать из нее четвертную уху, и который вообще все умеет делать!

И тут вдруг заворчали собаки...

ЧЕЛОВЕК С КОСТЫЛЕМ

Я приподнялся на локте и увидел, что мимо нас идут *те двое*. Они несли свои удочки, а больше у них ничего не было. Они ничего не поймали!

— Ну как, поймали? — крикнул я им нарочно.

Ханг и Чанг смотрели на этих двоих рыча и скаля зубы. Шерсть на них встала дыбом.

— Уберите собак! — сказал первый и остановился.

Второй тоже остановился. Он был совсем бледный.

— Идите, идите! — крикнул им дядя. — Собаки не тронут!

Те двое снова двинулись, следя за собаками и далеко обходя нас по берегу.

— Ну как, поймали? — опять крикнул я.
Но они ничего не ответили. Я засмеялся.
— Перестань, — сказала мама. — Зачем ты их дразнишь?

Но *те двое* ничего не ответили. Да и что им было ответить!

Но когда они отошли подальше, второй вдруг обернулся:

— А собак надо держать в намордниках! — крикнул он. — Шляются тут всякие! Мы милицию вызовем!

— Вот видишь! — сказала мама. — Теперь будут неприятности...

— Ничего не будет! — сказал дядя. — Никого они не вызовут. А вызовут — тоже не будет.

— А может быть, будет! — сказала мама. — Мало ли что они наговорят... И будут неприятности. Не надо было их дразнить. И показывать им свою рыбу. А уж если показали, научили бы их ловить!

— Вот еще, — сказал дядя. — Буду я каждому первому встречному открывать свои секреты... Правда, Чанг?

Чанг лизнул дядю в нос. И Ханг тоже лизнул дядю в нос. Я тоже сказал:

— Правда, Чанг? — и собаки по очереди лизнули меня в нос.

— Ты-то уж помолчи! — сказал дядя. — Это все ты виноват! Вечно лезешь не в свое дело!

— А что он сделал? — спросила мама.

— Подробности не имеют значения! — сказал папа.

— Сколько раз я тебе говорила, — сказала мама, — сколько раз я тебе говорила: не лезь в разговоры взрослых! Ты всегда все испортишь!

— Ну ладно, — сказал папа. — Ничего не произошло, а вы уже волнуетесь. Давайте лучше отдохнем.

Мой папа всегда всех успокаивал. Он был очень тихий человек.

Мы залезли в палатку. Там была тень. Ханг и Чанг легли возле палатки.

Я лежал у входа в палатку на своем плаще, на животе, положив локти на рюкзак, а подбородок на руки, и смотрел на желтый одуванчик. Одуванчик рос прямо передо мной, у входа в палатку. У него были зубчатые остро-зеленые листья, а сам он был ярко-желтый, ядовитого цвета, потому что он только что распустился. Это был первый весенний одуванчик. На его цветке ползала какая-то черненькая букашка. У букашки было блестящее, приплюснутое с боков тельце, величиной с пшеничку, и маленькая-маленькая головка, величиной с булавочную головку. На головке торчало два тоненьких усика, тоненьких, как паутинки, и букашка все время шевелила этими усиками, барахтаясь в лепесточках цветка.

Я опустил глаза и посмотрел *сквозь одуванчик*. Одуванчик сразу стал огромным, он заслонил собою весь мир, он заслонил толстые бревна костра и огонь над ними, и маленькую березку позади костра, и луг позади березки, и пять белых козочек, бродивших по лугу, и деревню за лугом, и небо, и облака. И я представил себе мир с точки зрения этой букашки. «Каким он должен представляться ей огромным, этот мир!» — подумал я о букашке и закрыл глаза... и увидел поплавок! Да, да, я увидел поверхность реки и на ней *мой поплавок*, который дергался, и по воде от него расходились круги, и он начинал тонуть... Я открыл глаза и опять видел темный силуэт одуванчика на фоне вспыхивавшего неба и пестрой земли, которые опять уплывали, когда я закрывал глаза — и тогда я опять видел поплавок на воде, а потом опять одуванчик, небо и землю, а потом опять поплавок... и тут я заснул.

Я проснулся от шума.

— Ханг! Чанг! Ханг! *Хачанг!* Доннерветтер! *Хачанг!*..

«Что такое?» — подумал я. Я сначала подумал, что это мне снится. Но это не снилось. Это кричали папа, мама и дядя.

— *Хачанг!* — кричал дядя. — *Хачанг!* — когда дядя звал двух собак сразу, он всегда кричал «Хачанг».

Я вскочил и огляделся по сторонам.

Я увидел на лугу потрясающую карусель! Вот это была карусель! Я увидел, как по широкому кругу носятся: маленькая беленькая козочка, за козочкой Ханг, за Хангом Чанг, за Чангом дядя, за дядей папа, за папой мама, а за мамой *те двое*, а за *теми двумя* какие-то женщины... Шум стоял страшный! Дядя орал, папа кричал, мама кричала, козочка бляела, женщины причитали, *те двое* ругались. Только Ханг и Чанг мчались по кругу молча. Языки у них были вывалены, клыки оскалены, шерсть встала дыбом, а глаза чуть не выскакивали из орбит.

А в середине этого сумасшедшего круга стояли еще четыре козочки, тесно прижавшись друг к другу и дрожа с головы до ног. И тоже бляели.

Вот это была карусель, скажу я вам! Такой карусели я в жизни не видывал. Ни до, ни после. Вот это была карусель!

Потом-то я смеялся. И дядя смеялся, и папа, и мама, — но в тот момент нам было не до смеха.

Я кинулся в этот круг наперерез собакам, прямо на Ханга, и через секунду Ханг сбил меня с ног. В тот же момент на нас налетел Чанг и мы покатались клубком по земле. Ханг и Чанг кусали друг друга и шерсть летела от них клочьями.

— Так ему! — кричал дядя. — Дай Хангу! Дай ему!

Я так и знал, что это подстроил Ханг. В нем пробуждались звериные инстинкты, когда он видел близко какую-нибудь кошку, козу или теленка. Такое уж он был существо!

И вдруг я увидел человека, который бежал к нам из деревни через луг, как-то странно припрыгивая. В одной руке он держал костыль, а в другой ружье. Он хотел застрелить собак!

— Дядя-а! — заорал я. — Дядя-а! — и указал рукой на человека с костылем.

Но дядя уже его сам заметил. Мой дядя все замечал вовремя.

— *Хачанг!* — прошипел дядя одними губами.

В мгновение ока черный клубок превратился в Ханга и Чанга. Они встали и послушно подошли к дяде, зализывая свои раны.

— Сидеть! — прошипел дядя.

— Что здесь происходит? — крикнул человек с костылем.

Он подходил к нам. Он был в фуражке с красным околышем. И *те двое*, и три женщины тоже подошли к нам, возбужденно разговаривая и размахивая руками. Все они остановились на почтительном расстоянии, потому что Ханг и Чанг оскалили зубы и зарычали. Вид у них был внушительный!

— Что здесь происходит? — грозно повторил человек с костылем.

— Какие-то иностранцы! — крикнул первый из *тех двоих*. — Шляются тут по берегу!

— Что вы говорите! — сказала мама, — какие мы иностранцы!

— Ясно, иностранцы!

— Костры палят! — крикнула женщина.

— Коз травят! — крикнула вторая.

— И рыбу травят! — крикнул один из *тех двоих*. — Я сам видел! Вон тот! — и показал пальцем на дядю.

— Боже мой! Этого еще не хватало! — сказала мама.

— Потрудитесь объяснить! — сказал человек с костылем. — А собак надо держать в мордниках!

— А вы кто такой? — спросил дядя.

Дядя был совершенно спокоен. Он только попыхивал своей трубкой.

— Я здесь бригадир! — сказал человек, поправляя на плече ружье. — В чем дело?

— Ни в чем! — сказал дядя, не вынимая изо рта трубки. — Я не понимаю, что вы так разволновались! Просто мы здесь отдыхаем. И ловим рыбу.

— Вы лучше расскажите, как вы ее травите! — крикнул один из *тех*. — Я сам видел! Бомбами!

— Мы их прикармливали! — сказал я. — Глиняными пирогами!

— Помолчи! — сказал папа. — Подробности не имеют значения...

— Знаем мы эти пироги! — крикнул второй из *тех двоих*. — Травили! Я сам видел — бомбами!

— И коз травили! — крикнула одна из женщин.

— Никто их не травил! — сказал дядя. — Козы сами полезли к собакам. Они полезли первые! Собаки их немного погоняли, вот и все.

И тут все женщины затараторили разом:

— Что такое!.. Ну и дела!.. Иностранцы... травили... намордники... забрать... Козы ели собак... Моя коза!..

— Р-р-р-р-р-р-р-р-р-р! — сказали Ханг и Чанг.

И тут один голос покрыл все остальные:

— Моя коза! Моякозамоякозамоякозамоякоза! Где коза?

Это кричала хозяйка козы.

Дядя обернулся.

И все обернулись.

Но там, куда все посмотрели, стояло только четыре козы. Пятой козы, той, которую гоняли по кругу, не было видно...

— Они ее съели! — крикнула женщина.

— Утопили!

Все опять зашумели.

— Тише! — сказал человек с костылем. — Ваши документы! — обратился он к дяде.

Подойти он боялся из-за собак.

— Придется проследовать в контору! — добавил он. — Там разберемся.

— Место! — приказал дядя собакам и подошел к человеку с костылем. Дядя отдал ему документы. Человек стал их просматривать.

Мы молчали, а женщины о чем-то перешептывались с *теми двумя* и смотрели на дядю. А мы смотрели на человека с костылем. Вдруг его лицо прояснилось. Он посмотрел на дядю, но совсем по-другому. Он был смущен.

— Очень сожалею, товарищ, — сказал он дяде. — Но придется проследовать. И вам придется проследовать, — сказал он *тем двоим* и женщинам. — Там разберемся!

Но тут вдруг раздалось бляение — оно шло откуда-то с неба!

Все посмотрели вверх...

— Вон ваша коза! — сказал дядя.

Он ткнул трубкой в небо. И все увидели козу...

Коза стояла на трубе, на крыше деревянной баньки...

Сначала все оторопели, а потом рассмеялись. Первым рассмеялся дядя, потом я, потом мама, потом папа, а потом человек с костылем, а потом женщины. *А те двое не смеялись* — они стояли мрачные.

— Ну и дела! — сказал человек с костылем. — Бывает! — и отдал дяде документы.

— Манечка! — крикнула хозяйка козы. — Подь сюда, Манечка!

Коза заблеяла, но не слезла.

— А насчет рыбы вы не сомневайтесь! — сказал дядя. — Мы ее не травили.

— Я и не сомневаюсь, товарищ начальник! — сказал человек с костылем. — Хорошие у вас собаки!

— Чудо собаки! — сказал дядя.

— Я вижу, что чудо!

— Породистые! — сказал я. — Медалисты!

— Я вижу! Можно погладить?

— Пожалуйста! — сказал дядя. — Они не тронут. Лежать! — приказал он.

Ханг и Чанг легли на траву. Человек с костылем осторожно погладил — сначала Ханга, потом Чанга.

— А нам можно? — спросили женщины.

— Гладьте, гладьте, — сказал я. — Гладьте!

Женщины тоже погладили собак.

— Сроду таких не видывала! — сказала хозяйка козы.

— А конфетку возьмут? — спросил человек с костылем.

Он достал из кармана конфетку и по очереди протянул ее Хангу и Чангу. Те гордо отвернулись.

— Ну и собаки! — засмеялись женщины. — Умнее людей.

— Еще бы! — сказал человек с костылем. — Военные! Отдай им конфетки, — сказал он и протянул мне две конфетки.

Я кинул конфетки — Ханг и Чанг молниеносно лязгнули челюстями.

— Глянь-кась! — сказала одна из женщин и все опять засмеялись.

— Разве можно таким умницам надевать намордник! — сказал человек с костылем. — Разве можно! — и он опять погладил собак.

— А нам можно погладить? — спросил первый из *тех двоих*.

Но человек с костылем строго на него посмотрел.

— А ваши документы? — спросил он.

— С собой нет, — сказал первый.

— Как так?

— Нет с собой, — сказал второй.

— Ты знаешь их, Марья? — спросил человек с костылем у одной из женщин.

— Этих-то? — переспросила Марья.

— Не знаем! — сказала хозяйка козы. — Подь сюда, Манечка!

— Видать — видели, — сказала третья, — а кто такие — не знаем. Мало ли кто...

Человек с костылем нахмурился.

— Придется пройти в контору! — сказал он *тем двоим*.

— Товарищ начальник!.. — начал было первый.

— Да забрать их! — сказала хозяйка козы. — Мало ли кто тут шляется... Взбаламутили всех!

— Хороших людей обидели! — сказала другая.

Человек с костылем приложил к козырьку руку:

— Всего хорошего! — сказал он дяде. — Желаю приятно провести время. А вы пройдите...

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

— Вот к чему приводят разговоры некоторых безответственных личностей! — сказал дядя, когда мы остались одни, и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Признаешь свои ошибки?

— Признаю! — сказал я тихо.

— Ну, раз признаешь, пойдем ловить! Хотя мы вряд ли что-либо поймем...

— Почему?

— Кости болят, — сказал дядя. — К дождю...

Но мы все-таки пошли — «для очистки совести», как говорил дядя.

Мы опять заняли свои места возле кустиков. Было часов семь вечера. Должен был начаться вечерний клев. Но рыба не клевала. Очевидно, она предчувствовала перемену погоды. Рыба это всегда остро чувствует. Тогда она не клюет: она уходит в глубину и там сидит, ожидая перемен.

Мой дядя тоже остро чувствовал перемену погоды. К перемене погоды у дяди всегда бо-

лели старые раны. И ныли кости. Дядя всегда очень точно предсказывал погоду. Лучше всякого бюро погоды. Потому что дядя был очень нервный. И раненый. А спокойный дядя был просто потому, что у него была очень сильная воля. На самом деле он был очень беспокойный — внутренне. Но этого он никому не показывал. «Учитесь властвовать собой!» — часто говорил мой дядя разным невыдержанным людям. Сам-то он властвовал собой прекрасно! И погоду он предсказывал прекрасно! Дядя умел предсказывать грозу, дождь, снег, заморозки и жару. И все всегда точно сбывалось. И сейчас дядя тоже сказал:

— Будет гроза! — и показал на запад.

На западе, над горизонтом, появилась темно-синяя полоса, которая постепенно росла. Она росла все быстрее. Скоро полоса закрыла солнце и стала быстро приближаться, заволакивая все небо. Подул ветер и стало прохладно. Зарябила река, сразу потемнев, испуганно

— Доннерветтер! — крикнул дядя. — Стихия! Это прекрасно! Это возвышает человека! А воздух! Какой воздух!

Меня тоже охватил восторг.

— Дождик, дождик, пуще, дам тебе гуши! — заорал я.

Опять сверкнула молния и ударил гром — прямо над нашими головами. Ханг и Чанг заворочались и жалобно заскулили.

— Мы шли под грохот канонады! — запел дядя...

— Мы смерти смотрели в лицо! — подхватил я восторженно.

Гром!.. Молния!..

— Вперед продвигались отряды! — пел дядя...

Молния!.. Гром!..

— Спартаковцев, смелых бойцов! — орал я...

Молния!!! Гром!!! Гром!!! Молния!!! Это наступают враги! Но мы с дядей не боимся! Ветер рвет стены палатки! Удар! Еще удар! А мы поем!

— Ура-а! — кричу я.

Ханг и Чанг подняли морды и завыли.

— Замолчите! — кричит мама. — У меня лопнут перепонки! — она закрыла уши руками.

Папа тоже что-то сказал, но его совсем не было слышно. Мы с дядей не обращали на них внимания.

— Вихри враждебные веют над нами! — затянул дядя...

— Темные силы нас злобно гнетут! — подхватил я...

— В бой роковой мы вступили с врагами, Нас еще судьбы безвестные ждут!..

Взрыв!!! Удар!!! Еще удар!!!

— На бой кровавый,

Святой и правый,

Марш, марш вперед,

Рабочий народ!..

Грохочет канонада! Ослепительно вспыхивают разрывы! Пулеметы хлещут по стенам палатки! Но мы с дядей не обращаем внимания! Мы поем во все горло! Мама сидит, зажав уши руками. А папа тоже поет — одними губами. Ханг и Чанг смотрят на нас с удивлением. От удивления они даже выть перестали. Сидят и дрожат...

Так мы с дядей допели до конца. Под аккомпанемент грома и молнии. Мой дядя прекрасно поет! И я прекрасно пою, особенно вот так, во время грозы. И в ванной, когда течет вода. В ванной я тоже прекрасно пою. Но лучше всего я пою во время грозы! Во время грозы я пою замечательно!

Порывы ветра постепенно стихают, и дождь становится более ровным. И гроза удаляется.

Я выглянул из палатки. Стало совсем тем-

но. Костер наш давно потух — его не слышно и не видно. Вообще ничего не видно. И я опять чувствую себя на краю света. Опять в целом мире нет ничего, кроме этой палатки, затерянной в крошечной тьме, и никого, кроме меня, дяди, мамы, папы, Ханга и Чанга.

И вдруг я услышал какой-то жужжащий, повсвистывающий звук...

— Что это? — спросила мама.

Дядя открыл полог и выглянул из палатки.

— Шаровая молния! — сказал дядя.

У входа в палатку стояла шаровая молния, величиной с человеческую голову.

Молния висела совсем низко, сантиметрах в тридцати от земли. Она излучала мертвенный свет и выбрасывала искры, издавая жужжащий и повсвистывающий звук. Казалось, она раздумывала — зайти ли в палатку?

Чанг зарычал и хотел на нее броситься, но дядя вовремя схватил его за загривок: «Лезть!» — прошептал он.

Мы лежали и смотрели на молнию, как за гипнотизированные.

— Хотите, я ее вам поймаю? — спросил дядя.

— Замолчи! — крикнула мама. — Ты сумасшедший! Я запрещаю тебе ловить эту молнию! Подумай о ребенке!

— Ты ее можешь поймать? — прошептал я.

— Запросто! — сказал дядя.

И тут молния двинулась — она стала приближаться к палатке... красивый светящийся шар медленно плыл в воздухе, жужжа и разбрызгивая искры, как огромный бенгальский огонь...

— Нагните головы! — сказал дядя.

Мы прижались к земле. Собаки тоже прижались к земле. Молния стояла совсем рядом над моей головой, обрызгивая меня белыми искрами. Она была так близко, что если бы я протянул руку, я бы достал ее рукой!

Все вокруг осветилось таинственным светом: трава, край брезента, наши головы на земле... Позади молнии все было темным-темно. Молния опустилась, коснулась мокрой травы... Я услышал шипение пара... И вдруг она исчезла! На месте молнии осталась легкая дымка...

Я вскочил, Ханг и Чанг тоже вскочили и принялись рыть лапами землю в том месте, где исчез огненный шар.

— Где она? — спросил я.

— Ушла в землю, — сказал дядя. — Молния всегда уходит в землю.

— А почему она не взорвалась?

— Скажи спасибо, что она не взорвалась! Нам просто повезло! — сказала мама.

— Нам действительно повезло! — сказал дядя. — Как нам повезло! Такие вещи встречаются чрезвычайно редко! Можно прожить

всю жизнь, так и не увидев шаровой молнии! Я считаю, что нам просто сногшибательно повезло!

— Лучше бы нам так больше никогда не везло! — сказала мама.

— Ты ошибаешься! — сказал дядя. — Это такое счастье! Тем более для мальчика!

— Ты сумасшедший! — сказала мама. — Ты всегда был сумасшедшим и остался сумасшедшим! И всегда будешь сумасшедшим! Хоть я тебя и люблю!

— Я тебя тоже люблю! — крикнул дядя. — Раскрасавица ты моя!

Они поцеловались. Мама действительно была очень красивой.

— А ты ловил шаровую молнию? — спросил я.

— Ловил! — сказал дядя.

— Как?

Дядя достал свою трубку, набил ее табаком из кисета, раскурил, распустил и выпустил сквозь усы целое облако дыма.

— Один раз, — сказал он, — во время рыбалки я вот так же увидел шаровую молнию. Она остановилась метрах в трех от меня, она была еще больше этой, огромная — около метра в диаметре! Не то что эта малютка!

— А бывают еще больше? — спросил я.

— Еще бы! — сказал дядя. — Бывают до двадцати метров в диаметре. Но моя была небольшая — около метра.

— А как ты ее поймал?

— Не перебивай дядю! — сказала мама.

— На блесну! Я поймал ее на блесну!

— Эх-хе-хе! — сказал папа.

— Я поймал ее на блесну! — повторил дядя и свирепо посмотрел на папу. — Правда, сначала я допустил ошибку...

— Какую ошибку?
— Сначала я схватил подсачник и хотел ее поддеть подсачником. Но это было глупо, потому что она его тут же прожгла! Тогда я сообразил! Я схватил свой спиннинг и показал ей блесну! И она пошла на блесну... Она так и клюнула, доннерветтер! — дядя восторженно рассмеялся.

— А дальше? — спросил я.

— Она присосалась к блесне и повисла на спиннинге! Вот это было зрелище, скажу я вам! Она висела и кипела, а я держал ее на

весу. Мне совсем не было тяжело, потому что она была легкая, как пушинка!

— А куда ты ее дел? — спросил я.

— Вот в том-то и дело! — развел руками дядя. — В том-то и дело, что я не знал, куда ее деть! Рюкзак она бы прожгла. И ушла бы в землю! Вот если бы у меня был асбест или еще какой-нибудь изоляционный материал, можно было бы выложить этим материалом рюкзак и запихнуть ее туда... Можно было попробовать! Но ничего такого под рукой не было. Так я и ходил по берегу, как дурак — с молнией на спиннинге... Хотя это было красиво! Видели бы вы, как это было красиво! Я очень долго ходил...

Дядя опять затянулся своей трубкой.

— Потом я придумал, куда ее деть!

— Куда? — выдохнул я.

— Я посадил ее в ведро! — засмеялся дядя. — В ведро с водой, предварительно насыпав туда чаю. И она в мгновение ока вскипятила мне чай! Вот это получилось здорово! Тем более, что костер затушило дождем. Сухих дров поблизости не было. Но молния прекрасно вскипятила мне чай. Что это был за чай, скажу я вам! У него был изумительный вкус! Но я не могу его вам описать, потому

что на земле нет таких вещей, с которыми можно сравнить этот вкус! Это было восхитительно! Изумительно! Прекрасно! А запах! Как пах этот чай! Он пах чем-то... чем-то чуть-чуть пригорелым... железом, что-ли... но таким железом, знаете ли... раскаленным! Он пах метеоритом! Вот именно! Вот чем он пах! И планетами! Он пах Марсом, Меркурием, Млечным Путем! И Солнцем! Вот что это был за чай!.. После десяти кружек этого чая я сразу почувствовал себя лет на двадцать моложе! Я взял его домой, разлил по бутылкам и добавлял по капельке в обыкновенный чай. Я пил его несколько

лет, и он не портился!.. Помнишь, ты приходила ко мне и я показывал тебе бутылки из-под этого чая? — спросил дядя у мамы.

— Конечно, помню! — сказала мама. — Я все, все помню!

— Эх-хе-хе! — сказал папа.

— А молния? — спросил я.

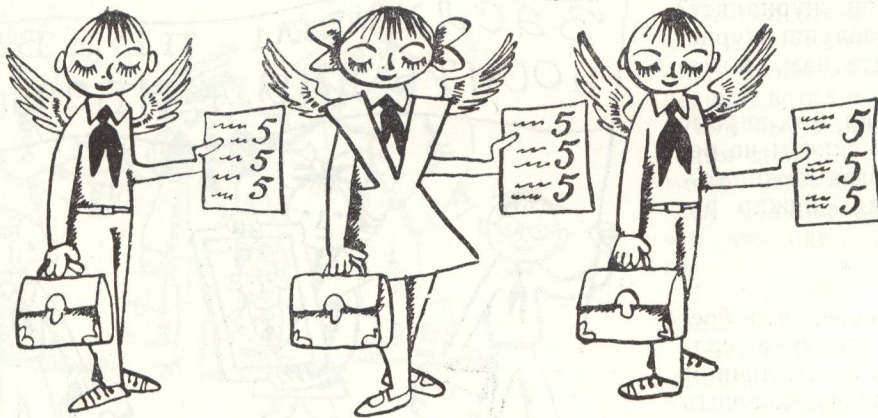
— Что же молния... молния ушла в землю! — вздохнул дядя. — Вскипятила мне чай и ушла...

(Продолжение следует)

ЭЙ, СЛЕЗАЙ С КРЫШИ!

Ф. Нафтумьев

В некоторой школе — может, вашей, а может, нашей, — плохо шли дела. Только и слышалось:

— Опять опоздал, а еще пионер!

— Пионер, а урока не выучил!

— Что же ты, пионер, списываешь?

— Ай, пионер!

— Ну, пионер!

Очень это в конце концов тамошним школьникам надоело.

«И вправду, — подумали они, — ай-яй-яй! Ну и ну!» И прекратили опаздывать. Стали учить уроки. Списывать и подсказывать тоже перестали.

И пришла в некоторую школу тишь да благодать.

Уже, кажется, похвалили ее на каком-то собрании. Уже написали о ней в газете. Уже поставили кому-то в пример:

— Вот пионеры!

— Ах, пионеры!

— Ух, пионеры!

Шел я однажды по некоторому проспекту. Остановился у школьных дверей, где повешены всякие нарядные таблички. Прислушался.

И услышал — что бы вы думали? — Сигнал Тревоги.

* * *

Они являются — такие вежливые! Такие обходительные! И такие страшно при том деловые!

— Здравствуйте. Мы из некоторой школы, отряд «ДД», звено «ГГ»...

Расскажите им, пожалуйста, об интересном. Покажите фотографии, дайте адреса. Свяжите с заслуженным большевиком или прославленным партизаном.

Что ж, это очень неплохо. Это хорошо, когда хотят познакомиться с большевиком или партизаном и узнать историю их выдающейся жизни.

— А зачем вам это, ребята?
— А мы будем об этом рапортовать.

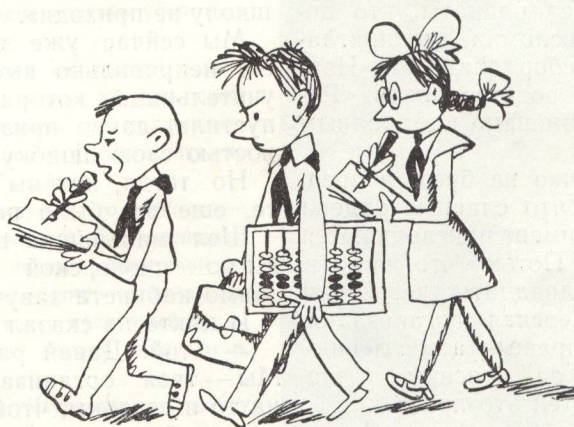
Так и отвечают. По-деловому. Рапортовать, и все тут.

Случилось, что сотрудник редакции, нужный им, оказался болен. Узнав об этом, они немедленно вытащили блокноты:

— В какой он больнице?

Нет, они не спросили, чем он болен, серьезно ли и не нужно ли ему помочь. У них свои заботы. И можно вообразить, как — дай им адрес — входят они в больничную палату, такие вежливые, аккуратные, в наглаженных галстуках и белых халатах до пят.

Рисунки М. Беломлинского

— Вы товарищ журналист? Здравствуйте, товарищ журналист. Расскажите нам, пожалуйста... —

Сами они пока что, кроме кори и коклюша, ничем не болели. И им некогда дожидаться, дозарезу ведь нужно рапортовать!

* * *

Представьте себе, что боевой командир накануне сражения записал в своем личном плане: «Обязательно получить орден Красного Знамени».

Чепуха, верно?

Но давайте пойдём ещё дальше. Представим, что этот самый командир, вместо того чтобы совершать чудеса героизма, принялся выznавать, каким образом и из какого металла те ордена делаются. И заучивать наизусть, кто тем орденом был награжден первый, кто двухсотый, а кто трехсотый.

Все выznал и выучил. Пошел со своими бумажками в штаб. Заявил:

— Я по ордену Красного Знамени первый знаток. Пишите меня в орденоносцы!

Бред!

А вот в некоторой школе — может, вашей, а может, нашей, — совет дружины принял решение: «Заслужим право носить имя товарища Иванова».

Распределены обязанности. Кто вешает плакаты, кто достает фотоснимки, кто приглашает на сбор знакомых Иванова и его родственников. «Работа над именем» идет полным ходом.

И это уже не бред, а вред.

Потому что славные ордена и гордые имена присваиваются за другое. Потому что когда в далеком двадцать четвертом году пионерская организация получила право зваться ленинской, — не за красивые глаза было дано ей это право.

И уж, конечно, не за то только, что во всех звеньях и от-

рядах была назубок выучена биография Ильича...

* * *

Шел мальчишка по школе — по той самой, некоторой, может, вашей, а может, нашей.

Тихо и пустынно было в светлых школьных коридорах. Люди занимались делом. В пионерской комнате срочно оформлялся знаменитый Уголок товарища Иванова. В кабинете завуча звено «ГГ» спешно готовилось кому-то о чем-то рапортовать.

А мальчишке было сейчас ни до того ни до другого. Ему не повезло. Выставили его из класса и сказали: «Больше в школу не приходи».

Мы сейчас уже знаем, что его неправильно выставили. И учительница, которая это допустила, давно признала полностью свою ошибку.

Но тогда, как вы понимаете, еще все было по-другому.

Шел мальчишка по школе. Мимо пионерской комнаты. Мимо кабинета завуча.

И никто не сказал ему:

— Стой! Давай разберемся. Мы — твоя организация. Мы на то и созданы, чтобы выслушать тебя, понять, а если нужно, и защитить!

Впрочем, кое-что мальчишке сказали. Но не здесь, а уже в подворотне, куда забрел он поплакать от обиды.

Там не ждали его, но сразу сориентировались и встретили великолепно. Сунули в зубы папироску, мужественно хлопнули по плечу:

— Не скули, оголец! Все они такие! Держись нас — не пропадешь!

* * *

— Что значит быть пионером? — спросил новичок. И ему ответили:

— Быть пионером — это вот что: станет Республике трудно, и затрубит трубач: первый раз — коммунистам, второй раз — комсомольцам, а уж третий раз — тебе.

Очень это новичку понравилось. Надел он парадную форму, залез на крышу, чтоб видеть, и стал ждать.

Заметало дорогу снегом. Не справлялись уборочные машины, с ног сбивались дворники со своими лопатами, вязли пешеходы.

А новичок сидел на крыше, вслушивался и ждал.

Захныкал где-то поблизости

печальный малыш. Мать ушла в магазин, да все никак не вернется.

— Пошел отсюда! — сказал ему пионер. — Я пропущу из-за тебя трубу!

И продолжал сидеть на кры-

ше, ждал и пел походные песни.

Зловредный хулиган кидался камнями в фонари — кинет, загогочет и опять кинет.

Но пионер даже не смотрел в его сторону.

Он пел песни и ждал трубы и думал о том, как его похвалят, когда окажется, что он первым встал в шеренгу.

Так бы, может, он и до сегодня сидел. Только вдруг заметил точку на дороге и услышал цоканье копыт и увидел, что это едет усталый всадник.

И был это сам Мальчиш-Кибальчиш.

Медленно ехал он, опустив поводья.

— Мальчиш! — крикнул ему пионер с крыши. — Товарищ Кибальчиш! Куда вы едете? Скоро ли затрубите?

Но ответил грустно всадник:

— Я уже три раза трубил, а ты и не слышал!

Сказка сказкой, а все-таки...

Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка

НАШЕГО ПОЛУ ПРИБЫЛО

Яков Длуголенский свою первую книжку назвал весело: «Возчик первого класса».

И художник С. Остров нарисовал на обложке забавный рисунок. Если увидишь такую книжку, сразу захочется прочитать.

Но книжка эта не только веселая. Она еще и очень серьезная. А порой даже грустная.

Гуляй — один из героев «Повести про Никиту, Гуляя и Шуберта», говорит своему другу Никите:

«Когда близкие — гады, чего ждать от чужих? Нет, Кит, очень трудно не быть самому гадом!»

Он имеет право сказать так, потому что у Никиты ушел отец. Это очень нелегко — пережить такое горе. Очень нелегко убедиться в том, что твой отец — ничтожен и себялюбив.

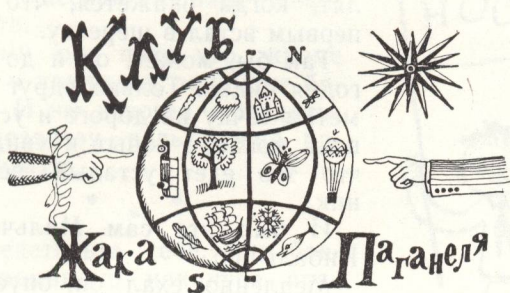
Но даже в самые тяжелые минуты Никита не думает только о себе — трогательно, по-мальчишески он пытается уберечь свою мать от лишних невзгод. Потому что так и только так должен поступать настоящий человек. И сам Никита не остается один — во всем и всегда ему помогает его верный друг Гуляй.

Может быть, вы удивитесь и скажете: что же это выходит — книга И. Дворкина о друзьях, о дружбе и книга Я. Длуголенского тоже о друзьях, о дружбе. Но в этом нет ничего удивительного. Ведь самое главное, самое ценное, что есть в жизни — это настоящие человеческие отношения. И поэтому о них — о настоящей дружбе, о настоящей любви никогда не перестанут писать писатели и, наверно, никогда не перестанут читать читатели.

Кроме «Повести про Никиту, Гуляя и Шуберта», в книгу Я. Длуголенского вошли повести и рассказы: «Возчик первого класса», «Юрка и Кит», «Вижу корабли, господин!». Все они написаны остроумно, живо, увлекательно.

Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка

В НАШЕМ ПРЕСС-БЮРО ПО РОЗЫСКАМ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ

Из Москвы от Юры Борисенко получена редкая фотография Жака Паганеля. Фотография размножена и передана всем, кто занят розысками пропавшего ученого.

Жаль только, Юра не сообщил, где он нашел снимок...

Из Ленинграда от Александра Дранова мы получили приметы и точное описание внешности Жака Паганеля.

Он пишет: «Жак Паганель напоминает длинный гвоздь с большой шляпкой. Голова круглая и большая, лоб высокий, нос длинный, рот большой, подбородок острый. Глаза скрываются за огромными круглыми очками. Лицо у Паганеля умное и веселое. Одет он в дорожную фуражку, обут в грубые коричневые панталоны и такую же куртку с бесчисленными туго набитыми карманами, откуда торчат всевозможные записные книжки, блокноты, бумажники, вообще масса ненужных и обременительных предметов. Через плечо у него висит на ремне подозрительная труба...»

Из Копенгагена пришло письмо от профессора Рейльсена, хорошо знавшего Жака Паганеля. В частности, он сообщает:

«...Исчезновение Жака Паганеля очень взволновало меня. Быть может, на его судьбу прольет свет последнее письмо, которое я получил от Жака Паганеля в мае этого года. Строки, на которые я обратил внимание, подчеркнуты красным карандашом...»

Ниже мы помещаем перевод письма Жака Паганеля:

«...Я также очень хотел бы увидеть вас, мой дорогой, в этом году.

Но три вещи занимают и притягивают меня: это самый высокий водопад мира, самый высокий материк нашей старушки-Земли и самая большая скульптура, известная человечеству...

О первом (по секрету) мне рассказал мой старый друг Джордж Челленджер, один из немногих, видевших водопад.

Второй интересует меня своеобразной флорой и фауной.

А третья просто поразила мое воображение, когда я увидел ее фотографию.

Я не успокоюсь, пока не увижу их своими глазами...

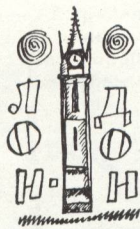
Искренне Ваш, Жак Паганель»

Из Смоленска от Любы Машатиной — адрес Шерлока Холмса: Лондон, Беккер-стрит, дом № 221-Б.

Парижское географическое общество, секретарем которого был Жак Паганель, объявило, что наградит пожизненным членским билетом с правом ТРОГАТЬ РУКАМИ ЛЮБОЙ ЭКСПОНАТ И ЛЮБОЕ ЧУЧЕЛО в музеях общества тому, кто отыщет Жака Паганеля...

Лондон. Как только «Клуб Жака Паганеля» получил адрес Шерлока Холмса, в Лондон был срочно откомандирован специальный корреспондент «Костра». Ниже мы помещаем его сообщение о встрече с Шерлоком Холмсом.

«Несмотря на то, что Шерлок Холмс уже давно отошел от дел, выращивает розы и пишет мемуары, он живо заинтересовался «Делом Паганеля» и сказал, что ради спасения такого человека следует пожертвовать розами, временем и мемуарами..»

Я передал мистеру Холмсу фотографию Паганеля и письмо к профессору Рейльсену. — В этом что-то есть, — сказал мистер Холмс, комментируя письмо Паганеля, — но что такое Три самых высоких в мире?

— Дело безусловно весьма запутанное, — добавил он в заключение, — и от дальнейших выводов я пока воздержусь... Нужно думать, думать, и думать...

Холмс попросил служанку доставить ему три фунта шотландских тянучек (курить Холмс давно уже бросил, и трубку ему заменяют шотландские тянучки), вызвал доктора Ватсона и попросил не тревожить их в течение недели.

ОТ „КЛУБА ЖАКА ПАГАНЕЛЯ“

Друзья!

На очереди Три самых высоких в мире. Будем думать вместе с Холмсом.

Самый высокий водопад?

Самый высокий материк?

Самая высокая скульптура?

И, между прочим: откуда Юра Борисенко взял фотографию Жака Паганеля?

Ваши письма прочтет и прокомментирует мистер Шерлок Холмс.

Благодарим всех ребят, приславших свои письма в адрес клуба.

Мечта адмирала

О. Орлов

На остановке трамвая меня встретил мальчишка лет двенадцати. Я даже преисполнился гордости, потому что из двух десятков пассажиров, вышедших здесь и расплывавшихся, подняв зонтики и воротники, встречали только меня одного.

Рассыльный, — а мальчишка, как я узнал потом, был в тот день рассыльным, — рассыльный сдал меня вместе с рапортом дежурному офицеру клуба, который был примерно на год старше рассыльного. Тот повел меня к адмиралу.

— Ключев Анатолий, — представился мне адмирал. Он немного заикался, этот высокий и худой парнишка, как-то глотал слова, и понимать его с непривычки было трудновато.

— Сейчас у нас совет членов штаба, — сказал он мне. — Сам клуб на ремонте. Открытие будет 31 октября.

— У вас у всех военная форма? — спросил я.

— Да.

— И какие чины, если не секрет?

— От юнги до адмирала. Но это между собой, а по отношению к Военно-Морскому флоту мы все — юнги. Юнги корабля «Сокрушительный». ЮКС.

— Совет будет недолго, — пообещал мне сидевший рядом малыш (по действовавшей здесь субординации, вероятно, контр-адмирал), — с семи адмиралу на вахту, а нам еще уроки нужно успеть сделать.

— На какую вахту? — спросил я.

— На буксир. Он ходит радистом на морском буксире. А с семи ему заступать.

— А, — сказал я.

— Занятия у нас в клубе, если хотите знать, по средам и субботам. Ну и, конечно, воскресенье тоже наши. А вступить в клуб можно только с разрешения родителей и школьного врача. Чтобы отметки были хорошие — не обязательно, но тогда звание не получишь, к шлюпочным гонкам не допустят, и вообще неприятности по службе — гальюн драить и прочее.

Совет штаба ЮКС был действительно по-всему краток.

Адмирал и его команда

В числе прочих пунктов адмирал сообщил, что клубу ЮКС передается наконец долгожданный, свой собственный, настоящий корабль, и как только шефы, военные моряки, отремонтируют машины, его сразу же отшвартуют у стенки Малой Невки; что клуб ЮКС тогда в основном переместится в каюты этого корабля; что назван он будет «Сокрушительный» и что летом все пойдут на нем по Волго-Балту.

— Вопросы есть?

— Есть вопрос, — сказал один из мальчишек. — Как будем нести вахту на корабле?

— Круглосуточно. И выдадим вахтенным штыки по форме.

С этого момента я наводрил уши и слушал очень внимательно.

— Пункт восьмой и последний, — сказал адмирал. — Здесь три адреса, которые нам сообщили из милиции и детских комнат. Назову фамилии. Кто знает, пусть скажет. Борис К., 53 года рождения, убегает из дому, попадался в мелких кражах. Константин С., 51 года рождения, ограбил магазин...

— Ого, уже успел, — заметил кто-то.

— Дисциплина! — сказал адмирал. — ...Николай К., 52 года рождения, курит, пьет, обирает маленьких. Все. Кто их знает?

— Я Кольку знаю. Он из нашей школы.

— Хорошо. К нему пойдешь ты. К остальным — ты, Заломов, и ты, Михеев. Скажите им, что штаб ЮКС... Да нет, передайте просто, что мы, юнги, приглашаем их к себе. Короче, поговорим с ними.

— Колька с бритвой ходит...

— Тогда с тобой пойдет еще Макаров.

Адмирал был похож на гайдаровского Тимура. Только это был морской Тимур.

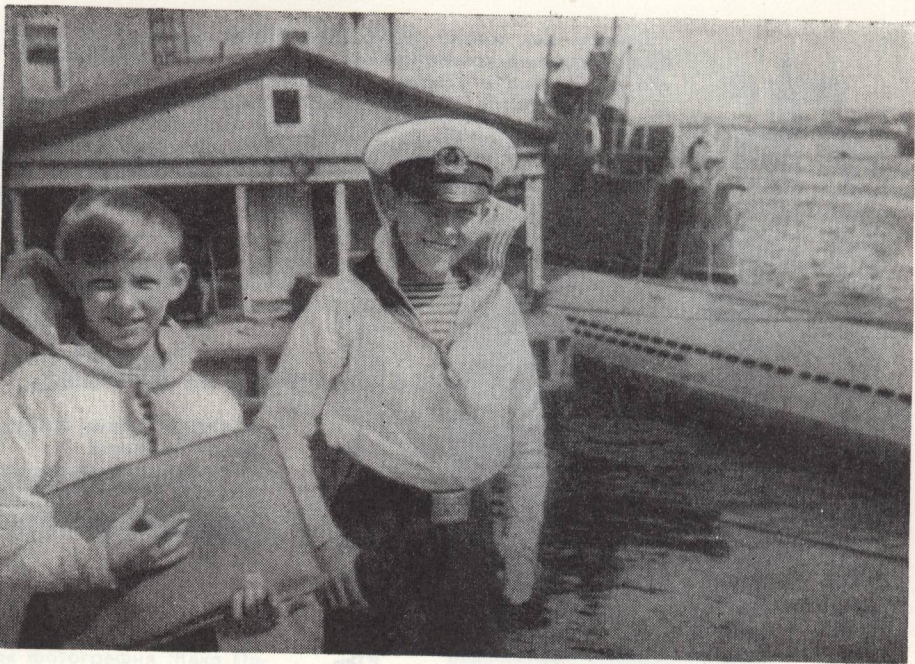
И я решил познакомиться с ним поближе.

На следующий день, вечером, я поехал к Толе Клюеву домой.

Вот что рассказал мне адмирал.

Началось все с того, что жил в грязном и скучном ленинградском дворе, где все развлечение — дергать за хвосты кошек да выбивать из рогаток стекла на верхних этажах — мальчишка, и мечтал мальчишка о море.

Но моря не было, и вообще ничего хорошего не было.

Вова Васильев и Сережа Данилов получили приглашение осмотреть настоящую подводную лодку «Щ»

Даже родителей приличных не было и поесть иногда было нечего.

Но о море мальчишка все-таки мечтал, и однажды вечером на контурной физической карте полушарий он синим карандашом вычертил маршрут. Карта эта сейчас передо мной, я попросил ее у Толи на память, и могу описать этот маршрут точно. Из Ленинграда — через Атлантический океан, к берегам Южной Амери-

А такие модели делаются в клубе ЮКС

ки, потом, обогнув мыс Горн, — к Новой Зеландии, потом — Австралия, Индия, Африка, мыс Доброй Надежды, и, минуя Португалию и другие страны, — домой.

Но без корабля далеко не уедешь, да и пропустят ли везде обычный корабль? Поэтому для путешествия была задумана и начата постройкой подводная лодка. Ее уникальные чертежи тоже у меня. Очень хорошо, что лодка так и не была построена, иначе мне не о ком было бы писать.

Чертежи я воспроизводить не буду, чтобы кто-нибудь не попытался строить такую лодку, скажу только, что ее предполагалось оснастить перископом из водопроводной трубы, двумя венскими стульями, лестницей, подвесным мотором и прочими техническими новинками.

В команду вошли Ленька, Валерка и Вовка. Хотели еще прихватить Ваську с соседнего двора, но потом Ваську решили не брать, а в судовом журнале, заведенном в те времена, я нашел запись: «Васька сомнителен, пароль не доверять, приказ». И неразборчиво — Толькина подпись.

Подводную лодку было решено назвать «Пират».

Путешествие было задумано здорово, но потом Ленька уехал в другой город, Вовка переехал на новую квартиру, Валерка испугался, а с Толькой Ключевым случилась беда.

Как-то два дня подряд он голодал, а потом решил залезть в чужой карман.

Совсем уж было наладили его в детскую исправительную колонию, хорошо, заступились из «Ленинских искр», и взяла редакция газеты Тольку на поруки.

Присматривали, чтобы не бросил школу. Спрашивали, чем интересуется.

— Морем...

— Ну что ж, брат, сходи в Военно-Морской музей, читай Станюковича. Хорошо бы тебе записаться в юные следопыты...

— В морские следопыты можно?

— Морских следопытов нет.

— Жалко... тоже искали бы чего-нибудь. Только — в море. Клады бы пиратские...

Но морских следопытов не было, и жить стало снова скучновато.

Прошло три года. Толя Ключев подросток. Прочитал не только Станюковича. Но море, настоящее море и корабль, большой, настоящий — манили его по-прежнему... Толя пришел к старым знакомым в «Ленинские искры» и сказал: «Хочу организовать морской клуб, чтобы все было по-настоящему. А ребят хочу пригласить в него самых отчаянных — хулиганов, буду обучать их морскому делу и перевоспитывать».

Его направили по детским комнатам. Там с радостью надавали ему с полсотни адресов сомнительных ребят.

Толя разослал им открытки: «Если ты любишь море, приходи на угол, напротив булочной. Тебя будут ждать под часами двое ребят в морских фуражках. Пароль «абордаж», отзыв «победа». Приходи, не пожалеешь. Адмирал».

Сначала пришло человек двенадцать.

И стал с ними адмирал искать в Финском заливе подводную лодку «Щука», затонувшую после тяжелой боя с двадцатью немецкими «мессерами».

Лодку ребята не нашли, но адмирала не бросили. Только вздыхали: «Эх, свой бы корабль, настоящий...»

«Погодите, будет и свой. Не все сразу», — обещал адмирал, но все, что смог выхлопотать тогда, это подвал, бывшее бомбоубежище на Лесном проспекте.

Там и организовали первый клуб ЮКП: юнги корабля «Пионер». А так как корабля пока не было, Толька учил ребят необходимым морским премудростям — флажному семафору, азбуке Морзе и вязанию морских узлов.

Через «Ленинские искры» достали штурвал, рынду, якорь адмиралтейский, машинный телеграф, троса манильские, клотиковый фонарь, морские карты и разное прочее.

Кое-что раздобыли в морском порту, кое-что выпросили в мореходке...

И, честное слово, уже потом, в клубе, трогая все эти хорошие морские вещи, добротные, внушительные, блестящие медью — компасы, радиостанцию, бинокли, новенький и, наверно, дорогой секстанс — я подумал, что начинать адмиралу все это было не легче, чем Магеллану организовать свое кругосветное путешествие.

А адмирал тем временем искал корабль...

Ходил, узнавал, просил, даже вежливо ругался с разными взрослыми дядями, не понимающими, что нужно ребятам.

Дяди усмехались: — Какой вам корабль? Идите в ДОСААФ...

— Корабль нам нужен большой, настоящий. Пусть дадут военный, устаревший, который для войны уже не годится, а для нас будет в самый раз. А мои ребята собрали бы взамен металлолом — столько, сколько будет весить корабль, который нам отдадут. Сто тонн — соберут сто, двести — значит, двести. Но нам нужен свой, настоящий корабль.

А ребята тогда уже было человек сорок, и заинтересовались ими военные моряки из Кронштадта. Эти помогли по-настоящему, как помогают в море, надежно и верно: дали ребятам в помощь людей, нужные документы, шляпки, помогли с обмундированием, но самое главное, пообещали придумать что-нибудь с кораблем...

И вот сбылась мечта адмирала: будет теперь у ребят свой, долгожданный корабль — «Сокрушительный», бывший военный тральщик. И станет он теперь не мины тралить, а будут на нем учиться, нести вахту, отдыхать и работать мальчишки и девчонки, которых теперь у адмирала восемьдесят четыре человека — юные штурманы, радисты, операторы, рулевые, сигнальщики, мотористы и судовые медсестры...

А у адмирала новая мечта: окончить мореходное училище, куда он будет поступать следующей осенью, и уж тогда непременно пройти по тому самому маршруту, что вычертил он когда-то на контурной физической карте полушарий.

Когда я попрощался с Толей, было уже поздно. В автобусе я ехал один. Ехал и думал об этом художавом, слегка заикающемся парне, адмирале Толе Ключеве. А потом мне вдруг почему-то стало жаль, что я уже не учусь в школе, что я не могу взять разрешения от отца или от матери и справку от школьного врача для личного дела клуба, что не поплыву я мне в кронштадтских фортах, что не поплыву я никогда по Волго-Балту, не пойду в шляпочный поход к Ораниенбауму, и что я никогда не стану ЮКС — юнгой корабля «Сокрушительный»...

ПЕРО ФЛАМИНГО

Рассказ

Элла Брану

Рисунки А. Сколозубова

Я люблю смотреть в окно, когда на улице идет дождь. Улица, как аквариум. Если заткнуть уши пальцами, то совсем на аквариум похоже. Ничего не слышно. По мокрой мостовой плывут рыбины-троллейбусы и разные рыбы помельче — автомобили.

Подводная летучая мышь пролетела — мотоцикл. Зонтики — разноцветные медузы. Это — если с четвертого этажа смотреть или, там, с пятого, а если смотреть, смотреть, а потом глаза закрыть, то можно себя водолазом представить. Как будто спускаешься на дно морское.

А еще я люблю бродить по улицам. Только очень многие улицы не так называются. Например, Скороходова! Ну где там скороходы? Ни одного не видел. Обыкновенные люди.

Вот Зверинская улица — это я понимаю! Там Зоологический сад. Звери живут. Все ясно.

А вообще идешь по улице и вдруг переулок. Никогда не знаешь, что там в этом переулке? Всегда можно встретить что-нибудь неожиданное. Может, там зимой цветет красными цветами дерево. Птицы поют, и вообще весна.

Или — наоборот, кругом лето, а там зима, сугробы.

Или там в одном из дворов живет гепард — полукошка, полусобака. Я так размышлял, что чуть в школу не опоздал. Только вошел — звонок. Еле до парты добежал.

А он уже все приготовил: линейку блестящую, белую, тетрадь, учебники. Как он всегда все успевает? Прямо не знаю.

Сосед у меня новенький. Его зовут Эрнест Сиверцев. Только мне как-то совестно его называть по имени. Какое-то оно знаменитое.

— Хочешь, покажу одну штуку? — говорит Сиверцев.

— Еще бы! Вот это да-а! Это что же?

— Меч! Хоть картонный, да меч!

— Это батя принес?

— Батя.

Отец у Сиверцева герой. Правда, ему геройское звание еще не дали, да все равно герой. Он в цирке работает. Без сетки!

— Ты что, Димка, меня никак не называешь? Зови меня Эрик!

— Ладно, Эрик так Эрик!

А потом мы с Сиверцевым вместе домой шли. Идем по саду одни. Все ребята уже разошлись. Вдруг ра-аз! Налетел кто-то сзади. Федька! Так и есть — Федька!

— Ты что? — спрашиваю.

— Ничего! — кричит Федька, — таких, как ты, две штуки на гривенник! — Заорал еще что-то и умчался — только его и видели.

— Он что, — спросил Эрик, — сумасшедший?

А я подумал: «Эх, Федька, Федька! Сколько лет дружили!»

А потом Эрик принес в школу розовое перо птицы фламинго. Все ребята просили. Я не просил, а Эрик мне подарил. Посмотришь на это перышко — как будто в Африке побываешь.

А потом Эрик принес цилиндр — все ребята перемерили. Машка Березанцева наденет на переменке этот цилиндр и начинает разноцветные шарики в воздух подбрасывать, а потом ловит их на лету. Она и раньше это почти на каждой переменке проделывала. Только мы привыкли и перестали обращать на нее внимание. А теперь, в цилиндре, Машка стала похожа на настоящего фокусника.

Глаза у Машки зеленые, как у кошки, сама — худая и длинная. Стоит, покачивается, а разноцветные шарики так и мелькают, даже в глазах рябит.

На уроках физкультуры мы теперь ничего не можем делать. Все сидим и на Эрика смотрим. И Павел Петрович с нами. Сиверцев прямо чудеса выделяет. Все девчонки в восторге.

Однажды пригласил меня Эрик в гости. Я форму выгладил и ботинки почистил. Мама даже удивилась.

— Это что же, на свидание?

— На свидание.

А потом мы с мамой не выдержали и засмеялись. На улицу вышел, иду, смеюсь. А на встречу мне Федька Васильев.

— Гепард! — кричит Федька. — Гепард Соловьев! (Это меня так дразнят). — Гепард к артисту в гости идет!

Прямо не знаю, как он догадался! Вижу, что надо с Федькой подраться — да некогда. Да и смешно мне почему-то. Настроение у меня веселое!

Дома у Эрика трапедия, кольца всякие, снаряды. И такой морс клюквенный. В жизни такого морса не пил.

— Ты тоже, Эрик, артистом будешь?

— Может, и буду. А может, буду ученым или летчиком.

— Ты-то кем захочешь можешь стать...

— Послушай, Димка! А знаешь, когда в цирке хорошо? Во время репетиций. Если хочешь — могу тебя в цирк взять. Меня там каждый знает.

— Я, Эрик, одну вещь придумал...

— Если хочешь знать, Димка, я даже, может, космонавтом буду!

— А я, Эрик...

— А в цирке у нас пони есть. Принцем зовут. Только у меня сахар из рук берет. Больше ни у кого не берет. Когда ему сахар нужно давать — мне по телефону звонят. Специально вызывают. Машину даже присылают.

Хорошо мы тогда с Эриком поговорили. Только не успел я ему про прибор рассказать. Я придумаю такой прибор! Например, человек один идет по тайге — ему очень тяжело. Продукты кончились, и раны болят. А стрелка в моем приборе падает все ниже и ниже, и тут же компас указывает, в какую сторону идти. Сразу же вылетает спасательная экспедиция, и мы спасаем человека...

Не успел рассказать, да ладно. Решил я тогда Эрику что-нибудь подарить.

Была у меня такая линейка, логарифмическая. Мне ее один человек дал. По этой линейке что хочешь можно вычислить. Километры, сантиметры, миллиметры. Можно даже путь до Луны вычислить. Я все думал: подарить мне эту линейку Эрику или не подарить?

С одной стороны, эта линейка необыкновенная, лучше этой линейки придумать ничего невозможно, если по ней считать научиться. А с другой стороны, Эрику она нужнее. Такому человеку как Эрик логарифмическая линейка просто необходима. И вот я сказал Эрику:

— Пойдем в Летний сад — дело есть!

В Летнем саду всякие коляски, дети маленькие. Визжат, в песке играют. Ну, просто человеку и остановиться негде! Повел я Эрика тогда на Неву. Спустились мы к самой воде, вынул я линейку и протягиваю:

— Это тебе. От меня!

И тут я объяснил Эрику, какая это прекрасная, необыкновенная линейка.

— Что ты! — сказал Эрик. — Мне она не нужна. Из-за этой штуки в такую даль меня тащил!

Мне вдруг так обидно стало! Схватил я линейку и убежал. Эрик кричит мне: «Димка, Димка!» — а я не вернулся.

Около дома встречаю Федьку.

— Отчего, Гепард Соловьев, ты такой печальный? С артистом поссорился?

— Могу тебя еще печальней сделать. Хочешь?

— Хочу!

— Хочешь?

— Хочу! Пошли в подворотню.

И тут я ударил Федьку, а он — меня. Мы колотили друг друга кулаками, мы катались по земле, потом поднимались и опять кидали друг друга на землю. Дрались, пока не выбились из сил. А когда мы вышли из подворотни, я увидел на лице у Федьки кровь. И тут,

как нарочно, идет нам навстречу Александра Николаевна, тетя Шура, Федыкина мать.

— Феденька, Феденька! Господи! Кто тебя?

— Я упал, мама! — сказал Федька. — Вот, Димка меня привел.

— Спасибо, Димочка! — сказала Федыкина мать.

А назавтра подошел ко мне Эрик и говорит:

— Димка, ты что?

— Ничего!

— Дуешься? А я что придумал! Давай в игру играть...

— Что я, маленький?

— Знаешь, в древнем Риме был театр Колизей! Громадный-громадный. Вот бы нам такой цирк устроить!

— Так у нас стадион есть!

— Нужно, чтобы цирк был еще больше! Прямо целый город. И чтобы артисты там были самые разные. Сколько на свете людей, которые даже не знают, что они артисты. А они артисты, самые настоящие. Лучше даже настоящих.

— Где же мы их найдем?

— А мы вот что сделаем. Мы будем ходить по улицам, смотреть и угадывать — кто каким артистом может быть. Вот идет, например, парень. Сразу видно — гимнаст. Мы за ним — идем, идем. Придет он куда-нибудь, тут мы адрес его и запишем. Когда нам понадобится, мы его по этому адресу обязательно разыщем. А потом уже, когда адресов насобираем, мы придем к этим людям и все им расскажем про цирк и хотят ли они в нем участвовать. Захотят, как ты думаешь?

— Ясно, захотят! Еще бы не захотеть!

— Только, когда мы пойдем этих людей разыскивать, надо ужасно осторожно действовать. Они ведь не знают, что мы их артистами хотим сделать. Еще подумают, что мы шпионы какие-нибудь.

— Уж орать-то на улице нельзя будет! Давай для начала Березанцеву запишем?

— Можно и Березанцеву. Только она под ногами болтаться будет.

— Ну, не хочешь Березанцеву, давай Федьку.

— Федьку давай!

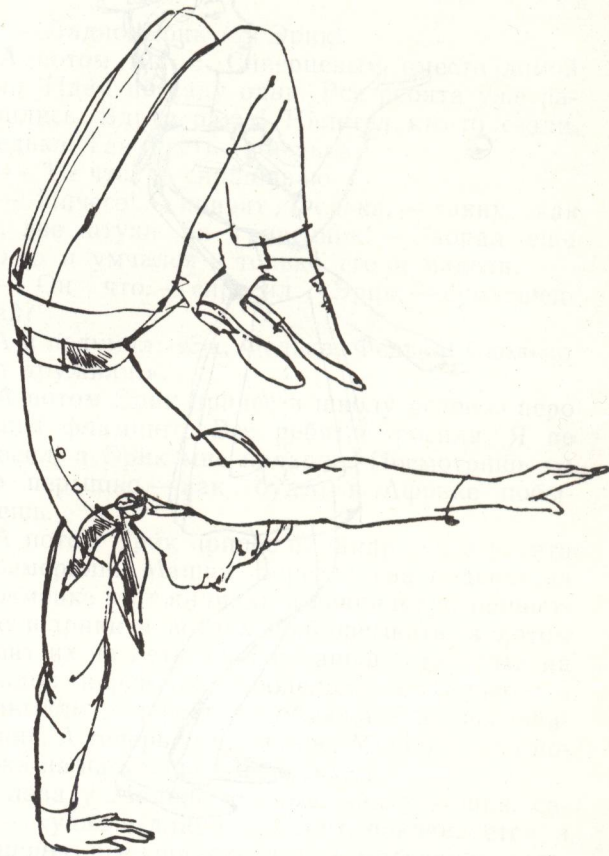
А потом я шел домой, и все, почти все люди мне ужасно нравились. Мимо меня шли барабанщики, танцовщицы, фокусники, силачи...

На другой день была контрольная. А за этой контрольной еще контрольная. И нам с Сиверцевым после школы все никак было не встретиться. Я наскоро делал уроки и бежал к Эркиному дому. Я ходил мимо его парадной, только Эрика все не было.

Потом контрольные вдруг кончились. Эрик подошел ко мне и сказал:

— Димка, приходи завтра пораньше в школу, пока никого нет. Я тебе новый номер покажу.

Я-то сразу догадался, что дело вовсе не в номере. Наверно, он о нашей тайне хочет со мной поговорить. Наконец-то! Я страшно обрадовался. Иду утром и радуюсь. Не заметил,

как в школу пришел. Прихожу, а в классе Федька Васильев. Вот тебе раз! Ну, куда я — туда и он. Как чувствует.

— Ты, Васильев, что здесь делаешь?

— А я пришел рыб кормить.

— Зачем же их сейчас кормить? Вечером все равно юннаты кормить будут. Хочешь, чтобы рыбы сдохли?

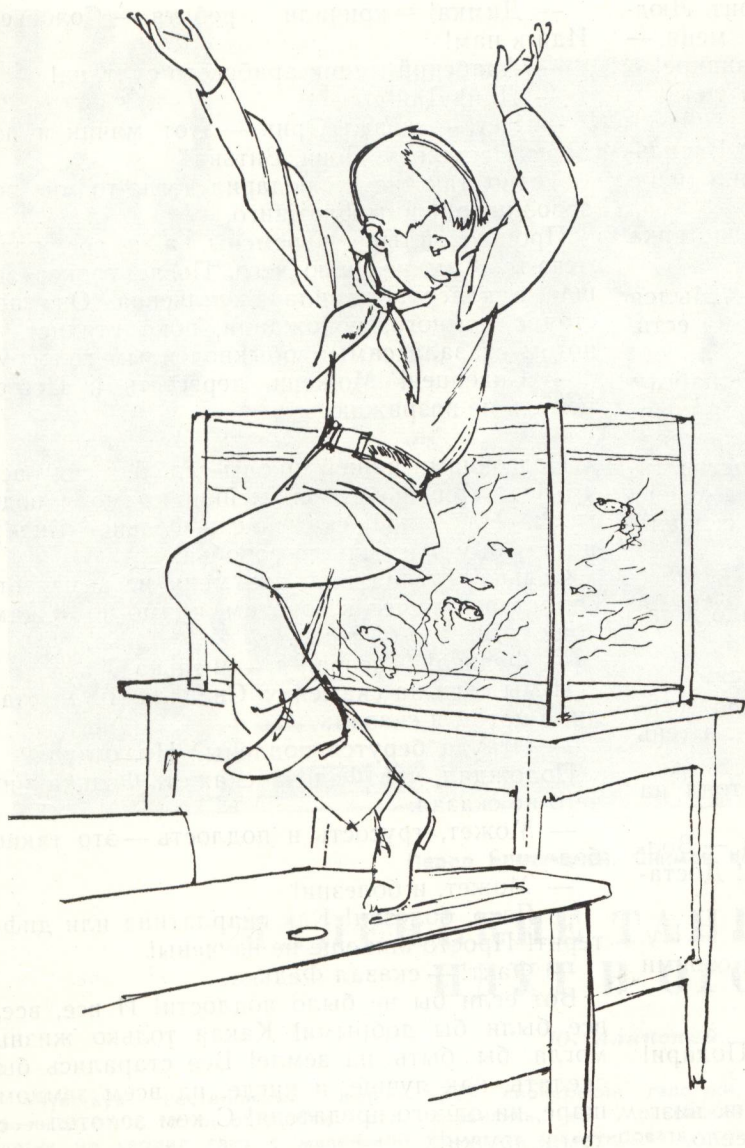
— А я все равно буду.

— Ну корми, голова садовая!

— А тебе что?

— А мне ничего.

Рыбы у нас очень красивые были. Вуалехвостки черные и красные, меченосцы. И жили они в красивом аквариуме. Нас этим

аквариумом премировали. Мы заняли первое место на олимпиаде. Нас и премировали.

Смотрел я, смотрел на рыб и говорю Федьке:

— Федь! Я Сеньку встретил. Он просил тебя зайти. Говорит — магнитофон испортился.

— Врешь?!

— Что?!

— Врешь, говорю! Врешь ты все! Изоврался! Знать тебя не хочу!

Стукнула дверь — нету Федьки! Сам хотел! Сам! Может, вернуть? А тут Эрик пришел. Аккуратный, чистенький. Волосы гладко назад зачесаны. Сделал Эрик стойку. Мне сразу тоже захотелось стойку сделать. Даже гул по всему телу пошел — так захотелось!

Ужас! Смотрю — Эрик уже на одной руке стоит и ноги к голове подтягивает. Потом сел на стул и смеется.

— Красота! — заорал я. — Красотища!

И начал скакать по партам. Прямо не знаю, что такое? Остановиться не могу! А Эрик смотрел, смотрел и как начнет отплясывать танец диких.

— Ганга, великий Ганга! — кричит Эрик. — Ганга, великий Ганга!

И я ору:

— Ганга, великий Ганга!

А Эрик уже на стол вскочил.

— Ганга, великий Ганга! Ганга! Ганга, великий Ганга!

И вдруг поскользнулся Эрик! Упал! Стол летит! Аквариум — вдребезги! Грохот какой! Как будто дом обрушился!

— Эрик, — кричу, — Эрик!

А у самого голоса, как из подземелья.

— Я сейчас за иодом сбегаю! Эрик! Эрик!

— Да ничего! — говорит Эрик. А сам встал уже.

Тогда уж я к рыбам кинулся. Рыбы лежат на полу в луже, рты раскрывают. Плавники обвисли. Растения, как тряпки, валяются.

Тут Машка Березанцева пришла.

— Ай! — закричала Машка. — Кто аквариум разбил?

— Много будешь знать — скоро состаришься!

— Соловьев! Соловьев! — сказала Машка, и голова ее заходила, как маятник. Вправо-влево. Вправо-

влево. Тик-так! Тик-так!

— Березанцева! Беги за банкой!

Убежала Машка. Тут ребята начали собираться. «Ай! — кричат, — ой!» Кто за тряпкой побежал, кто за шваброй. Рыб переселили в банку. А Машка все бегала и кричала:

— Надо же — Соловьев! Надо же — Соловьев!

Тут вошла в класс Людмила Васильевна. Все по местам бросились. А я осколки собирал.

— Кто аквариум разбил? — спрашивает Людмила Васильевна.

В классе стало тихо.

— Кто аквариум разбил?

А в классе еще тише стало.

— Не в аквариуме дело, — говорит Людмила Васильевна. И смотрит на меня. — Я хочу услышать чистосердечное признание!

Пыльно в классе. Пылинки так и летают, так и кружатся на солнце.

— Соловьев! — говорит Людмила Васильевна. — Соловьев! — И все смотрит на меня. А потом вдруг спрашивает:

— Сиверцев! Почему у тебя гимнастерка мокрая?

— Я мылся! — говорит Сиверцев. — Мылся и забрызгался! А аквариум у меня дома есть, я его классу жертвую.

И меня наказали. Позвонили на работу отцу и рассказали о моем недостойном поведении, а меня оставили в классе до вечера.

Утром мне ужасно не хотелось вставать. Я вдруг вспомнил, что уже осень и на улице дождь и холод. Я слышал, как мама сказала в коридоре соседке:

— Димка заспался!

А я давно уже лежал и думал: «Надо вставать! Пора уже!»

Потом я долго одевался, долго мылся.

Шел в школу и думал. Думал, что вот сейчас день, потом будет ночь. День уйдет, а тень дня останется. Ночь — это тень дня.

А когда я пришел в класс, Эрик стоял на парте и вокруг него наши ребята.

— Внимание! — кричал Сиверцев. — Волшебная палочка доктора черной магии! Досталась по наследству.

— Дай мне! — сказала Березанцева. — Ну, дай мне! — и посмотрела на Сиверцева своими кошачьими глазами.

— Возьми!.. Японские шарики!..

— Дай! Дай! — кричали ребята. — Подари!

— Ловите! — кричал Эрик.

Все бросились ловить, началась возня, визг. Даже издали было видно, как всем весело.

— Димка! — кричали ребята, — Соловьев! Иди к нам!

— Арабский мячик арабского султана!

— Дай! Дай!

— Нет, — сказал Эрик, — этот мячик я подарю Нестерову. Лови, Витька.

Точно так же он подарил когда-то мне розовое перо птицы фламинго.

Прошло четыре перемены, а я все ждал чего-то. Сам не знаю чего. После уроков зашла в класс Людмила Васильевна. Она стояла немного, подождала, пока стихнет, а потом сказала самым обыкновенным голосом:

— Сиверцев! Можешь пересесть к Нестерову, я не возражаю.

Под окнами нашей школы сад. А в саду все мокрое. Деревья и скамейки прямо в воде стоят. На одной скамейке — Федька. Вид у него, как у промокшего воробья.

Федька сделал вид, что меня не замечает. Он встал и пошел к воротам, прямо по лужам пошел. Быстро-быстро...

— Федька! — позвал я. — Федька...

И мы сели на скамейку. Сначала мы молчали, а потом я сказал:

— Откуда берутся подлецы? Ну, откуда?

Подождал, что Федька скажет. Федька ничего не сказал.

— Может, трусость и подлость — это такие болезни?

— Может, и болезни!

— Ясно, болезни! Как скарлатина или дифтерит! Просто они еще не изучены!

— Факт! — сказал Федька.

Вот если бы не было подлости! И все, все, все были бы добрыми! Какая только жизнь могла бы быть на земле! Все старались бы сделать, как лучше, и нигде, на всем земном шаре, ни одного предателя! С кем захотел — с тем и дружи!..

ПРИКАЗ № 1 ПО СТОЛУ ЗАГАДОК

1. Считать конкурс «Стол загадок-65» законченным.

2. Победителями конкурса, правильно ответившими на вопросы, считать:

Лиду Белоус (Ялutorовск);
Аню Донину (Изыл-Орда);

Юру Мерзлянова (Бийск);

Тимура Мукминова (Уфа);

Олю Согомонянц (Лермонтовский);

Алешу Хохлова (Москва);

Виктора Шишнина (Налабиха).

3. Каждому победителю конкурса подарить на память по именной авторучке.

4. Призвать всех читателей «Ностра» к активному участию в начинающемся конкурсе «Стол загадок-66».

КОСЯ ТЕРНИН

Перед репетицией. Снимок военных лет.

МАЛЕНЬКИЕ ТАНЦОВЩИЦЫ ИДУТ В ОГОНЬ

Ю. Алянский

«Чувствуя нестерпимый жар — то ли от огня, то ли от любви — солдатик не сводил глаз с маленькой танцовщицы. Но вдруг порыв ветра подхватил ее легкую фигурку и она, как мотылек, впрорхнула в печку, прямо к оловянному солдатику...»
Эту сказку написал Ганс Христиан Андерсен.

Но сказки иной раз оборачиваются былью.

Летом 1941 года студия художественного движения ленинградского Дворца пионеров — а в нее входило около трехсот мальчиков и девочек — готовилась к участию в физкультурном параде в Москве.

Парад физкультурников был отменен 22 июня.

Ученики студии аккуратно сдали свои синие плиссированные юбочки, белые крепдешинные кофточки и рубашки с нашитой на них эмблемой Дворца, нарядные, особого по-

роя пионерские галстуки, — и отправились на Московский вокзал помогать эвакуировать совсем маленьких ленинградцев.

Возле раскаленных, душных вагонов вспоминали о прошлом, которое было совсем недавно и, кажется, очень давно.

Неужели это было с ними? Неужели это они собирались несколько раз в неделю в своем Дворце и увлеченно занимались музыкой и ее теорией, актерским мастерством и, конечно, танцами?

Руководитель танцевальной группы ансамбля Аркадий Ефимович Обрант ушел добровольцем в армию и служил где-то под Ленинградом, в селе Рыбацком. Что там происходит, в селе Рыбацком, мальчики и девочки не знали.

* * *

Был холодный мартовский день сорок второго года. Старший лейте-

нант Обрант шел по скрипучему снегу в избу, где помещалось армейское политуправление, и мысленно перебирал возможные причины вызова. Восемь с лишним месяцев фронтовой жизни он командовал взводом, свyksя с обязанностями строевого командира и о других обязанностях не помышлял.

Причина оказалась неожиданной. В политуправлении ему приказали начать формирование агитвзвода из числа солдат и командиров 55-й армии. Действовать надо было сразу.

Старший лейтенант составил списки и приступил к репетициям. С пением дело обстояло вполне прилично — нашлись неплохие голоса, к тому же в какой воинской части нет баяниста? Зато с танцами не клеилось. Командир агитвзвода уделял танцорам особенно много времени — куда больше, чем всем остальным. Но толку получалось мало. Бойцы не владели основными навы-

ками искусства пляски, а обучиться им в два счета не удавалось.

В политуправлении удивлялись: вы же балетмейстер! Что же это получается? И тогда старший лейтенант Обрант обратился к бригадному комиссару Кулику с неожиданным предложением, которое могло в те дни удивить любого военного человека:

— В Ленинграде остались подростки, воспитанники Дворца пионеров, танцоры. Их можно было бы разыскать. Не все же эвакуировались! А если найти хоть несколько человек — агитвзвод получил бы хорошее пополнение!

Бригадный комиссар подумал и сказал:

— Поезжайте, привезите ребят! Попутной машины в город не предвиделось. И Обрант отправился из Колпина в Ленинград пешком.

Он долго шел пустынными улицами, которых не видел с начала войны. Смотрел на развалины домов, зиявшие пустотой вымороженного жилья. Переступал через развороченные трамвайные рельсы. Вышел, наконец, на Невский проспект, на пересечении которого с рекой Фонтанкой находится Дворец пионеров.

Дворец пионеров напоминал замок из кошмарной сказки. Во дворе, смерзшиеся и припорошенные снегом, штабелем лежали трупы умерших — у города не хватало сил хоронить всех. На лестницах, в коридорах, в залах бывшего Аничкова дворца звенела ледовитой тишиной пустота.

Заведующую студией Р. А. Варшавскую Обрант отыскал в подвале Дворца — она грелась около «буржуйки». Встреча получилась невеселой. Горечь ее подчеркивали случайные предметы былой мирной жизни: висевшие на стене шелковые блузки девочек, карнавальные костюмы, козел для физкультурных занятий.

Варшавская достала журнал с адресами воспитанников студии. И наутро оба преподавателя отправились в путешествие по городу, по улицам, по дворам, по темным, захлабленным лестницам, по квартирам, где двери зачастую не были заперты, потому что некого и нечего было здесь оберегать...

Семью Нелли Раудсепп, всю, кроме отца, Аркадий Ефимович застал за тщательным делом небольшого куска хлеба. Дележ однако происходил странный: часть хлеба откладывалась в сторону, будто ее и не собирались есть. «Наверное, отцу», — подумал Обрант. Он угадал. Отложенный кусок предназначался в качестве платы за гроб для отца, который умер несколько дней назад и лежал в соседней комнате:

хоронить за деньги могильщики отказывались...

Геннадий Корневский оказался во дворе своего дома — мальчик пытался наколоть дров. Его движения напоминали замедленную кино съемку: Геня опускал колун с такой «силой», что тот отскакивал от сырого полена, словно от железного...

Валю Лудинову Обрант нашел в госпитале — ее доставили сюда с сильным истощением. Вера Мефодьева чувствовала себя еще прилично, даже работала на военном заводе токарем, но зато все ее близкие уже не вставали с постели, и прежде чем увозить Веру на фронт, следовало устроить ее родных в госпиталь. Валя Клейман сам открыл своему учителю дверь. Неужели парень здоров? Радостное удивление быстро прошло: Валентин заговорил медленно, вразяжку, еле ворочая языком, а это было верным признаком дистрофии.

И все-таки 25 марта сорок второго года в подвале Дворца пионеров, где жили преподаватели, собрались три девочки и три мальчика, Валю Клеймана, правда, привезли на санках — передвигаться самостоятельно он не мог.

Именно этим мальчикам и девочкам предстояло через несколько дней порадовать бойцов и командиров своим огненным репертуаром.

* * *

Часы на башне Московского вокзала стояли. Многочисленные пути среди высоких платформ, дававшие когда-то разгон нарядным экспрессам, теперь не вели никуда. Никто не счищал снежные сугробы на крышах вагонов и у примерзших к рельсам колес. Только один паровоз деловито попыхивал густым на морозе паром. К паровозу был прицеплен один пассажирский вагон.

Маршрут был короткий: вагон шел до Товарной станции, которую прежде пассажиры и за станцию-то не считали, потому что ни один серьезный поезд на ней не останавливался. Теперь здесь оказался конец пути. Дальше ехать нельзя. Надо вылезать на мороз и добираться в село Рыбацкое своим ходом.

Шли весь день. Валю Клеймана тащили на большом листе фанеры, оторванном где-то у полуразрушенного дома. К вечеру дошли до места и гурьбой ввалились в теплую избу. Усталые, голодные — всю дорогу ничего не ели — тут же повалились на койки и заснули.

Среди ночи кто-то ворвался в избу и крикнул: «Айда за пайком!» Две девочки вскочили, накинули пальто. Вскоре они вернулись с ведром. Из него валил душистый пар пшеничного супа.

Девочки и мальчики с жадностью

приналегали на еду. Им и в голову не приходило, что они уничтожат выданный на несколько дней вперед паек Аркадия Ефимовича — свой им назначили только на другой день.

— Друзья мои, — сказал наутро Обрант, — наша общая судьба решится через несколько дней, когда вам придется выступить здесь с концертом. Так что давайте потихоньку заниматься. Устанете — скажите. Можно будет немного отдохнуть. С чего же мы начнем?

Начали с восстановления довоенных танцев — крыжачка и гопака. Юные танцоры еле шевелили ногами, падали, садились отдыхать, отирая лоб и тяжело дыша. А Обрант говорил им, что восстановлением готовых работ они не могут ограничиться, что придется специально для предстоящего концерта поставить еще и красноармейский перепляс.

Пять дней подряд поднимались девочки и мальчики спозаранку и ходили к берегу Невы. Мысли о своих недомоганиях пришлось из головы выбросить.

В один из этих дней Геня Корневский задумал совершить важный шаг в своей жизни — сбрызнуть подростки на щеках пух. Как раз в этот день мальчикам и девочкам подыскали гимнастерки и шинели. И Геня полагал, что имеет полное право нанести визит военному парикмахеру.

Корневский шел по дороге, погрузившись в размышления и изящно перескакивая в своих танцевальных сапожках с камня на камень. На дороге стояла «Эмка», а возле нее прохаживался высокий представительный военный. Геннадий не обратил на это ни малейшего внимания и последовал дальше.

За его спиной начальственный голос крикнул:

— Товарищ боец!

Геня шел своей дорогой. Военные дела еще не очень занимали его. Начальственный голос настойчиво звал какого-то бойца, а тот почему-то не откликнулся на зов. Геннадий, наконец, заинтересовался: оглох парень, что ли?

Обернувшись, Геннадий с удивлением обнаружил, что высокий военный звал именно его. Тогда он любезно осведомился, чем может быть полезен.

— Почему не приветствуете? Почему стоите вразвалку? Ваша фамилия?

— Знаете, я ведь не думал, что вы меня зовете, простите, не знаю вашего имени-отчества, — отвечал Корневский. — Вы меня хотели видеть?

В моторе «Эмки» случилось, наверное, что-то очень серьезное, потому что спина склонившегося над ним водителя тряслась.

— Да, соскучился очень, давно не встречались... — сказал высокий военный. — Не видеть вас я хотел, а полюбопытствовать, почему не приветствуете старшего по званию?

— Видите ли, этого я еще не умею, я ведь из Ленинграда, недавно приехал с Аркадием Ефимовичем...

— Нечего сказать, боевое пополнение в нашем агитзведе! Куда направляетесь?

— В парикмахерскую.

В глазах представительного военного, при виде цыплячьего пуха на щеках собеседника, сверкнули искорки, но он быстро погасил их.

— Идите, — сказал он. — И передайте старшему лейтенанту Обранту, что бригадный комиссар велел научить вас для начала приветствовать старших и не носить шинель, как халат!

— Хорошо, товарищ бригадный комиссар, я скоро увижу Аркадия Ефимовича и передам обязательно, вы не беспокойтесь, — пообещал Геня и отправился дальше своей дорогой. Он уже не видел, как бригадный комиссар и его водитель хотали, глядя ему вслед.

* * *

И вот наступило 30 марта — день первого выступления юных танцоров перед военными зрителями. В Рыбацком как раз происходил слет армейских врачей, сандружинниц и медсестер — концерт предназначался им.

Перед самым выходом Обрант с волнением посмотрел на своих питомцев.

— Нет ли здесь кокетливого врача? — спросил балетмейстер. — Очень нужна губная помада.

Помада нашлась. И ввалившиеся щеки девочек порозовели стойким химическим румянцем.

Зазвучал гопак. На сцену переполненного зала местной школы выбежали Валя Лудинова, Нелли Раудсепп, Геннадий Кореневский и Феликс Морель. Сидевший в первом ряду бригадный комиссар узнал Геннадия, вспомнил недавнюю встречу на дороге и, улыбаясь, наклонился к начальнику штаба, чтобы рассказать ему о курьезном случае с мальчишкой, но замер на полуслове. Опустившись вприсядку, Геннадий не мог подняться на ноги, делал отчаянные усилия — и не мог. Нелли быстро протянула ему руку и помогла встать. Танец продолжался. Но каждый раз, когда надо было пуститься вприсядку, Нелли приходилось помогать своему партнеру подняться...

После «Яблочка» публика потребовала повторения номера. Бригадный комиссар обернулся к залу и пока-

зал кулак, но никто не понял этого жеста и зал продолжал неистовствовать. Нелли Раудсепп собралась было повторить номер, — надо, значит, надо! — как вдруг бригадный комиссар поднялся во весь свой могучий рост и крикнул:

— Запрещаю повторять танец! Надо же понять...

Зал притих.

Концерт окончился.

— Вот это годится, это нам нужно, товарищ Обрант! — сказал бригадный комиссар, явно намекая на успех первоначальной танцевальной группы агитзвода. — Молодцы ребята!

* * *

Начались регулярные концертные выступления. Аккомпанировали танцорам «приданный» им профессиональный пианист А. Розанов и баянист Г. Линкевич.

Вскоре танцевальная группа агитзвода 55-й армии стала называться танцевальным ансамблем под художественным руководством А. Е. Обранта.

Юным танцорам приходилось теперь выступать в такой обстановке, какая в прежнее время, до войны, не могла им присниться во сне. Надев рюкзаки, набитые костюмами и нехитрым реквизитом, маленький ансамбль исходил тропинки прифронтовой полосы, пересек «свой» участок блокадного кольца вдоль и поперек. Не раз случалось, что здание, откуда они только что вышли, или изба, в которую направлялись, на их глазах взлетали в воздух от прямого попадания вражеского снаряда.

Они появлялись в палатках медсанбата и танцевали там, где танцевать, казалось бы, невозможно. И тут же помогали переносить и перевязывать раненых. Ночные концерты в тесных избушках, которые важно именовались клубами, происходили при свечах. От движения танцоров свечи нередко гасли. Тогда танцевали почти без света. Танцевали даже без музыки, так случалось на самых передовых участках фронта, где каждый звук с легкостью достигал вражеских укреплений. Тогда не играл аккордеонист Генрих Линкевич. Не аплодировали бойцы. Не слышно было даже стука каблучков — танцорам подкладывали под ноги сено. Но девочки и мальчики с рвением исполняли свои, пусть теперь «немые», танцы, чтоб люди, уходя в бой, думали о жизни.

Порой выступления ансамбля превращались в бесконечный, многочасовой концерт. Неподалеку от Колпина высилась обстрелянная с наружной стороны кирпичная стена. Под ее укрытием отдыхали и курили, сменяясь ненадолго после боя,

красноармейцы. Вот за этой-то стеной, где сама земля взлетала на воздух черными фонтанами, где, пригибаясь в ходах сообщения, сходились солдаты, — здесь танцевали маленькие танцовщики. Одни бойцы уходили в бой, другие возвращались из боя, а ребята танцевали без передышки. Потому что все новые герои в копоти и дыме шли сюда, чтобы хоть мгновение посмотреть на них.

Танцевали и на платформе бронепоезда. Жерла орудий глядели мимо танцоров, куда-то вдаль. Прислуга бронепоезда тоже размещалась на платформе, сужая сцену до предела. Но ансамбль обрантовцев давно приравнял свою работу к сражению. И бронепоезд был именно тем местом, где ребята могли и хотели выступать.

Рыбацкое, Колпино, Усть-Ижора. Темные от порохового дыма взволнованные лица солдат, благодарные объятия, сердечные слова. Занятия военным делом, пешие переходы с тяжелыми рюкзаками за спиной или бешеная ночная езда в кузове грузовика, когда над самой твоей головой в разных направлениях летят красные пунктыры транссибирских пуль.

Старшие из мальчишек и девочек достигли к этому времени десятого класса. Они учились всюю. По решению политуправления армии учителя приезжали к ним из Ленинграда сюда, в Рыбацкое, чтобы заниматься с необычными учениками.

Обрант неустанно напоминал своим питомцам, что учиться им необходимо, что без успешного окончания десятилетки им не обойтись. Ребята даже перенесли утренний подъем на более раннее время. А в политуправлении завели для них специальный журнал успеваемости.

* * *

Это случилось 14 июля сорок третьего года.

Теплым солнечным днем артисты ансамбля шли на очередной концерт. Тропинка вилась вдоль железнодорожного полотна и идти приходилось гуськом. А Валя Сулейкина прыгала по шпалам, перескакивая через одну, — она любила именно такой способ передвижения.

Поблизости разорвался снаряд. Валя вскрикнула и упала на рельсы.

У нее было раздроблено бедро. Обрант поднял девушку, товарищи, запыхавшись, притащили носилки, остановили грузовик и повезли раненую в госпиталь, стоя в кузове машины и держа носилки на весу — чтобы не трясло. Валя посмотрела на них с ужасом и сказала:

— Как же я теперь буду танцевать?

Потом она потеряла сознание.

Ее привезли в госпиталь на окраине Ленинграда, в бывшую «Куракину дачу». Глубокий шок. Операционный стол. Обрант ждал в коридоре. Вышел хирург и сказал:

— Есть здесь родные? Сейчас будем ампутировать.

Обрант кинулся к телефону, обратился к командованию. Очень скоро в госпиталь приехали ведущие хирурги фронта. Ногу решили сохранить.

И вот операция позади, Валя лежит в глухом гипсовом панцире. Десять лет, отданные танцу, любимая профессия, мечты о будущем — все это оказалось перечеркнутым осколками фашистского снаряда.

Настал день 11 ноября сорок третьего года — день ее восемнадцатилетия, который Валя никогда не сможет забыть.

Она не ждала телеграмм — их некому было ей посылать. Она не ожидала сюрпризов — все ее близкие покоились на ленинградских кладбищах.

Утро началось с того, что на тумбочке возле койки девушка нашла записку. Врачи, сестры и санитарки госпиталя поздравляли Валу и обещали ей сделать все возможное, чтобы поставить ее на ноги. В палате повсюду стояли цветы. Их кто-то принес, когда Валя еще спала.

А вечером широко распахнулись двери и в палату в полном составе вошел агитвзвод 55-й армии — оркестр, солисты, все, кто считал себя не только сослуживцем девушки, но и ее другом. Приехал бригадный комиссар, приехали командиры, сотрудники армейской газеты, член Военного Совета. Весь огромный госпиталь праздновал Валин день рождения.

Замполит госпиталя сказал:

— Начинаем концерт в честь нашего товарища, героически воевавшего с врагом и раненного на передовой линии фронта...

Заиграл оркестр. Танцоры ансамбля Обранта и прежде не раз выступали в госпитальных палатах. Но теперь они впервые танцевали для своей Вали, которая лежала сейчас в гипсовом панцире и смотрела на них огромными, серыми, полными слез глазами.

А потом друзья сказали Вале: «Теперь ты должна спеть нашу любимую».

У Вали был замечательный голос. А в ансамбле больше других любили простенькую песню про черные косы и про любовь, которую часто пели на фронтовых дорогах.

Но петь, лежа на койке без движения, превозмогая боль?..

Валя с испугом посмотрела на друзей. Но они даже не улыбались. Они ждали. Чтобы все было так, как всегда.

И Валя, собрав всю волю, на какую была способна, приподнялась, насколько позволял ей тяжелый гипсовый футляр, и запела.

* * *

В начале лета сорок четвертого года ансамбль Обранта поехал в Москву, чтобы принять участие в Третьем антифашистском слете молодежи и выступить с концертом в Колонном зале Дома Союзов.

Когда на сцену Колонного зала выбежали ленинградские юноши и девушки в военной форме, с новенькими медалями «За оборону Ленинграда», зал вскопчил и обрушил на ребят шквал оваций.

Им пришлось выступить более чем в тридцати больших концертах. Они стали героями военного московского театрального лета. А потом — снова концерт в Колонном зале, на этот раз — для школьников Москвы.

На этом слете школьников им подарили, как и всем пионерам, комплект книг, бумагу, карандаш со вставочкой, блокнот, бутерброды с сыром и по бутылке лимонада...

В День Победы обрантовцев видели на Дворцовой площади. Они танцевали посреди огромной толпы радостно возбужденных людей. Снова поскрипывали дощатые подмости под ногами, снова не было вокруг тишины, только вместо грохота артобстрела теперь гремел праздничный салют. А вечером, собравшись вместе, они вспоминали военные дороги и — самый свой необычный концерт на войне.

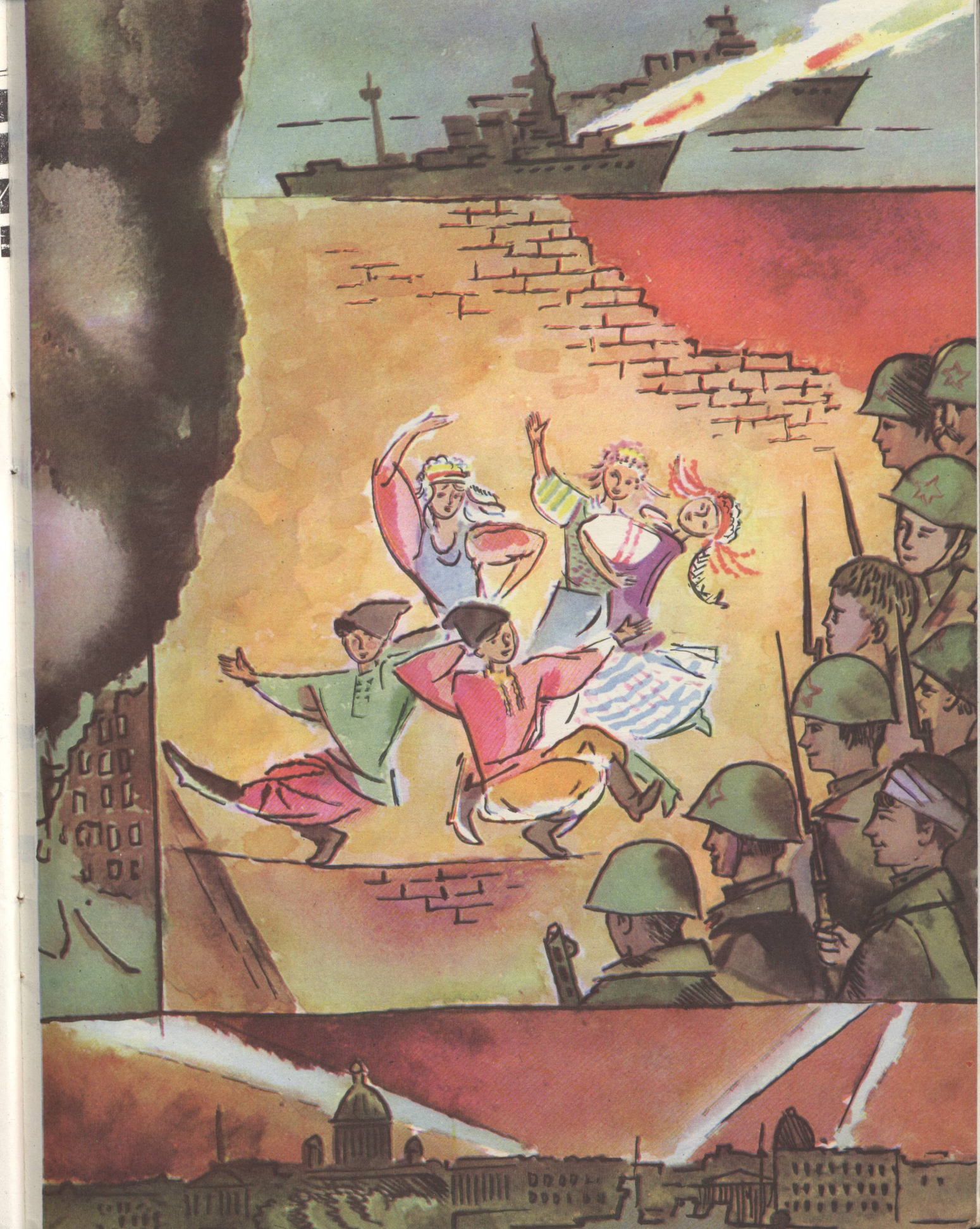
Однажды, в сорок втором, в Колпине, в двух шагах от огненного рубежа, танцорам агитвзвода предложили выступить на территории полуразрушенного завода. Танцевать предстояло... на поду огромной печи!

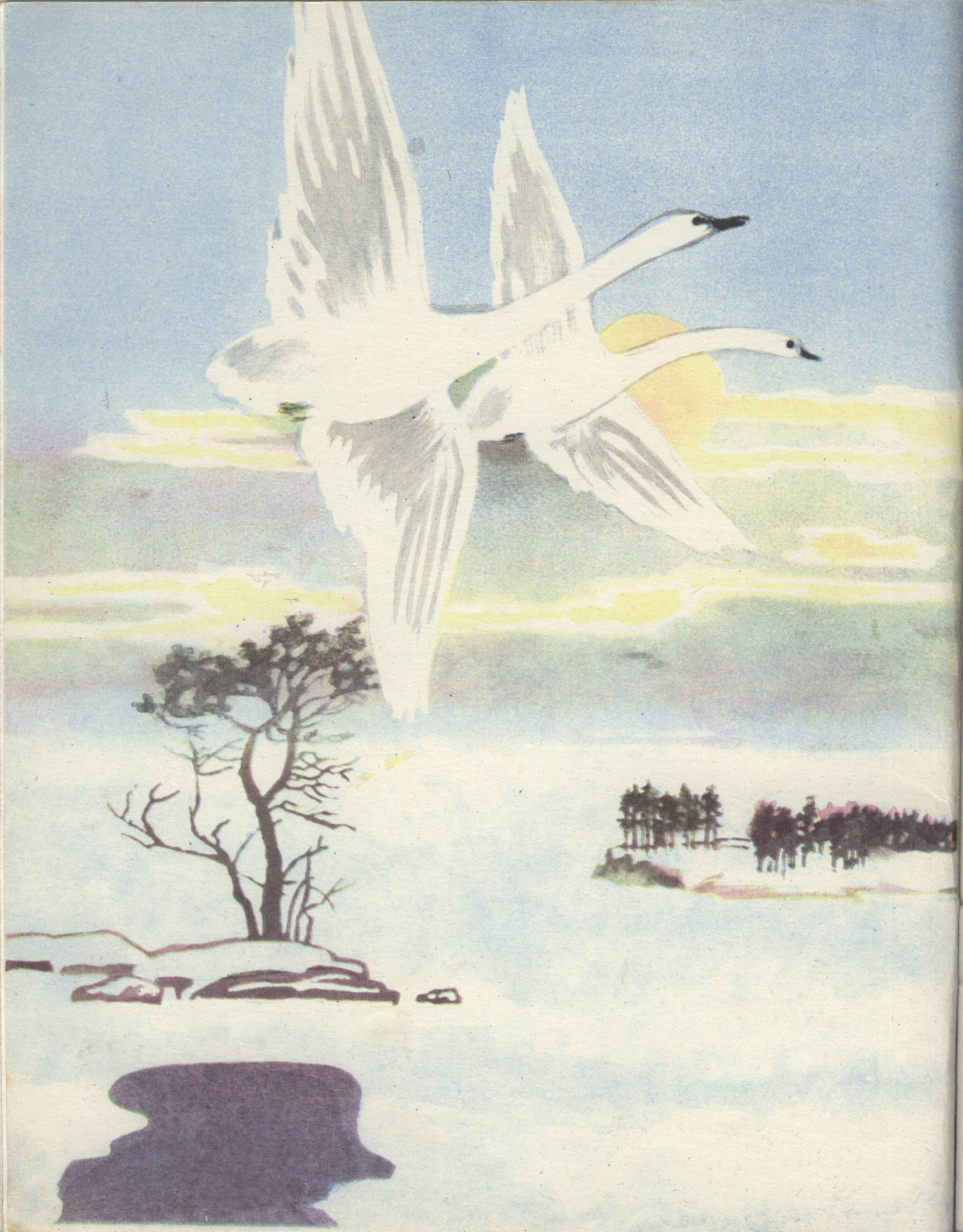
И вот начался этот танец в самом чреве печи, когда приходилось наклонять голову, чтобы не удариться о нависавший сзади низкий свод, когда приходилось укорачивать шаг, чтобы не столкнуться партнера с маленькой черной площадкой, изъеденной огнем. Бойцы, возбужденные только что отгремевшим боем, растроганно смотрели на мальчишек, которые так рано узнали войну, на маленьких танцовщиц, слетевших сюда из прекрасного далекого города — в самый огонь...

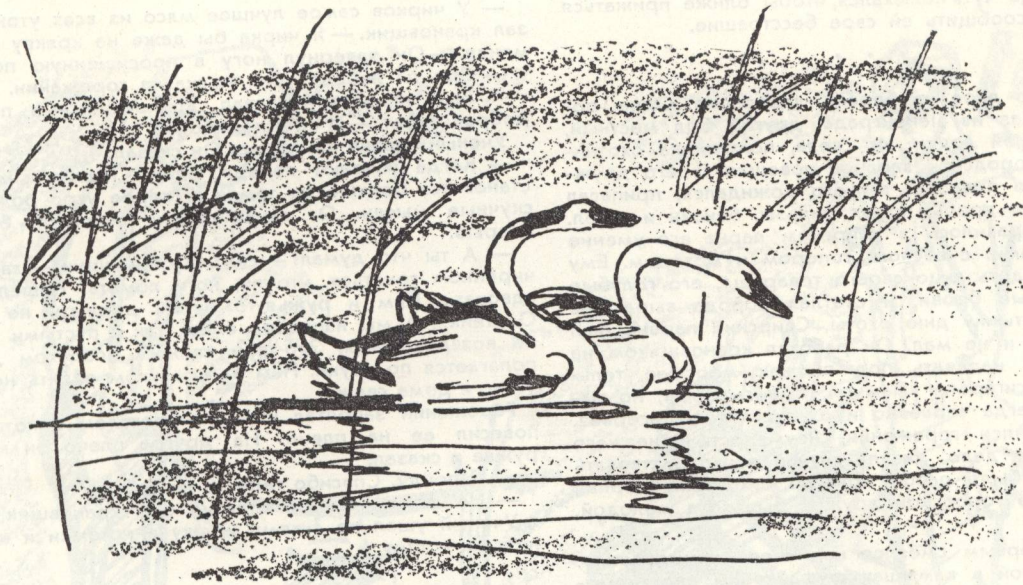
Помните сказку Андерсена?

И разве неправда, что сказки очень похожи на действительность?

На цветной вклейке рисунок С. Спицына

ЛЕБЕДИНАЯ ЖИЗНЬ

Рассказ

Рисунки Н. Кустова

Глеб Горьшанин

Они пролетели над Азией и Европой, над такими людными городами, как Ереван, Мелитополь и Ярославль, но их почти никто не увидел. Они летели без крика, без свиста крыльев, без гоготанья или курлыканья, вдвоем, высоко над землей, в апреле. Встающее солнце окрашивало им белые подкрылья.

Двое лебедей летели с теплой зимовки в тростниковых плавнях под Ленкоранью на дальний, едва оттаявший после зимы, весь зябкий и водянистый Север.

Лебедей летели отдельно от кружливых, нахлестанных охотничьей дробью утиных звеньев. Попутные караваны гусей догоняли их на небесной дороге — одной для всех перелетных птиц, но лебедей подымались выше и раставали в небе, как дымки от реактивных самолетов.

Они летели вдвоем на Север, так было в прошлом году и позапрошлом. Они уставали зимой от напичканной пухом и перьями стадной жизни на южной воде. В небе было им хорошо, как на пустынном студеном озере. Они переговаривались на лету. Никто не слышал их разговоров.

Иногда снизу ухали выстрелы. Лебедей продолжали плыть друг подле друга, не убыстряли движения крыльев, правила точно на север, их лапы были вытянуты, как рули. Дробь обсыпала больших, безучастных к опасности птиц. Она не могла пробить военные перья, а только ерошила пух на подкрылках и падала наземь.

... Над Ленинградом лебедей пролетели спокойно и высоко. Над Ладогой их ударило ветром. Они устали и опустились к воде. Но северный ладожский берег, и камышовые чащи, и Свирское устье дохнули на них жженым порохом и обдали стрекотаньем моторных лодок и катеров. Лебедей снова медленно всплыли кверху, и можно стало слышать их озабоченный разговор.

Охотники любовались идущей над ними лебединой жизнью. Иные мечтали также о лебедином мясе, сладком на вкус, и о лебязьем пухе — он мог пойти на подушку.

Лебедей еще пролетели над Свирью, сколько могли, и сели без шума на проблеснувшее водяное оконце и замерли, насторожив шею. Они чуть подгребают лапами и были словно плавучие кочки. Их маленькие голочки чернели, как посаженные на длинные стебли бархотки камышей.

Полная гомона и суеты, вода затихала к ночи. Только просвистывали крыльями запоздалые стайки чирков да блял в темноте торопыга-бекас, да слышно было, как трутса жуки в тресте боками — мечут икру, как баламутят воду хвостами, как рыщут возле тяжелых маток шурята-самцы.

Еще доносилось с песчаного кряжа фырчанье костра и хрястал топор. Люди кидали в огонь сосновые лапы, и костер подымался, искрил и отблескивал в круглых, тревожных глазах лебедей.

Лебедушка приплывала близко к лебедю и спрашивала его чуть слышно: «Крю, крлю ко?» Лебедь отвечал ей: «Гурлюк!»

Еще только рождался и клекотал в лебязьих шеях звук, и они уже понимали его значение...

Как вдруг налетели гуси, скрипя тележными голосами, и опустились около лебедей и заныряли и залуццили в клювах добытые корешки.

Лебедь спросил у лебедушки: «Гурл?» Она ответила: «Ульк».

... Они уплыли в камыши, выгибали шею, и ныряли в воду, и запускали клювы в еще не растаявший донный ил. Наверху оставались лебязьи хвосты и белели пуховые панталоны.

Поужинав корешками, они приласкались друг к дружке. Уплыли к береговому кочкарнику и чутко загнули.

... Им слышен был разговор людей у костра. Голоса доносились жестко, как будто ломали сучья. Лебедушка подымала шею и раскрывала свой грозный

глазок. Лебедь чуть колыхался, чтобы ближе прижаться к подруге и сообщить ей свое бесстрашие.

* * *

Людей было двое на берегу, два парня. Один, старше, приехал из Ленинграда, другой был местный, хозяин моторной лодки. Их свела, подружила охотничья страсть; городской заранее поведал своего друга на Свири о приезде, тот его дождался, припаса к началу охоты дробь, порох, гильзы, бензин и автол. Горожанину нравилось в свирском парне его умение ладить с вещами: с веслом, топором и мотором. Ему любо было видеть лицо своего товарища, его голубые глаза и светлые брови, и светлая борода вырастала у парня к третьему дню охоты. Свирский парень был не крупен, но и не мал. Он работал крановщиком на сплаве, любил надевать под пиджак морскую тельняшку, курил сигареты «Памир», был смешлив, но работу делал всегда серьезно и охотился тоже всерьез.

Парню нравился горожанин, неумелость приезжего человека то и дело давала случай верховодствовать над ним. Это было особо приятно свирскому парню, потому что его городской дружок был хотя молодой, но ученый.

Приезжий первым смеялся над своей неумелостью, над промоченной в камышах фуфайкой и над неметким своим выстрелом. В этот раз ему повезло. Он убил крохалея и чирка. Вернулся с болота на кряж и наладил костер. Счастливый, готовился встретить дружка по охоте, заваривал чай. Он всегда говорил, что добыча ему не важна. Но пока не вернулся товарищ, пока никто не мог увидеть, ученый брал в руки чирка с зеленым кантом на крылышках, он растворял длинный клюв крохалея и клал в него свой собственный палец. И тихо смеялся, как мальчик. Счастье это было ему не понятно, но велико, он дышал, как бегун после финиша, и взвешивал на ладони двух маленьких гладкоперых уток — свое торжество.

Свирский парень пришел и принес длинношею птицу. Он кинул ее на мочало подснежной травы, принялся стягивать сапоги. Лицо его было грязно от пота, а брюки мокры. Он похвалил ученого:

— Что, чира задавил?.. А крохалея тоже трудно стрелять. Молодец!

Горожанин ничего не сказал, хотя множество слов, восклицаний скопилось в его голове от удачной охоты. Он ждал человека, готов был ему говорить, говорить и, возможно, запеть... Но он только смотрел на убитого лебеда и на портянки, которые свирский парень развешивал близко к огню...

— Ну, он меня помуржили, — рассказывал парень, — в тресту забился, никак до него не долезть. Дно нисколько не держит — что ты... Вон тельник на пупке даже мокрый...

Он показал свой тельник и свой, как оструганная доска, твердый белый живот.

... Чай кипел на костре, но котла не снимал ни один из охотников.

Ученый молчал. Крановщик деловито и спорно сушился.

— Я вылез уже из болота на кряж, — рассказывал свирский парень, — лебеда волоку, в карман его не засунешь, а тут как будто кто стукнул, охотинспектор районный Сенькин из камышей вылезает... «На ловца, говорит, и зверь...» А я ему говорю: «Еще неизвестно, на чем рыльце пуху поболее». Он в позапрошлом году, я видал, в Загубье лебеда взял на осеннем пролете. «...Ну ладно, — говорит, — смотри только, чтоб на станции кто не увидел...»

Ученый снял чай с тагана и поставил котел на землю.

— У чирков самое лучшее мясо из всех уток, — сказал крановщик. — Я чирка бы даже на крякву не променял. — Он завернул ногу в просушенную портянку.

— Зря ты лебеда убил, — сказал горожанин.

— Зря не зря, — сказал крановщик, — а похлебка добрая будет. — И громко плюнул.

Ученый глядел на костер. Он сказал:

— Когда убивают лебеда, одним пасмурным утром становится больше на земле. В серое утро рождаются скучные мысли. От скуки люди становятся ближе к зверью.

— А ты что думал? — сказал крановщик, — за одним чиренком гоняться, что ли, ноги ломать? Нашелся мне адвокат... Сам и ружья-то путем держать не умеет. Охотник... А мы на озеро едем, так с пустыми руками не возвращаемся. Это вам свежим воздухом дышать полагается по науке. Нам за воздухом ездить не надо, у нас и дома свежо.

Горожанин запрятал чирка с крохалем в котомку и повесил ее на плечо. На другое плечо он повесил ружье и сказал:

— Я пойду. Спасибо тебе за дружбу.

— Не стоит, — хмуро ответил ему крановщик.

Ученый ушел по сухому кряжу в потемки и не вернулся к костру.

* * *

Лебедь с лебедушкой выжили в эту ночь, хотя охотник жег близко костер, хотя он стрелял по пролетной лебяжьей стае и не промазал... Они проснулись, когда потянул первый ветер и полomalся намерзший под утро ледок. Их разбудил тоненький звон ледышек, бившихся о камыш. Осколки прозрачного льда звенели, как самые верхние ноты в рояле.

Лебеди поднялись над туманом и протянули шеи на север и полетели.

Север посыпал их снегом. Они подставили снегу спины и крылья, ерошили перышки и опускали лапы, чтобы тише лететь и помыться в снегу. Они стосковались на южной зимовке по белой холодной снежности. Их перья начали вянуть от зноя и теплых дождей. Им нужен был север.

Чем дальше на север летели лебеди, тем реже виднелся им внизу бегущий поезд или фабричный дым. Никто на земле не стрелял из ружей. Не попадались навстречу и самолеты. Зато озера раскрылись повсюду, сколько хватало глаз.

Озера были синего цвета под чистым небом. Под низким солнцем озера плавались, как благородный металл. Озера белели под белыми облаками. Они были тусклы, свинцовые, когда на них наносило тучу.

Все небо и солнце словно разбилось на тысячу разноцветных осколков. Осколки пали в озера. Озера зазывно рдели, как фонари на большом посадочном поле аэропорта. Лебеди снизились над озерами и в первый раз загурлыкали без причины, не обращались друг к другу, а радостно возглашали: «Гур-лю!»

Но они не садились на белые, синие, красные и золотые озера, а все летели, приветствуя Север коротким гортанным кличем. Им нужно было озеро Аллаярви. Так называлось озеро у людей. Лебеди жили на нем три лета и подняли в воздух три выводка лебедят...

Как все другие озера, Аллаярви краснело под солнцем и потухало в ненастный день. В нем были песчаные мели и черные водяные ямы, и камышовые чащи, и сосны вцепились корнями в его берега. Оно было не шире, не глубже и не богаче — такое, как все озера на Севере. Но лебеди прямо летели на Аллаярви.

Из миллиона озер их ждало озеро Аллаярви. Одни шилохвостые чайки селились на этом озере и лопотали

все лето, гонялись по воздуху, как стрекозы. Чужие лебеди все пролетали мимо: у каждой лебязьей пары был найден и облюбован свой собственный водоем.

Лебеди сели разом на озеро Аллаярви и долго плыли с разгону, от них разошлись по воде два длинных уса. Усы дотянулись до берега и там запутались в ряске.

Лебеди остановились на середине озера. Им некуда было теперь улечься, уплыть. Начиналось их время — пожить... «Клуфлю», — сказала лебедка. «Глиргу», — сказал лебедь. — Как хорошо нам с тобой на нашем озере».

Они понырляли немного, потом оперлись хвостами о воду, привстали и помахали крыльями, чтобы просохнуть и отряхнуть застрявшую в перьях дорожную пыль. Над ними носились и верещали и наостряли в тонкое шильце хвосты развеселые чайки. И спелое солнце приблизилось к озеру, но не коснулось воды, посмотрелось на себя и прынуло кверху. На севере летом не бывает ночей.

...Лебеди тихо плавали рядышком малыми кругами по озеру. Иногда они вольно трубили. Вода разносила их голоса, как радиолу...

Но вдруг от берега оторвался еще один неизвестный лебедь и выплыл на чистое место. Его белоперую тушу прилетевшие лебеди увидели сразу, как сели на озеро, но приняли за ошметок прибрежного льда. Лебедь далеко назад выгнул шею, плыл медленно и не прямо.

Лебедушка прижалась к своему лебедю, и оба они по-змеячьи напружили шею. Казалось, сейчас зашилят на лебедя-одиночку. Они прилетели за тысячи кило-

метров на север, чтобы остаться вдвоем на единственном в мире, не знавшем чужого пера, их собственном озере Аллаярви.

Одиноким лебедь сказал им: «Лырг-ли...» Но они забили крыльями по воде и побежали, сердито крича...

Был пасмурный день и озера виднелись сверху, как шкуры серых убитых оленей. Но в каждом уже поло- скалась лебязья пара, как будто раскрылись два белых цветка.

Лебеди все летели, пока не завидели сплошь слепую серую воду.

...Озеро это было известно людям под именем Кур-Яур. Его так прозвали в давние времена пришельцы-оленоводы. Кур-Яур на их языке означало озеро Кур — мужчина. Они называли другое озеро Аллаярви. И все понимали, что это озеро — женщина.

Озеро-женщина Аллаярви было округло, озерный мужчина Кур-Яур был длинен, имел горловину, в которой шумел говорун-водопад. Во всем остальном озера были похожи.

Лебеди медленно, долго летали над длинным озером и слушали с недоверием, как говорит в нем вода. Им были видны большие следы человеческих сапог на забереге. Они сомневались и все кружили. Но сверху им было видно не только озеро, но и море. Оно покрывало весь горизонт. Дорога над Северным морем неизвестна была лебедям. Они полетали еще и сели на озеро Кур-Яур, подальше от водопада, в заводь, укрытую сосновым леском на мысу.

Из леска стеганул по воде выстрел, и шея у лебедя сломилась, он опал. Лебедушка полетела...

Из леса выбежал юноша в макинтоше, в очках, с бородой, с ружьем и длинноруким молоточком. Он быстро скинул с себя одежду, остался в очках и поплыл. Лебедь греб лапами, уходил от убитого его юноши. Парень птицу настиг и взял за крыло зубами и волок за собой по воде. Потом он прыгал на берег и целовал убитого лебеда и прижимал его к своей на загоревшей на севере, белой груди и говорил ему:

— Ты уж меня прости. Я очень люблю тебя. Но мне всегда не везет на охоте. Я очень хочу возвратиться в лагерь с добычей и накормить всех ребят диким мясом. Мне просто необходимо было тебя убить, ты прости меня, лебедень...

* * *

В лесу у ручья поставлены были две палатки. Кастрюля повешена над костром. Девушка в непромокаемой куртке и светлой косынке смотрела, как подымается над кастрюлей пар.

Юноша с бородой пришел и кинул убитого лебеда близко к обутым в ботинки ногам этой девушки-поварихи.

— Ой, зачем ты его убил? — сказала девушка. — Я думала, они не бывают дикие, только плавают в Летнем саду. Не надо было его убивать.

— Ничего, — сказал полысевший мужчина лет сорока, — так-то он белый, а сваришь — и красненький станет. Вареная вся скотинка на один цвет.

— Только не будем говорить, что это лебедь, — попросил юноша с бородой, — сварим и скажем, что гусь, а перья утопим.

Они ощипали лебеда возле ручья; пух весь собрал и припрятал рабочий — жене на подушку, а перья уплыли вниз по течению.

Пришел из маршрута еще один человек, самый старший. Он первым делом помылся в ручье и поднял одно неуплывшее перышко. Он принес его в лагерь и всем показал.

— Лебедь сронил перо, — сказал самый старший.

— К старости, что ли, у них перья-то вылезают, — сказал полысевший — или от сырости? Вот и я, как сезон по болотам пошляюсь, так плешь хоть на два квадратных сантиметра да увеличится.

Девушка разложила на мху деревянные ложки и алюминиевые тарелки.

— У нас сегодня на ужин гусь, — сказал юноша с бородой, немного подрагивая от гордости и боязни.

Девушка достала из кастрюли, подвешенной на тагане, большую упревшую, лакомую дичину и отломил облитое розовым мясом крыло.

— Ты мне не клади, не надо, — сказал самый старший. — Я подходил к лагерю, слышно, над Кур-Яуром лебедь трубит. Печальнее музыки я не знаю на свете, чем крики лебеда, когда он осиротеет.

Девушка огорчилась чуть не до слез, поднялась над кастрюлей, да так и осталась стоять, держа поварешку в руках...

— И я тогда тоже не буду есть это мясо, — сказала она.

— Нам больше останется, — лысый мужчина подмигнул юноше.

Тот просительно улыбнулся.

— Ну что, — воскликнул он, — ну, конечно, это не гусь! Ну, я убил лебеда. Они же здесь все равно расплодятся за лето. Ведь, кроме нас, ни души и не будет здесь. Никогда ни один человек тут не поселится. Только лоси и лебеди. И щуки. Ну, подумаешь, одним лебедем меньше...

Старший поел лапши и выпил крепкого чаю. Припомнил случай из собственной жизни и рассказал:

— В сорок третьем году я воевал под Синявином... — Так он начал рассказ. — После тяжелых боев наш полк вывели в Тихвин на переформировку. Я написал моей жене, чтобы она приехала ко мне. Она работала врачом в эвакогоспитале в Костроме. Мы с ней поженились в сорок первом году. В мае. В сорок третьем ей было двадцать пять лет. Она с огромным трудом достала пропуск в прифронтовую зону и села в поезд. На станции Неболчи их состав попал под бомбежку. Ее убило осколком в грудь. Я узнал об этом через двенадцать часов, помчался и успел ее только похоронить. Она поехала ко мне в черном шелковом платье. И большая черная коса у нее была уложена вокруг головы.

Человек говорил, умолкал, и все дожидались, что скажет он дальше. Все присмирели от серьезности его рассказа...

— Я бы мог жениться вторично, — продолжал самый старший. — Мне очень пришлось по душе одна девушка, вскоре после войны... Работали мы тогда на Таймыре. Пищу себе добывали охотой да рыбачили по озерам. Лебедей старались, конечно, не трогать. Но в крайнем случае питались и лебедятиной. А крайний этот случай выпал нам чуть ли не каждый день... Ну вот и я тоже стукнул лебедку, а лебедь, ее супруг, остался на озере и плакал по ней всю неделю, пока мы стояли поблизости лагерем... Ребята хотели его подстрелить, но я попросил не трогать. Я был на Таймыре начальником партии...

Мы прошли по Таймыру с запада на восток, а потом возвратились. И вышло так, что лагерь поставили около самого того озера, где я убил лебедушку, а уже зима поджимала. Ветры страшные на Таймыре... Вот ночью я лежу в палатке и слышу, вроде как лебедь гурлычет. Нет, думаю, ветер... А сна уже нет. И опять будто лебедь... Ну, думаю, галлюцинация. Вымотались мы все до предела в ту осень.

Утром пошел на озеро. В нем только промоина осталась около горла, пережат там был, быстрина. А так все во льду и под снегом... Сначала лебедя я не заметил. Близко к нему подошел. Лебедь крыльями хлопал, но не полетел. Подымать я его не стал...

Пока самый старший рассказывал свою жизнь, рабочий съел без малого половину лебединой туши.

Юноша с бородой в начале рассказа мяса не брал, а только проглатывал нервно и безотчетно скользкий лапшовник. Но потом он отломил небольшую дольку от лебединого бока... И уже удержаться не мог.

Девушка как-то само собой, незаметно, тоже взяла мяса.

— Есть один такой детский стишок, — сказал юноша, — не помню, кто его сочинил, какой-то малоизвестный поэт... Там про рыб говорится, как жалко рыб, что они не плавают в речке, а мертвые в магазине лежат... «Конечно, это грустно. Но до чего же вкусно!» — такая строчка есть в стихе. Одна она мне и запомнилась. Очень хороший стишок! — Борода у юноши вся была в лебедином жиру. Улыбался он молодо и блаженно.

...Солнце за это лето устало висеть и светить и начало опускаться на ночь в озерную воду. Лебеди все улетели, и озера сделались тусклыми без солнца и без лебяжьего белого цвета.

Скоро Север покрыло снегом и всякая птичья жизнь потерялась в сплошной белесой зиме.

КАРЛ-ИЛЬИЧ

Г. Набатов

— Знаешь ли ты этого мальчика?
— Нет!

— А ты, шенок, знаком с русским?
— Нет, не знаком!..

В мертвой тишине падают первые удары.

— Может быть, ты еще скажешь, что никогда с ним не встречался?

— Да, я его никогда не видел.

— Какой ты, черт побери, немец, если не хочешь нам помочь? Может быть, ты вовсе не немец? Как твое имя?

— Карл-Ильич.

— Что-о?! Врешь! У нас нет такого имени!

— Есть!

Что такое красный флажок

...Когда немецкий режиссер-коммунист Максимилиан Хауке заявил в 1928 году в магистрате, что хочет назвать своего первенца Карлом-Ильичом, регистратор с недоумением уставился на него:

— Кто такой Ильич? Что за имя? Выберите другое!

— Благодарю за совет. Но мы с женой уже выбрали. Просим зарегистрировать.

Торопливо бежало время, и вот маленький Карл начал узнавать своего великого тезку Ильича, Ленина, на картинках немецкого рабочего иллюстрированного журнала «АИЦ».

Ему еще не было четырех лет, когда отец стал его брать с собой на революционные демонстрации лейпцигских рабочих. Устроившись на плечах Максимилиана, мальчик выбрасывал вверх крохотный кулачок и кричал: «Рот фронт!». В пять лет Карл сам смастерил красный флажок и во главе колонны ребятишек шагал через город, подражая взрослым.

Как-то раз Максимилиан, вернувшись с первомайской демонстрации, подробно рассказал сыну о том, как полицейские разорвали в клочья крас-

Карл-Ильич Хауке.
1945 год.

ное знамя и зверски расправились с теми, кто шел в колонне.

— Особенно лютовали коричневорубашечники.

— Кто это, папа?

— Штурмовики! Фашисты! Ах, как они жаждут власти!

Действительно, вскоре гитлеровцы захватили власть, и в домике Хауке, на окраине Лейпцига, поселилось большое горе. Максимилиана бросили в тюрьму — он нелегально состоял в запрещенной компартии Германии. Надо было чем-то жить, и мать Карла поступила на фабрику чернорабочей. Мальчик почувствовал, как меняется к нему отношение в школе. Нет-нет, да вдруг кто-либо из ребят,

состоящих в гитлерюгенде, бросит ему грубо в лицо:

— Эй, ты, красный! На фонарь тебя!..

Русский в Лейпциге

Осенью 1941 года в Лейпциг стали прибывать первые эшелоны с советскими людьми. Тут были военнопленные и молодежь, угнанная с оккупированной территории в фашистское рабство.

Как-то Хауке — его выпустили из тюрьмы, считая, что он образумился, — сказал сыну:

— Ты прогулялся бы, сынок, на товарную станцию Плагвит. Говорят, пригнали русских... Погляди, что и как.

Карл не стал расспрашивать у отца подробностей. Он умел понимать его с полуслова.

Эшелон, прибывший из Советского Союза, разгружался. Из вагонов выходили бледные истощенные люди. Тех, кто еле передвигал ноги, увели зачем-то на задний двор станции. Остальных построили в колонну и отправили на деревообделочную фабрику «Зейдель».

Мальчик наблюдал в сторонке за мрачным шествием. «Нелегко им, видеть, далась дорога», — подумал он и вздохнул.

Выслушав его рассказ, Максимилиан сказал, обращаясь к жене:

— Эльза, собери, пожалуйста, какой-нибудь еды и завяжи в узелок.

Назавтра Карл привел отца к забору лагеря, где жили военнопленные. Максимилиан подошел к солдату, прохаживавшемуся вдоль забора, и, представившись ремесленником, завел с ним разговор о том, нельзя ли заполучить в подручные кого-нибудь из русских. Карл тем временем незаметно бросил через забор узелок и тут же припал к доскам. Сквозь узкий просвет он заметил, как к узелку подполз русский и унес его в барак.

С тех пор Карл зачастил сюда. Немецкие антифашисты посылали с ним для советских людей продукты, одежду, медикаменты. Но перебросить все это в узелке через забор уже было нельзя — часовой мог заподозрить нелегкое. Мальчик пошел на хитрость.

Рисунок Т. Ксенофонтова

Деревообделочная фабрика «Зейдель» продавала населению на топливо древесные опилки — каменного угля не хватало. Отпускали отходы русские военнопленные. И Карл решил прятать свои передачи в порожние мешки для опилок.

Мальчик был немало удивлен, когда, возвратившись из очередного похода на фабрику, обнаружил однажды на дне мешка записку.

Военнопленные спрашивали: «Где проходит сейчас фронт?».

Максимилиан Хауке уточнил это при помощи другого немецкого коммуниста — Карла Риттера, у которого был тайный радиоприемник. Сводка Совинформбюро, принятая Риттером, была вскоре передана военнопленным.

Через несколько дней Карл отправился за углем на станционный склад. Среди советских людей, работавших здесь, ему приглянулся бойкий парень, довольно сносно объяснявшийся по-немецки. Он назвался Алексеем Русицким.

Наполняя мешок Карла брикетами, Алексей тихо спросил:

— Далеко живешь?

— Порядочно. Зачем тебе?

— Хочу в воскресенье выбраться в город.

— У тебя есть там знакомые?

— Нет. Пока ты единственный...

Подумав, Карл пригласил его к себе в гости. Он знал, что отцу очень хотелось повстречаться с кем-нибудь из советских людей и побеседовать обстоятельно о положении «восточных рабочих» в Лейпциге.

Условились о месте и времени встречи.

Связной подпольного комитета

В воскресенье, когда стемнело, Алексей бесшумно отодрал доску в заборе лагеря, выбрался наружу и, заделав доску вновь, направился к тому месту, где его поджидал Карл.

Максимилиан и Эльза Хауке были рады приходу гостя.

За чашкой чая Максимилиан расспрашивал Алексея, откуда он, кто его родители, как попал в Германию, с кем он дружит в лагере.

О себе Хауке ничего не говорил, но Русицкий догадывался, что его пригласили сюда не случайно.

И когда Максимилиан предложил ему навестить еще раз, Алексей попросил разрешения привести с собой двух товарищей.

Так семья Хауке познакомилась с ленинградским рабочим-коммунистом Николаем Румянцевым и его боевым соратником Борисом Лосинским, ставшими впоследствии организаторами Лейпцигского интернационального антифашистского комитета.

Подпольный комитет устраивал диверсии на заводах и железной дороге, портил оборудование, выпускал листовки, обращенные к «восточным рабочим» и военнопленным, работавшим на военных предприятиях.

Карл не входил по молодости в состав комитета, но он был связным и знал все места явок подпольщиков, их задания, распространял листовки. В одной из них говорилось:

«Братья и сестры, товарищи бойцы Красной Армии, находящиеся в лагерях фашистской Германии!

Сближайтесь друг с другом, создавайте боевые группы, чтобы по первому сигналу восстать против фашизма. Поможем нашим отцам и братьям, которые сражаются на фронте, ударим с тыла по врагу и этим самым ускорим свое освобождение».

Листовки надо было размножить — их ждали на семидесяти предприятиях, с которыми комитет поддерживал связь.

— Ах, если бы раздобыть где-нибудь гектографические чернила и бумагу, — заявила Шарлотта Саксе, помогавшая Николаю Румянцеву в работе: — Я бы в два счета размножила.

— Ну что ж, поручим это Карлу, — предложил Максимилиан Хауке.

Облачившись в форму организации гитлерюгенд, Карл обегал в Лейпциге почти все магазины канцелярских принадлежностей, но ничего не достал.

Продавцы, словно сговорившись, повсюду покачивали головой: «Нет». Осталась последняя надежда — магазин на Променштрассе: он снабжал лучше других как центральный.

Карл-Ильич вошел в магазин, взглянул на полки. «Кажется, здесь тоже нет», — подумал он, огорчившись. На всякий случай любопытствовал:

— У вас есть гектографические чернила и бумага?

Продавец смерил его с ног до головы пристальным взглядом.

— Для кого это?

Гестапо приказало строго проверять покупателей, требующих такого рода товары.

— Для группы гитлерюгенд нашей школы, — ответил Карл не моргнув глазом. — Мы хотим размножить обращение фюрера к народу.

— О, это очень патриотично! — воскликнул продавец. — Для этого всегда найдется бумага и чернила!

У Карла мелко-мелко дрожали колени, покамест продавец заворачивал товар: «А что если передумает?» Мальчик рассчитался, не спеша вышел на улицу и долго кружил по городу, пересаживаясь с одного трамвая на другой, пока не убедился, что никто за ним не следит.

На следующий день подпольные группы на заводах и в лагерях получили достаточное количество листовок о подготовке к восстанию.

Но антифашистское восстание в Лейпциге не удалось осуществить. За несколько дней перед его началом гестапо арестовало членов комитета и многих участников подпольных групп.

Будь верен имени

Карла-Ильича схватили возле дома, на окраине Лейпцига. Когда его втолкнули в крытый грузовик, он едва сдержался, чтобы не крикнуть от неожиданности, — в углу сидел Николай Румянцев.

Николай сорвался с места — он, по-видимому, хотел что-то сказать, но в этот миг на него обрушился кулак конвоира. Их привезли в следственную тюрьму, где устроили очную ставку...

Памятник героям-антифашистам в Лейпциге.

Не добившись от Карла признания, гестаповцы отправили его в камеру. На завтра снова вызвали на допрос. Тщетно его уговаривали выдать своих сообщников — он молчал. Гитлеровец, разъяренный его упорством, перебил ему бамбуковой палкой кость левой руки.

— Убью насмерть, если не признаешься, — грозился палач.

Но Карл никого не выдал.

Через несколько дней рука так распухла, что тюремщики вынуждены были направить Карла в городскую больницу к хирургу. Тот потребовал снять с рук кандалы, иначе отказывался лечить. Конвоиры подчинились.

Больше месяца возили мальчика к хирургу на перевязки. И вот настал наконец день, когда ему должны были снять гипсовую повязку. Карл и радовался этому и печалился. Он понимал, что если ему не удастся убежать из больницы, то его сгноят в тюрьме или прикончат в гестапо. Что делать?

Судьба пошла ему навстречу. В этот раз вместе с ним привезли в больницу еще одного заключенного, у которого было общее заражение крови. Когда у Карла сняли повязку, конвоир приказал ему подождать в приемной, пока он договорится о том, чтобы второго больного положили в стационар.

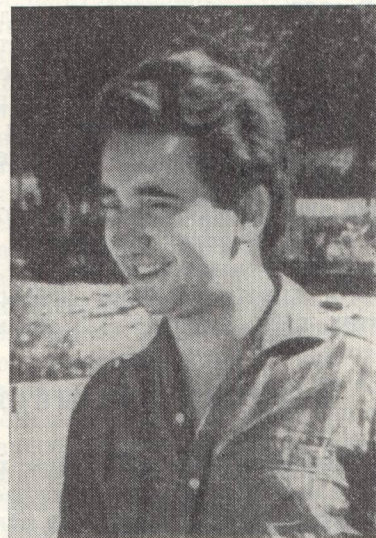
— Хорошо, господин ефрейтор, — послушно сказал мальчик.

Другой конвоир находился в телефонной будке и увлеченно с кем-то разговаривал. Больше никого в приемной не было. Карл поднялся, сделал несколько шагов и, убедившись, что конвоир в будке не обращает на него внимания, неслышно скользнул к выходу.

Когда ефрейтор вернулся в приемную, его и след простыл...

Трагически закончилась жизнь членов Лейпцигского интернационального антифашистского комитета. Большинство из них погибло в печах Освенцима.

Карл-Ильич после освобождения Лейпцига продолжал учиться, окончил институт и сейчас работает в ГДР директором школы. Он член Социалистической единой партии Германии.

Карл-Ильич Хауке. 1963 год.

Недавно Карл Хауке посетил СССР, встретился с бывшими соратниками по Лейпцигскому подполью. В письме на имя жены вожака интернационального комитета Николая Румянцева Карл-Ильич пишет: «Я уверен, что наша дружба никогда не заржавеет, ведь она скреплена общей кровью... Она принесет еще моей Родине и вам добрые плоды».

ГОРОШИНА + ГОРОШИНА

Э. Новиков
Рисунки
В. Бескаравайного

Однажды король Бробдингнега сказал Гулливеру, что всякий, кто сумел бы вырастить два колоса там, где растет один, две былинки травы, где росла одна, заслужил бы благодарности всего человечества.

Не правда ли, очень мудрым был этот король. Только пожелания его наверняка сказочные. Ведь книга Свифта «Путешествия Гулливера» — сказка.

Впрочем, загляните в свой почтовый ящик. Почтальон уже принес свежую газету. Сколько новостей тут! Читайте внимательней!

Вот сообщение: «Советские ученые-генетики А. Н. Лутков, Н. В. Турбин, А. П. Мазлумов и В. П. Зосимович в короткий срок вывели значительно более сладкую сахарную свеклу. В 1966 году страна только благодаря им может получить добавку в 100 000 тонн сахара...»

Что это — сказка? Нет, реальность.

Генетики — это люди, открывающие законы изменения наследственности и управляющие ею. И если вы еще не видели арбуза, что и полкласса сразу не сможет съесть, увидите. Не слышали о поросятах, которые не по дням, а по часам растут и жиреют, услышите.

Сейчас человек проникает в самые глубины тайн живого. История открытия некоторых из этих тайн — тоже была полна загадок.

ЗАГАДКА ЦВЕТНОГО ГОРОШКА

Почти сто лет назад монах Грегор Мендель посадил под окнами монастыря свой садовый горошек. Он не собирался открывать Америки. Монах из города Брно хотел получить новые расцветки декоративного растения.

Все казалось ясно. Взять одну горошину зеленого гороха, одну — желтого. Посадить в землю. Когда растение зацветет, снять с одного цветка пыльцу, перенести на другой, как говорят, произвести скрещивание. И вырастет потом новый горошек — желто-зеленый. Не правда ли: все равно, что смешать черный кофе с белым молоком? Только просто у Грегора Менделя не получалось. От первого скрещивания горошка с красными цветками и горошка с белыми цветками вырос новый го-

рошек. Одни красные цветки. Посадил Мендель этот новый горошек в землю, вырос он и... расцвел белыми и красными цветками. Вот загадка!

Монах Грегор отличался упрямством.

Восемь лет он снова и снова высаживал под окнами монастыря свой горошек.

Даже метрику для каждого растения завел: когда горошек посажен, когда расцвел, какого получился цвета.

Много тысяч метрик накопилось за долгие годы. Чтобы не запутаться, Грегор Мендель обозначил большими буквами латинского алфавита главные признаки растений. Например, преобладающую расцветку цветков. Маленькими буквами — признаки, которые у детей и внуков садового горошка были отступающими, менее заметными, чем у их родителей. Мендель пришел к выводу, что в каждом растении есть таинственный «наследственный зачаток». Он всегда передается по определенным законам от бабушек и дедушек к папам и мамам, а от них к растениям-детям. Потом в научном обществе города Брно рассказал Грегор Мендель о своем открытии. Послушали его, и большинство решило: «Чудак! Арифметику в жизни растений ищет». И скоро забыли.

Слишком непонятными, даже бесполезными казались эти многолетние занятия.

„ЗАНЯТИЯ ЭТИ, ОЧЕВИДНО, ДОЛГО НЕ КОНЧАТСЯ“

Когда на заседание съезда естествоиспытателей и врачей России явился человек в обычной блузе и высоких сапогах — это было неожиданностью. Пришел великий писатель Лев Толстой. Пришел к тем, о которых говорил:

«Ботаники нашли клеточку и в клеточках-то протоплазму, и в протоплазме еще что-то, и в той штучке еще что-то. Занятия эти, очевидно, долго не кончатся, потому что им, очевидно, и конца быть не может, и потому ученым некогда заняться тем, что нужно людям».

И правда: одни ученые борются за высокие урожаи, создают лучшие машины. А другие? Целыми днями они сидят в своих кабинетах и смотрят в микроскопы, изучают жизнь клеток. Узнают, что в клетках есть ядра, выискивают в ядрах какие-то странные тельца. Десятилетиями изучают ученые их поведение, подсчитывают — сколько их. И даже устанавливают, что тельца эти, будто две одинаковых футбольных команды, иногда разбегаются в разные стороны и начинают «игру». А потом сов-

сем отдаляются друг от друга, окружая себя собственной клеткой. Так из одной клетки создаются две новых.

И опять начинается все снова. И опять «игроки» разделяются, создают похожие друг на друга клетки. Ученые назвали эти неугомонные тельца хромосомами, потому что лучше всего их можно увидеть в микроскоп, окрашенными специальной краской. Отсюда и название. Ведь хромос — значит цвет, а сома — тело.

Но по-прежнему было неясно: что «управляет» поведением хромосом. Ведь футболистами руководят судьи, тренеры. А цветными тельцами? Разве им тоже передаются сведения, что и как делать, чтобы создать новую клетку?

Может быть, очень долго бились бы над этой тайной люди. Только тут один немецкий исследователь помог. Он не забыл упомянуть в своем научном обзоре о результатах долготных опытов безвестного садовода. А в 1900 году сразу трое ученых случайно прочли

этот обзор и поняли, что открывают давным-давно открытую загадку. Это были голландец де-Фриз, исследователь из Австрии Чермак и немец Карл Корренс. Прошло еще пять лет и в бумагах, выброшенных для растопки, нашли рукопись «Опытов» Менделя.

В XIX веке его имя никто не упоминал, зато в XX, нашем столетии, биологи только и говорили о монахе из Брно.

И все же многие сомневались. Искать, не зная где, какой-то таинственный «зачаток», передающий разные признаки от родителей детям, а от них внукам. Нет, очевидно, это занятие бесполезное.

Впрочем, были и другие мнения...

МУХА, МУХА ЦОКОТУХА

Муха, муха Цокотуха,
Позолоченное брюхо,
Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Помните эти стихи?

Вот такой мухой заинтересовался ученый Томас Морган. Правда, муха Цокотуха не нашла ему денежку. Наоборот — получилось. У него не было денег, чтобы купить для своих опытов мышей или кроликов. Но он очень хотел разобраться в том, что происходит в клетках. Хотел узнать, где находится «наследственный зачаток», о существовании которого узнал Грегор Мендель. Вот и выбрал самое дешевое — плодую мушку — дрозофилу.

Совсем не примечательная мушка. Только очень быстро потомками обзаводилась. За один год у нее появлялось 20 поколений детей, внуков, правнуков, праправнуков! И еще 16 раз «пра». Это столько, сколько поколений людей жило на земле за всю ее культурную историю от Древнего Египта до наших дней. И почти все родственники мухи Цокотухи чем-то были похожи на своих предков.

Много опытов провел Томас Морган с этими мушками. И в конце концов убедился: «наследственный зачаток» должен скрываться в хромосомах.

Потом дрозофилой заинтересовались другие ученые.

Начал их изучать и советский ученый Николай Дубинин. Мухи у него проходили исследования, словно в больнице. Например, часто бывали на рентгене. Каждый раз ученый старательно определял, как повлиял рентген на детей, внуков и правнуков мух. Ведь рентгеновские лучи воздействовали на мушиные клетки, изменяли их строение. Николай Дубинин хорошо

знал результаты опытов Грегора Менделя и Томаса Моргана, изучавших таинственный «наследственный зачаток».

Не правда ли? Наследственный да еще таинственный. Слишком длинно. Поэтому его назвали коротко — ген. Но от этого он не перестал быть таинственным. Его никто не мог увидеть, даже в самый сильный микроскоп.

И все-таки Николай Дубинин упорно считал щетинки у мушек. Он верил, что таким образом разгадает тайну гена. Все замечал ученый. И наконец понял: не где придется, а по определенному плану вырастают у цокогух после рентгена щетинки. Тогда он предположил: каждая часть гена отвечает за определенную группу мушиных щетинок. Значит, ген не только существует, но и должен делиться

на части. Но попробуй раздели невидимое. Все равно что воздух ножницами резать.

Долго спорили генетики, а потом спор решили химики. Они доказали, что гены — химические вещества — нуклеиновые кислоты, что значит: ядерные. Ведь хромосомы находятся в клеточных ядрах.

Теперь биологам легче утверждать, что «наследственный зачаток» Менделя — не выдумка. Это особые химические вещества. В них — будто в сказочном сундуке — долго скрывались многие тайны жизни.

Но не в сказке, в действительности теперь появляются чудо-растения и невиданные животные. Такие, какие нужны человеку.

А началось это, казалось бы, с самого обычного: горошина + горошина и муха.

Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка

Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

«Два билета на электричку» — тоже первая книга рассказов Юзефа Алешковского.

Не знаю, как вы, а я не люблю засушенных важных ребят. Вот Рыжиков и Копенкин — уж никак не тихони, с ними не заскучаешь.

Знаете, что Вовка Рыжиков однажды сделал? Вывинтил лампочку над аквариумом, палец окунул — и в патрон. Ну и тряхануло его! Да нет, конечно, не просто так, — не дурак же он, в самом деле. С научной целью — для передачи мысли на расстояние. Хотел в себе энергию аккумулировать.

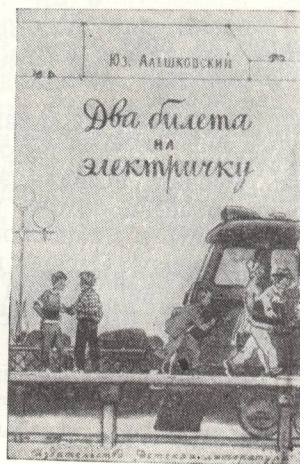
В другой раз Вова с Петей проникли на завод. А там отец Копенкина работал. И он из-за сына выговор получил. Петька сам этого добивался — из принципиальных соображений.

Да это еще что. Иногда Петя и Вовка такого натворят! И рады бы на попятный, а не знают, как и выпутаться из своей «плутовской системы». И со стороны-то призадуматься.

Но зато если человек в беду попал — Вовка и Петя тут как тут. Горой стоят. Для друга ничего не пожалеют, и не только для друга... Такие уж они люди. С секретом, с неожиданностями.

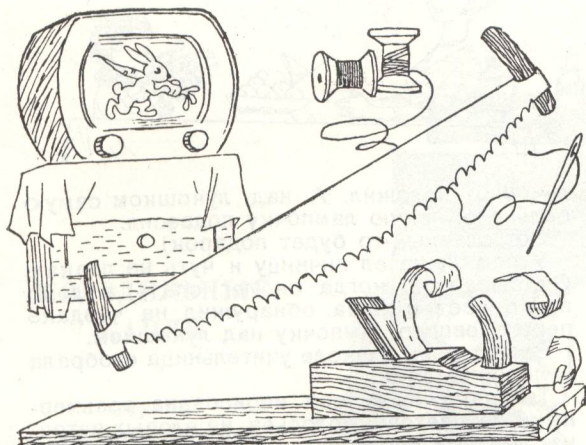
Мне почему-то кажется, что Юзеф Алешковский неспроста написал именно про этих закадычных дружков. Вот посмотрите на фотографию писателя. Посмотрели? Внимательно посмотрели? Ну, теперь держитесь. Ведь он, автор, тоже — ух, какой хитрец! Видели? Глаза отвел и усмехается. А сам незаметно, с журнальной страницы глянет разок на вас — и, как рентгеном, — насквозь. А потом бац — и напишет. Про Васю, про Таню, про Сашку... Про кого захочет.

Так что теперь будьте начеку. Как увидите в библиотеке книгу Алешковского или его новый рассказ в нашем журнале, так и читайте скорее. Может, там и про вас уже написано.

Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка

Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка неделя Книжка

ЗАГАДКИ

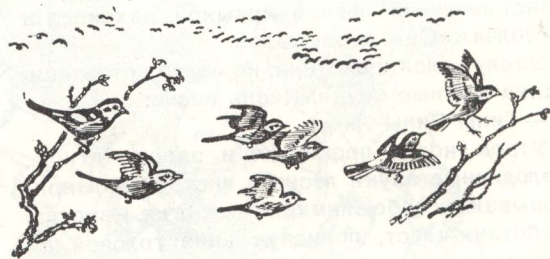
Василий Фетисов

Я по лысине бегу — Деревяшки
кудри ест едок,
с лысины а зубов
стригу. один рядок.

Ай да дом У вострушки
в одно окно — хвостик — в ушке!
каждый день
в окне кино!

8

Уголёк №3

МУЗЫКА ВЕСНЫ

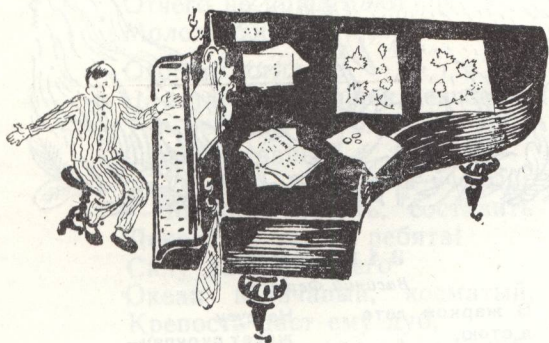
Николай Шорин

Вечером легкий морозец чуть прихватит тонкие льдинки. Вода в ручье умерит свой бег, присмирееет. А с небольшого ледника на забережную льдистую слюду будет стекать по капле подтаявшая зимняя влага.

— Тины! Тины! — поют льдинки от капель.

ЧТО ПОДЕЛАЕШЬ, ДРУЗЬЯ!

Встал я нынче
Поздновато,
Заждались меня ребята:
— Ты, — кричат, —
Сыграешь с нами?

Свищут,
Машут кепками...
Кто-то мяч погнал ногами
Смуглыми

4

И крепкими.
Что поделаешь — друзья!
Я сказал:
— Сейчас нельзя.
Я обязан на рояле
Час играть,
Чтоб не ругали,
Час, примерно,
На задачу
И на басню я затратчу,
На гербарии для класса
Тоже нужно с четверть часа...
Мне еще поручен творог,
Он не куплен до сих пор...
Словом,
Я минут за сорок
Закруглюсь
И — марш во двор.

Э. Островская

Рисунок

В. Бескаравайного

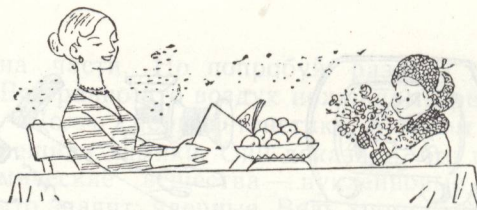
5

Слушателей у такого концерта немного. Будто замороженные, сидят над ручьем папочкой рябчики и слушают. С заходом солнца подлетел на высокий сук сосны мошник-глухарь, спел две своих изумительных песни, но, пристыженный лесной музыкой, захрипел и замолчал. Сам заслушался.

Заслушался и охотник: не часто встретишь такие нежные звуки. Песнь весне:

— Тины! Пины! Лины!

Утром, когда проснутся и запоют птицы, мелодичные звуки лесного инструмента привлекают к себе внимание немногих. Некогда! Работник-квест, повиснув вниз головой на сосновой шишке, какое-то мгновение прислушивался к тихой, невнятной музыке, забылся. Потом вспомнил об оставленном деле и с удвоенной энергией принялся раскупоривать очередную шишку своим серпообразным носом.

лукошко положил. А над лукошком самую большую, яркую лампочку подвесил.

Вот славный-то будет подарок!

Утром Леша ел яичницу и чуть не плакал. Оказывается, когда он лег спать, в доме погас свет и папа обнаружил на чердаке перегоревшую лампочку над лукошком.

В этот день в школе учительница отобрала у Леша тетрадку.

Тетрадка была вся изрисована восьмерками из цветов и колосьев, из еловых веток, из ледяных сосулек, из бенгальских огней. Веселые желтые цыплята клевали там сдобный крендель...

Тут как-то незаметно и 8 Марта подошло.

После занятий Леша расписывал занавес для спектакля, потом нарисовал всех лучших учениц в стенгазету, и все думал — какой же все-таки подарок сделать маме.

Домой пришел поздно. Из кухни вкусно пахнет жареной уткой. Мама сидит нарядно одетая, а на столе перед ней — тетрадь с Лешиними рисунками.

— Спасибо, — говорит мама, — а я-то думала, уж чем сегодня ты меня порадуешь?!

Б. Семенов
Рисунки автора

7

2

ЧЕМ ПОРАДОВАТЬ МАМУ

Давно уже Леша задумывался, чем бы порадовать маму в день 8 Марта.

Вот испечь бы крендель, изогнуть его красивой восьмеркой да еще красными ленточками перевить...

Но бабушка сказала, что никакого теста не даст и что мальчикам на кухне делать нечего.

Тогда Леша забрался к себе на чердак и с утра до вечера склеивал из сухих кленовых листьев огромную цифру 8, оранжевую, золотистую...

Наутро клей высох и восьмерка развалилась. Листья лежали на полу скрюченные, некрасивые.

Достал Леша из холодильника восемь яиц покрупнее, каждое яичко ватой укутал и в

ЗАГАДКИ

Василий Фетисов

В жарком лете
я стою,
шапкой
зиму достаю.

На лугу
живет скрипач —
носит фрак
и ходит вскачь.

Зверь,
как всю еду сожрет,
сразу с голоду помрет!

6

3

МОЛОДИЛЬНЫЕ КАПЛИ

Сергей
Погореловский

Рисунок
Е. Савкевич

Отчего не придумают
Молодильные капли,
Чтобы руки
У бабушки нашей не слабли,
Чтоб у дедушки
Сердце не ныло в печали,
Чтоб веселые сны
Ему снились ночами?!

Прошагал он полсвета
В походной шинели,
А теперь и на час
не подняться с постели...
Всё могли и умели
Нашей бабушки руки;
Ведь на них вырастали
И дети, и внуки, —
А теперь эти руки
Иссохли, ослабли...
Отчего не придумают
Молодильные капли?!

Озорно поглядев
На ватагу мальчишек, девчонок,
Так ребятам сказал
Самый Главный

и Мудрый ученый:

— Можно сделать, составить
Лекарство такое, ребята!
Силу даст для него
Океан величавый, косматый,
Крепость даст ему дуб,
Долгожитель могучий, высокий,
Солнце — ласку лучей,
А земля — свои вешние соки.

Будет светом, теплом
Все пронизано чудо-лекарство.
Но горчает оно
От неправды, от зла

и коварства.

Если где-нибудь сын
Свою маму обидит, обманет, —
Капель меньше на свете
Лекарства чудесного станет.
Если где-то война,
Если где-то людей убивают, —
Убывает оно,
Убывает оно, убывает...

— Сбережете его?

Так спросил

Самый Главный

и Мудрый ученый.

— Сбережем!

Отвечает

Ватага мальчишек, девчонок.

— Приготовьте скорее

Побольше такого лекарства!

Мы прогоним со света

Неправду, и зло, и коварство!

Чтоб родным старикам

Позабыть про печали,

Чтоб веселые сны

Им приснились ночами,

Чтоб сто лет

Ни сердца их, ни руки

Не слабли, —

Будут,

Будут на свете

Молодильные капли!

КОНТРШПИОН

В. Хейфец

Гравюры А. Овсянникова

В эту знаменитую тетрадь были внесены списки агентуры III отделения, добытые Клеточниковым. Только благодаря мужеству типографщиков тетрадь оказалась уничтоженной, Кириллов не сумел напасть на след подпольного контршпиона. Клеточников мог продолжать свою работу.

А тем временем пришли печальные сведения из Одессы: там у прокурора заговорил на следствии особо важный заключенный Григорий Гольденберг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕДАТЕЛЬ ПОНЕВОЛЕ

Вначале, по приказу генерала Тотлебена, Гольденберга надежно изолировали от внешнего мира. Подобрали таких надежных псов-надзирателей, что тюремная стена наглухо отгородила Григория от всех товарищей не только на воле, но даже и в тюрьме.

Впрочем, не от всех. У Гольденберга в камере поместили еще одного арестанта — Федора Курицына.

Это был приятный собеседник для истосковавшегося в елисаветградской одиночке узника. С Курицыным Гольденберга связывало много общего: всех друзей Гольденберга Курицын знал лично или понаслышке.

Очень скоро Гольденберг понял, что его сосед мало знает о целях и способах революционной борьбы. И тогда он решил использовать тюремный досуг для идейного воспитания товарища: предложил прочитать курс лекций по истории и теории русской революции. Курицын с восторгом согласился поучиться у такого прославленного ветерана, члена Исполнительного Комитета, как сам Гольденберг.

С этого дня жандармы аккуратно повели записи всех товарищеских бесед Гольденберга. Григорий доверял товарищу безусловно: ведь Курицын взят был по делу о покушении на предателя Гориновича, ему грозила смертная казнь. Но Григорий, конечно, не догадывался, что Курицын к покушению на Гориновича не имел никакого отношения, взят был полицией случайно, по подозрению, а в тюрьме сделался злым предателем и провокатером. Очень скоро из-за наивной доверчивости Григория прокурор Одессы смог сообщить в Петербург все подробности московского подкупа, выяснив участие Гольденберга в этом подкупе и многое другое, о

чем полиции вовсе не следовало бы знать. А главное — прокурор сообщил о существовании еще двух неизвестных подкопов на железной дороге, о которых правительство не подозревало.

Вначале Гольденберг остерегался, правда, называть фамилии товарищей. Но Курицын сумел провести всю игру удивительно ловко: он непрерывно подзадоривал соседа, притворно сомневался в его осведомленности и выуживал все новые и новые сведения, для полиции истине бесценные.

Вот, например, упомянул Гольденберг о «гениальном Желябове», и прокурор Одессы сразу написал в очередном отношении, что этого самого Желябова он лично шесть лет назад «оформлял». Фотографию его можно достать из архива и приступить к розыску. А вот «накололи» по указке Гольденберга и главную пружину Одессы — Златопольского. Был объявлен розыск. Кого еще упоминал Гольденберг? Ага, Арона Зунделевича, «царя границы», заведующего транспортным бюро организации. Так, так, так, Гольденберг по секрету рассказал Курицыну, что он с Ароном поделился замыслом убить царя, а тот посоветовал уступить очередь Соловьеву.

На выходе из Публичной библиотеки в Петербурге переодетые шпики схватили читателя. Заломили ему руки, один быстро сверил лицо с фотографией, зажатой в варежке. — Он!

Член Исполнительного Комитета, старейший земледелец и народолюбец, создатель «подземной дороги» через границу и первой в России действующей нелегальной типографии — Арон Зунделевич попал в руки полиции. За соучастие в покушении Соловьева ему грозила теперь смертная казнь.

Это был не последний арест. И предотвратить их, казалось, не было возможности. Взяли Алешу Преснякова (при аресте он застре-

лил жандарма). Взяли его верного друга Ванечку Окладского. За участие в ноябрьском покушении (об этом жандармы узнали через Курицына) — обоим тоже грозила виселица.

Волна арестов ширилась после каждой лекции Гольденберга. Его даже не вызывали больше на допросы — только успевали записывать показания Курицына. Наконец, во второй половине января, Кириллов попробовал через Гольденберга выяснить личность таинственного арестанта Черкасского, которого никак не могли опознать в III отделении. И Курицыну удалось с блеском выполнить этот столичный запрос. Когда Григорий ответил ему, что не знает никакого Черкасского, Курицын разочарованно заметил:

— А я думал, ты всех знаешь. Болезненно самолюбивого Гольденберга, как говорится, «заело»: — Меня взяли два месяца назад, откуда я могу знать, кто теперь и по какому фальшивому паспорту живет. Какой он из себя-то, твой Черкасский?

Курицын, которому прокурор показывал фотографию Черкасского, живо описал его внешность.

— Да это же Саша Квятковский, бывший председатель истребителей шпионов, а теперь член Распорядительной Комиссии «Народной воли», — догадался Гольденберг. — Один из тройки вождей партии. Пстойка, — спохватился он, — а ты откуда его знаешь?

— Видел когда-то. — Разве он и раньше носил фамилию Черкасский? — удивленно задумался Гольденберг, и неясное еще подозрение заставило его побледнеть.

Но в тот день Курицына вызвали на допрос, и больше в камеру он не вернулся. Пребывание в ней стало грозить агенту гибелью: Гришка, догадавшись о его роли, мог просто придушить шпиона. Курицына наградили полным помилованием и

Продолжение. См. «Костер» № 12, 1965 г., № 1—2, 1966 г.

пустили на все четыре стороны. А прокурор Одессы приготовился к новому этапу следствия.

Одно обстоятельство смущало Кириллова в эти счастливые январские дни, когда к нему потоком шла информация из Одессы. Будто специально для того, чтобы испортить настроение, несносный педант Коляш Клеточников притащил запечатанное отношение главного архитектора го-

рода. Старик наконец дал ответ на запрос III отделения о чертежах, обнаруженных у «Черкасского»-Квятковского.

Кириллов нацепил на нос так называемые «рабочие очки» в роговой оправе, разорвал конверт и заглянул в самый конец отношения. Там всегда излагалась суть дела: до подробностей шеф был не охотник, оставляя их изучать секретарю.

КОНЕЦ III ОТДЕЛЕНИЯ

Десятого февраля 1880 года, в четыре часа пополудни, на углу Невского и Адмиралтейской встретились два человека.

Первым пришел интеллигент. Он так глубоко нахлобучил на голову фетровую шляпу и отпустил такую пышную окладистую бороду веером, что даже близкие знакомые не сразу узнали бы под шляпой «Тараса» — Андрея Желябова, нового члена Распорядительной Комиссии, избранного туда взамен арестованного Александра Квятковского.

«Тарас» потянулся было в карман за часами, но как раз в это мгновение мимо него прошел странный мастеровой, спяну, видно, выскочивший на улицу по-летнему, без пальто. Мастеровой безразличным тоном, без всякого выражения бросил «Тарасу» на ходу:

— Готово.

И тотчас — грохнуло в Зимнем дворце! В дворцовых окнах сразу погас свет, и площадь потемнела, завыл, запел: вьюжную песню ветер, пронизывая насквозь царскую резиденцию. Из пролома наружу выбро-

сило взрывом оторванные ноги в гвардейских лосинах и три или четыре кивера лейб-гвардии финляндцев. На всю площадь вдруг пронзи-

Пробежав подчеркнутую строчку, он испуганно выронил бумагу из вспотевших рук и забормотал:

— Коляш! Слышишь, а? Готовь донесение министру двора. Необходимо обыскать Зимний. Срочно. Очень.

Чертежи, найденные у главаря подполья, оказались наброском парадной столовой императора всея Руси Александра Второго.

жандармов: Дрентельн в сопровождении лучших следователей торопился галопом во дворец.

До последнего мгновения генерал надеялся, что, может быть, это взорвались какие-нибудь трубы. Тщетно! Уже самый поверхностный осмотр подтвердил, что взрыв произведен динамитным зарядом. Центр взрыва предположительно находился в подвальчике, где жили дворцовые столяры. Динамит пробил потолок, разнес караульное помещение в первом этаже, проломил междуэтажное перекрытие и обрушил пол в царской столовой. В той самой столовой, план которой нашли агенты у народовольца Квятковского.

Было убито десять гвардейцев охраны, почти пятьдесят телохранителей получили тяжелые ранения. Но слухи насчет гибели царя и его семьи оказались ложными: Александр Второй уцелел.

Его спас случай. Обычно пунктуальный во всех дворцовых выходах и приемах («точность — вежливость королей!»), царь на этот раз заболтался с приезжим родственником, братом царицы — принцем гессенским, и опоздал к обеду. Говорили, что такое опоздание бывает не чаще, чем раз в десять лет; но в этот раз оно спасло всю «августейшую семью» от гибели.

По приказу шефа жандармов все выходы из дворца были немедленно перекрыты. Обитателей Зимнего проверили поименно. На месте оказались все, кроме царского столяра Степана Батышкова.

Может, его разорвало на клочки?

— Нет, Степан дома не был, — уверенно заявил следователю пожилой мастер-краснодеревщик. — В тот час мы как раз евоный день рождения в трактире обмывали. И жандарм наш тоже со Степаном пил. Куда он делся, Степан? А в аккурат за полчаса до взрыва упился и как был, без пальто, попер на улицу. Мы у него еще кошелек прибрали, чтоб с деньгами не улизнул — взялся угощать, так угощай, братец. Что, ваше благородие? Нет, особенного за им ничего не замечали. Смирный парнишка. Деревня-

тельно, нечеловечески заверещал отчаянный бабий голос:

— Ца-а-ря взорвали!

И будто это было сигналом — закричала вся толпа.

— Государя убило! — клич полетел над городом. Огромные черные массы начали стекаться со всех концов ко дворцу и следили за флаштоком, готовые снять шапки, как только флаг сползет вниз. Все уже откуда-то знали, что император «почил в бозе», а вместе с ним «почили» наследник, министры и охрана... Люди возбужденно переговаривались: «Что теперь будет? Как будем жить?»

— Пойдем отсюда, — тронул «Тарас» за локоть своего соседа-мастерового. — Все дома узнаем. Здесь нельзя — Халтурин известен слишком многим. Слышь, Степан, пойдем.

Когда они свернули на Невский, навстречу пронеслась хорошо знакомая петербуржцам карета шефа

матушка, совсем смурной такой. Все, бывало, чесал в затылке, как мы рассуждать начнем. Помню, про сицилистов говорили, так он насмешил всех, такой глупой. Ниче не понимал. Куды делся? А сиганул, ваше благородие, по пьяному делу. Со страху спрятался. Шутка сказать — такой взрыв во дворце.

Узнав об этом, шеф жандармов распорядился немедленно отпечатать две тысячи фотографий Батышкова и с одной из этих карточек явился к Александру. Но, едва взглянув на императора, опытный царедворец Дрентельн почувствовал: распоряжение о фотокарточках, пожалуй, оказалось последним его приказом по жандармскому ведомству. Терпение царя истощилось!

Худое, тонкое, умное лицо глянуло на Александра Второго с маленькой фотографии, переданной шефом жандармов.

— Помню его, — вздохнул царь. — Часто лакировал мебель в моем кабинете. Красивый, видный мужик,

гибкий, я думал, кавказец, — горько усмехнулся Александр. — Мог спокойно зарубить меня обыкновенным топориком в моем собственном кабинете. Так вы собираетесь найти этого Батышкова, генерал? Боюсь, что после семи покушений я не могу по-прежнему доверять моему III отделению. Ведь если верить мадам Ленорман, — нашел в себе силы пошутить он, — после очередной вашей ошибки мне — в любом случае! — не понадобятся ваши услуги. Попробуем придумать что-нибудь новенькое, а, генерал?

Низко согнувшись, Дрентельн задом удалился — в отставку.

Через несколько дней было официально объявлено, что III отделение собственной его императорского величества канцелярии упраздняется. Упразднялась и должность шефа жандармов. Вместе с ним были удалены со службы все высшие руководители тайной политической полиции и жандармерии.

Все «бразды правления» царь вру-

чил отныне Верховной Распорядительной Комиссии. Во главе ее встал «бархатный диктатор» — новый царский фаворит министр внутренних дел граф Лорис-Меликов. Ему доверили искоренить «Народную волю» любимым путем и дали для этого все полномочия.

Первым делом, вместо III отделения Лорис создал департамент Государственной полиции Министерства внутренних дел. В него — с прежними правами и функциями — целиком вошла и агентурная экспедиция господина Кириллова. На прежней должности помощника делопроизводителя остался там и Клеточников — так что с этой стороны ничего не изменилось.

Новую вывеску устанавливали с большим шумом. Газеты писали, что в органы сыска, наконец, пришли «новые люди», «строгие законники» и теперь все будет по-другому.

Но Клеточников знал, что это ложь.

В камерах смертников Трубецкого бастиона сидели революционеры, приговоренные к смертной казни.

Квятковский — один из вождей организации.

Пресняков — истребитель шпионов.

Ширяев — руководитель динамитной мастерской.

Окладский и Тихонов — рабочие, участники подкопа под царский поезд.

Пятеро ждали смерти.

ОДИН ИЗ ПЯТЕРЫХ

Утром его должны были повесить рядом с четырьмя товарищами на соседней куртине.

А пока тянулась последняя в жизни ночь.

За плечами у смертника — двадцать шесть лет. Из них десять он отдал революции.

Первыми его воспитателями оказались крупные революционеры — брат и сестра Ивановские. С обыкновенной теплотой отнеслись они к юноше. И потом, через несколько лет, он у них жил, лечился, отдыхал; тогда он уже был террористом.

Было в его жизни такое: в динамитной мастерской жандармы захватили четырех человек. Одного повесили, двое пошли в бессрочную каторгу. И только он один сумел спастись: вызвался во время обыска взломать сундук с пироксилином и выпрыгнул из окна на глазах целой толпы.

Этот удачный побег помог ему выдвинуться: его привлекли к покушению под Александровском. Он водил товарища «Тараса», Андрея Желябова — подслеповатого от куриной слепоты — водил его за руку к на-

сыпи, где «Тарас» на ощупь рыл подкоп и подводил провода взрывателя. Втроем они лежали в овраге, прислушиваясь к шагам обходчика: он, «Тарас» и Тихонов.

Холодные, совсем темные ночи стояли тогда под Александровском. Снег перемешался с дождем. Поток ледяной воды грозили обнажить провода. Втроем они мерзли, тряслись, блуждали в темноте, не находили от усталости дороги. Главный техник партии Кибальчич приехал ревизовать их работу. Он не нашел ни одной ошибки. Как они тогда гордились этим!

«Тарас» говорил: «Мы здесь, в этой группе, все из рабочих или крестьян. Царь должен погибнуть от руки трудового народа».

А потом — неудача. Несколько дней они лежали больные от нервного переутомления. И снова, той же группой, стали готовить новое покушение.

И вдруг — арест. Взяли их двоих. «Тарас» уцелел.

На суде они держались с честью. Он в последнем слове заявил, что сочтет любое помилование оскорблением для себя... Но помилования

не было. И вот теперь пятеро смертников ожидают утра.

Он один в камере. Жизнь кончена.

Ему стало страшно.

Впервые за десять лет он подумал, что, в сущности, не знает, за что боролся. Никогда не учился — не хватало времени, да и желания особого не было. Редко читал — не любил этого. За него учились, думали, читали другие, и он доверял их уму и знаниям. Он шел за ними, как солдат идет за командирами, а вот за что придется умереть — об этом он не очень задумывался. Только теперь довелось — у самого края могилы. И все оказалось неясным, туманным и, по правде говоря, не важным. Для него лично — не слишком важным.

...Идут по коридору. Священник? Обострившиеся в тюрьме внимание и слух напряглись. Нет, топает по военному. Помилование? Или — пора. Сейчас? Ночью?

Ему хотелось закричать.

Дверь камеры отворилась. Вошел дородный светлорусый мужчина в генеральском мундире и уже с порога ободряюще улыбнулся заклю-

ченному. Тот удивился: начальник петербургской жандармерии у него в гостях?

Жестом генерал предложил арестанту сесть.

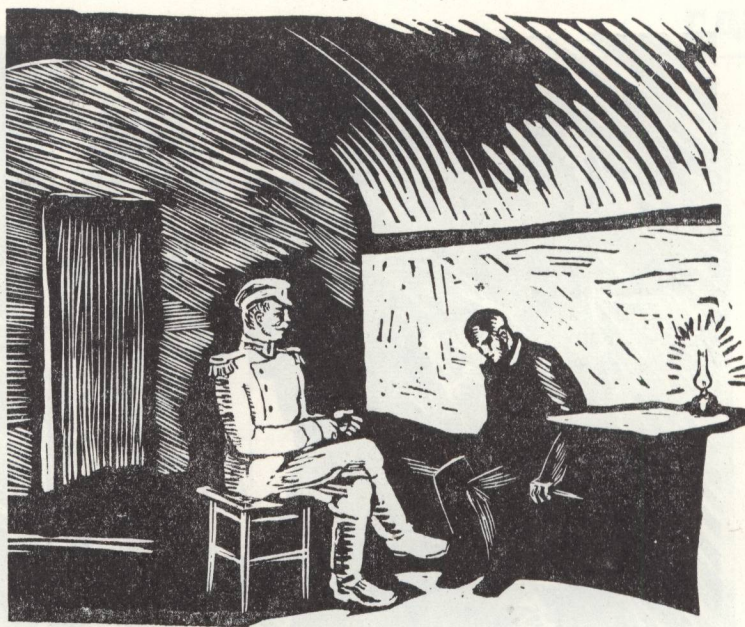
— Велика милость его величества, — журчит жандармский голос, — безгранична, как милость божия. Раскаянием истинным все пятеро смертников могут добиться спасения своей жизни. А вы, молодой человек, особенно, да-да, особенно. Ну зачем вам умирать, полному жизни? И, главное, без пользы для дела, не так ли?

Он и сам не ожидал такого быстрого эффекта.

— Помилование всем не может быть. Вы говорите неправду, — рубит слова смертник. — Император никогда, никогда не простит Квятковского: тот четыре раза на него покушался. Ширяев — три раза. А я всего один. Это несправедливо. Меня можно помиловать. Можно.

— А вы очень смывленный человек, — удивляется генерал. — Вас не проведешь! Действительно, их помиловать невозможно. Но вы, конечно, не столь виновны, нет, вас помиловать можно, если, конечно, вы сами пойдете правосудию навстречу.

А в это самое время, в эти самые ночные часы телеграфист отстукивает правительственную телеграмму в Крым. В голове Лориса-Меликова сложился хитроумный план. Ведь народовольцы клялись уничтожить царя за гибель товарищей — так пусть царь помилует смертников. Живыми из равелина все равно они не выйдут, оттуда никто живым не выходил! Но зато какой будет эффект! Пусть-ка потом террористы попробуют обвинять

царя как главного палача, требовать его казни!

На утро колеблющийся, нерешительный, измученный бессонницей и семейными заботами царь наложил такую резолюцию: «Помиловать всех, исключая Преснякова и Квятковского».

А в Трубецком бастионе продолжался постыдный торг. Узник и не подозревал, что он уже спасен от казни, спасен не царской милостью, а царским страхом перед его грозными товарищами. И он готов был выдать их, своих истинных спасителей, чтобы купить уже дарованное ему помилование.

Он боялся мести. Его успокоили —

есть отличный способ все скрыть. Он будет перестукиваться с товарищами, прикрываясь чужой фамилией. Узнает все, а тень предательства пусть падет на другого. Тогда пропали его последние сомнения. И когда генерал принес, наконец, из министерства весть о помиловании, радостный узник, забыв ночные туфли, в одних носках, выскочил в коридор из камеры смертников. Скорее его ведите! Он хочет начать говорить! Он хочет оправдать царскую милость и генеральское доверие!

Потягивая кофе с ликером, внимательный прокурор фон-Плеве слушал нового предателя.

ПРОВАЛ

Андрей Желябов шел на свидание к Николаю Клеточникову.

Странные вещи творились в последнее время в русском подполье. Странные обыски и аресты, странные провалы. Не будь этого, никогда бы осторожный и опытный «Тарас» не рискнул бы назначить эту встречу на улице, около городской Думы.

Внешне дела партии шли блестяще. Время передышки, когда Верховная Комиссия и граф Лорис-Меликов дурачили общество обещаниями свобод и конституций, было отлично использовано «Народной волей» для организации сил. Окреп, расширился, активно действовал Центральный студенческий кружок. В необыкновенных масштабах выросла деятельность среди рабочих: народовольцы даже поставили свою особую «Рабочую газету». Огромным

успехом явилось создание военной организации «Народной воли». Двести лучших офицеров армии и флота примкнули к отрядам революции. А ведь это было только начало — с момента создания «Народной воли» прошло всего полтора года! Но вот недавно, четвертого ноября 1880 года, палачи повесили в крепости Преснякова и Квятковского. Передышка кончилась: снова надо было приступать к террору.

На этот раз было решено довести до конца «охоту на медведя», на Александра Второго, утвердившего приговор обоим товарищам.

Все делалось надежно. На углу Малой Садовой и Невского, из «Сырной лавки Кобозевых» рыли подкоп и закладывали мину. В нужный момент ее поручили взорвать «Михайле»-Фроленко. Если царь проедет стороной, в него собирались метнуть

пять бомб системы Кибальчича. Если он ускользнет и от бомб, «Тарас»-Желябов сам решил встать на его пути с кинжалом в руках. После казни царя предполагалось немедленно послать все силы в народ, организовать отряды повстанцев — рабочих и крестьян, и с помощью революционных полков армии и флотских экипажей захватить власть в свои руки.

Планы были обширными. Но над этими планами нависла странная тень. Было очень похоже, что это — роковая тень предательства.

Уже в ноябре арестовали «Дворника» — Александра Михайлова.

Вслед за Михайловым стали исчезать лучшие люди партии. Первым взяли на улице Фриденсона, а в его квартире напоролась на засаду сначала Златопольский, потом Бدرانников.

Фриденсон, Златопольский, Баранников... Испытанные подпольщики, лучшие активисты партии. И, конечно, ее вождь — Александр Михайлов: все они в лапах полиции. Что-то многовато потерь для простой случайности.

Кажется, на этом беды не кончились.

Вчера Желябов шел на явку к «Коту-Мурлыке», члену военно-революционного центра. Надо было предупредить «Мурлыку»-Колодкевича об аресте Баранникова. Но на переплете окна явки «Тарас» не увидел большой коробки спичек — условленного знака безопасности. Неужели провалился и «Мурлыка»?

Это было необычайно опасно. На квартире у Колодкевича «Порфирий»-Баранников встречался с Николаем Клеточниковым. И знак мог сняться с окна только Клеточников. Только он. Значит...

Желябов живо представил себе, как, подслеповато шурясь, входит чиновник в квартиру, как со всех сторон его окружают знакомые «сослуживцы». Кто пока больше удивлен, — задержанный или засада — неизвестно. Но кирилловские волко-

давы хуже соображают, и секретарь шефа с независимым видом вынимает сигару, снимает с окна коробку спичек и закуривает. Через минуту на него набрасываются, обыскивают, связывают — но знак безопасности уже уничтожен. Он, Андрей Желябов, не войдет в эту квартиру. Цепь арестов остановлена.

* * *

В то самое время, когда Желябов, так и не дождавшись Клеточникова, скрылся в магазинчиках Гостиного двора, тот уже предстал перед прокурором фон-Плеве. Сбоку от прокурорского стола, в мягком кресле, лежал в полубморочном состоянии Кириллов. Воротник его мундира был расстегнут, старик отхлебывал воду из графина: он явно пытался вызвать жалость у прокурора. В темном углу сидел еще кто-то.

— Так вы утверждаете, Клеточников, — уставив свои холодные немигающие глаза, спросил прокурор, — что ваш визит к Колодкевичу есть следствие случайного знакомства. Так-с?

— Вы знаете этого господина? —

поворачивается Плеве в угол.

— Так точно, ваше превосходительство, — четко рапортуют отсюда. — Этого господина я встречал один раз в гостинице у поручика Поливанова, как назывался тогда Михайлов-«Дворник».

— Ну, вот и все, Клеточников, — удовлетворенно бросает прокурор. — В бастион!

Когда дверь за арестантом захлопнулась, Плеве с удовлетворением сообщил господину Кириллову, что заявление об отставке тот может подать в любое удобное для него время. На этот раз начальник агентства задержался в своем кресле уже по-настоящему.

Это было 28 января 1881 года. До казни императора Александра Второго оставалось всего тридцать два дня.

До казни его убийц — Желябова, Перовской, Кибальчича, Тимофея Михайлова — шестьдесят пять дней.

До суда над Клеточниковым и его товарищами — больше года.

Он провел этот год в одиночном заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. И наконец настал суд.

(Окончание следует)

Предсказанное извержение

Пять лет назад, в конце марта, произошло извержение вулкана Безымянный на Камчатке. Оно было кратковременным, но довольно сильным. Интересно, что это извержение удалось предсказать по нарастанию числа сейсмических толчков в ближайших окрестностях вулкана. По расчетам сейсмологов извержение должно было начаться в конце марта. Оно началось в ночь с 26-го на 27-е и закончилось к вечеру 27-го марта. Наблюдатель следил за ходом извержения с расстояния четырнадцати километров от Безымянного.

Извержение началось взрывом и к утру 27-го марта над вулканом поднялся столб раскаленных газов и пепла высотой около 7 км. Тучи пепла плотно закрыли небо. Над широкой заснеженной долиной гремел гром и сверкали молнии. В пятидесяти километрах от вулкана в поселке Ключи днем наступили сумерки, и снег потемнел от выпадающего пепла. Около трех часов дня начало светлеть, небо прояснилось, и вечером засверкали звезды. Извержение быстро шло на убыль. Днем 28-го марта вулкан уже успокоился: над ним клубилось небольшое белое облако. Расчеты показали, что во время этого извержения, на площади, не превышающей 7000 квадратных километров, выпал один миллион семьсот пятьдесят тысяч тонн вулканического пепла. А ведь это извержение не было особенно сильным и продолжительным.

Извержение 1961 года не причинило бедствий населению Камчатской области. Окрестности этого вулкана пустыньны, а обильный пеплопад лишь ускорил таяние снегов и удобрил почву.

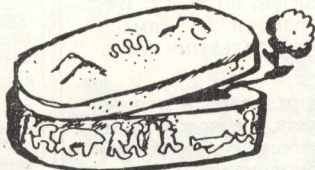
Только цифра

В XVIII веке известный шведский ученый Карл Линней классифицировал все известные виды насекомых. В то время были известны науке 17 видов муравьев.

Наши познания о природе необыкновенно расширились с тех пор: в настоящее время ученые насчитывают 15 тысяч видов муравьев.

Хлопковому волокну — 2000 лет

Во время раскопок в Ферганской долине нашли номон обуглившегося хлопкового волокна с семенами. Ученые определили возраст находки: ей около двух тысяч лет. До сих пор наиболее древним считался пучок хлопчатобумажной ткани из погребения III—IV века нашей эры, найденного тоже на территории Узбекистана.

Фотографируя плоды рябины с большим увеличением, фотограф невольник стал садовником. Он «выдумал» невиданный до селе сорт яблок. Похожи эти плоды на яблоки? А каким образом можно догадаться, что снимали все-таки рябину?

Автоматика на корабле

Профессия вахтенного механика скоро устареет окончательно. Первые пять автоматических механиков были установлены осенью минувшего года на теплоходах морского торгового флота.

Теперь штурман прямо с ходового мостика диктует: «полный вперед», переводит рукоятку реверса, запускает двигатель.

Автоматы значительно облегчили проход узких фарватеров, швартовку судна, а главное, освободили человеческие руки для другой важной работы.

Одна из четырнадцати „Надежд“

Это небольшое суденышко «Надежда-1» — новейшее рыболовецкое судно из флотилии большого промыслового судна «Восток».

«Надежда» как траулер способна ловить рыбу тралом и как сейнер — кошельковым неводом. Снабжены «Надежды» и электросветоловушкой и поисковой станцией.

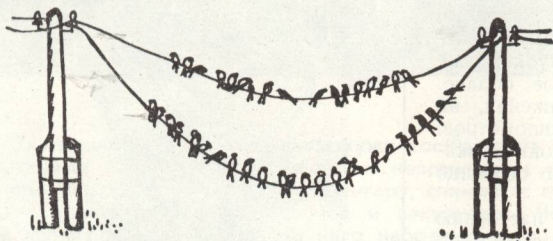
Небольшие 65-тонные «Надежды» будут брать быстрходную рыбу — скумбрию, сардину, смогут добывать и глубоководного морского окуня и морского карася.

Их корпуса, рубки, двери, даже фундаменты машин сделаны из стеклопластика, что избавляет от коррозии и облегчает вес. А это очень важно, ведь все четырнадцать «Надежд» доставляются к месту лова на борту «Востока».

«Надежда-1» — первое судно-ловец из четырнадцати «Надежд» флотилии Востока. Оно уже вышло на пробный лов, во время которого конструкторы будут тщательно изучать свое судно, чтобы улучшить остальные тринадцать.

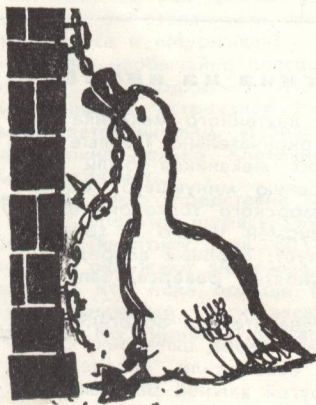
Суслики и технический прогресс

...Немало сил понадобилось крупному лесу из Миннесоты, чтобы повалить столб, глубоко врытый в землю. Там же другим лесом было сорвано полтора километра провода. Местные власти распорядились укрепить столбы и перевесить повыше провода.

В Северной Дакоте голодный гусь увидел огромного червяка, застывшего на стене дома. Изрядно повозившись, гусь все же сумел отодрать часть оказавшегося несъедобным «червяка». Еще хорошо, что телефонная проводка была здесь не новой, и ее все равно собирались менять...

На телефонной линии в Айове ежедневно происходили короткие замыкания. Виновницами аварий оказались ласточки. Под тяжестью многих сотен птиц верхний провод линии провисал настолько, что приходил в соприкосновение с нижним. Пришлось потуже натянуть провода на линии длиной в несколько километров.

У степного суслика железные зубы и волчий аппетит. Свинцовые оболочки подземного кабеля связи пришлись ему особенно по вкусу. Вероятно, поэтому работы по замене свинцовых оболочек стальными были ускорены.

Иногда, как видим, звери и птицы, помимо своей воли, способствуют техническому прогрессу. Но это ничуть не окупает тех хлопот, которых полно у американской телефонной компании, и без того вечно обеспокоенной делами на бирже.

Радиофон

Радиофон — изобретение московского инженера Леонида Куприяновича. Аппарат может стать незаменимым спутником каждого путешественника, будет ли он плыть на корабле, мчаться на собаках по тундре или лететь на самолете.

Вы набираете необходимый вам номер телефона какого-нибудь города, и радиофон передает его в виде радиосигналов в эфир. Улавливает сигналы автоматическая телефонная радиостанция (АТР) и передает их обычной АТС. А эта соединяет вас с любимым абонентом.

Если придется говорить с владельцем другого радиофона, то АТС не понадобится.

Этому советскому изобретению специалисты всего мира предсказывают широкое будущее.

Ураган

Приходишь на помощь

Глава 3

ОТБРО-ШЕННЫЕ ВЗРЫВ-НОЙ ВОЛНОЙ, НАШИ ДРУЗЬЯ ЧУДОМ УЦЕЛЕ-ЛИ...

- НА ПО = МОЩЬ!
КРИК РАЗДАЛСЯ СОВСЕМ РЯДОМ.
- ДЕРЖИСЬ, МАША! ДЕРЖИСЬ, ИДУ!

БЕВА ПОДОСПЕЛ ВОВРЕМЯ.

НО СПАСЛИСЬ НЕ ТОЛЬКО РЕБЯТА.
- ЧЕРТ ВОЗЬМИ! ТАМ, НА ДОСКЕ... ТАК ЭТО ТЕ ДВОЕ ЩЕНЯТ!..

КАКО-НЕИ ШТОРМ СТАЛ УТИХАТЬ СКВОЗЬ ПЕЛЕНУ СВЯЩО-ВЫХ ТУЧ УГАДЫВАЛСЯ РАССВЕТ.

- ЧТО Ж, АЛИ, МИНОВАЛО.
- ДА, ХОЗЯИН. ИНТЕРЕСНО, КУДА НАС ЗАНЕЛО?

- ХОЗЯИН, СМОТРИТЕ: ЛЮДИ!
- РАЗРАЗИ МЕНЯ АЛЛАХ. ТЫ ПРАВ!

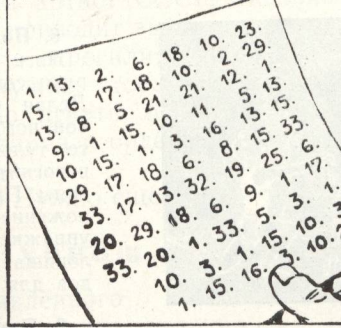

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ В КАБИНЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА «HYDRO-ELECTRIC J.S.C.» СОБРАЛИСЬ ДИРЕКТОРА И НАЧАЛЬНИКИ ОТДЕЛОВ.

- Господа, строительство ГЭС является не только финансовым вопросом. Мы должны утвердить свое влияние в этой молодой стране... Некоторые решительные меры нами уже приняты...

В ДВЕРЬ ТИХО ПОСТУЧАЛИ. ВОШЕЛ СЕКРЕТАРЬ:
- Радиограмма, сэр. Только что получена через полковника Мак-Линдса.

ЛАРУС-НИК ПОДОБРАЛ ПОТЕРПЕВШИХ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

- ИТАК, ХОЗЯИН, ДОГОВОРИЛИСЬ: ВЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТЕ, НИКОГО НЕ ВИДЕЛИ. ОТВОЗИТЕ НАС В ЗОНГУЛДАК. ТАМ ПОЛУЧАЕТЕ ЧЕК НА 500 ДОЛЛАРОВ. А ПОКА-ГДЕ ВАША РАЦИЯ?

В СКОРЕ НА СТОЛЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ЛЕЖАЛА ВТОРАЯ РАДИОГРАММА. ОНА ЗАКАНЧИВАЛАСЬ ТАК:

Ж Д А Ш Р А О Р Е Н
У В И Х С П Я Ж И Д
Ч Е З А Н Т О Н Л Д
Р Е Г Е А З Г У М О Е К
В К А П Б У М О Е Н I
У Д Р И Д Е Р И Т I
Р О Ч Н 5 , Ф О О Р
В О 0 1 0 0 Н Х С Т

А В ЭТО ВРЕМЯ НЕБОЛЬШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОВИРАЛАСЬ СКВОЗЬ ДЕВРИ ТРОПИЧЕСКОГО ЛЕСА.

- ИТАК, КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ, РАБОТУ МОЖНО СЧИТАТЬ ЗАКОНЧЕННОЙ.
- ДА, КОЛЯ, И Я УБЕЖДЕН, ЧТО НАШ ПРОЕКТ ОКАЖЕТСЯ ЛУЧШИМ.

АВТОМАТНЫЕ ОЧЕРЕДИ ПЕРЕКРЫЛИ ГОМОН ПТИЦ, ПЕНИЕ ЦИКАД...

ЗАРЯДКА — СЛОЖНЕЕ, РАЗУЧИМ ДРУЖНЕЕ!

В прошлом году в мартовском номере «Костра» был напечатан комплекс упражнений утренней гимнастики. Большинство ребят, записавшихся в нашу школу, добросовестно выполняло эти упражнения. Теперь мы предлагаем юным спринтерам новый, более сложный комплекс.

1. Потягивание.

Поставьте ноги вместе, руки скрестите перед собой. Отставив левую ногу влево, разведите руки в стороны-вверх. Прогнитесь. Делая вдох, поднитесь на носки. Затем, делая выдох, вернитесь в исходное положение. То же сделайте, отставляя правую ногу. Не спеша выполните упражнение 10 раз.

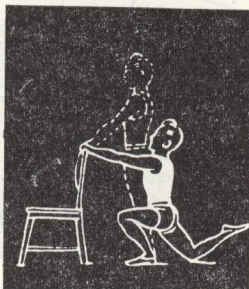
2. Наклоны вперед.

Станьте лицом к стене на расстоянии шага. Ноги поставьте на ширине плеч, руки отведите назад. Наклоняясь вперед, слегка коснитесь пальцами вытянутых рук стены и делайте вдох. Ноги держите прямыми. Сделайте 10 наклонов.

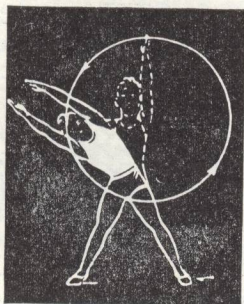
3. Приседание.

Держась за спинку стула, присядьте на одной ноге, отведите другую назад и, согнув ее, коснитесь коленом пола. На каждой ноге присядьте по 6 раз.

4. Наклоны в сторону.

Расставьте ноги пошире, руки разведите в стороны, повернув ладонями вверх.левой рукой сделайте круг перед собой, затем поднимите вверх правую руку и произведите пружинящий наклон туловища вправо. Старайтесь не наклоняться вперед и не сгибать ног. По 7 наклонов в каждую сторону.

5. Сгибание рук в упоре лежа.

Лежа упритесь руками в пол. Сгибая руки в локтях, коснитесь грудью коврика. Выпрямив одну из ног, поднимите вверх и оттяните носок. Прогнитесь в пояснице. Мальчики выполняют 10 раз, девочки — 5 раз.

6. Прогибание.

Поставьте ноги на ширине плеч, руки протяните вперед. Слегка сгибая колени и наклоняясь назад, прогнитесь. Опустив руку, коснитесь пятки. Стремитесь, чтобы тело было натянуто наподобие лука. 7 касаний в среднем темпе.

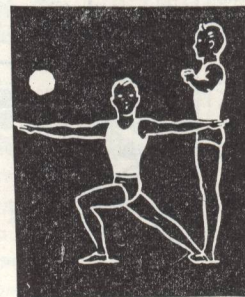
7. Сгибание ног лежа.

Лежа на спине, поочередно медленно поднимайте ноги до прямого угла. Мальчикам надо делать это упражнение с выпрямленными ногами. Девочки могут сгибать ноги в коленях. Дышать равномерно. Прodelать 10 раз.

8. Повороты туловища.

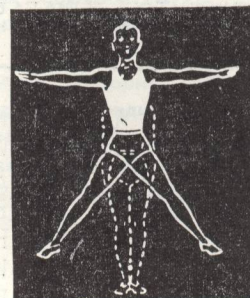
Ноги поставьте вместе, руки согните перед грудью. Делая большой выпад левой ногой вперед, поверните туловище налево, руки разогните и разведите в стороны. Прыжком смените положение ног и повторите упражнение с поворотом туловища вправо. По 6 выпадов для каждой ноги.

9. Прыжки.

Ноги поставьте вместе, руки опустите. Делайте три низких, мягких прыжка, а во время четвертого, высокого, в воздухе быстро разведите и соедините ноги, раскидывая при этом руки в стороны. Прыгайте на носках, старайтесь не сгибать ног в коленях. Темп быстрый. Дышите равномерно. Мальчикам 50 прыжков, девочкам — 30.

После этого упражнения — спокойная ходьба.

Лукошко спринтера

Барьеры... на пути в космос

В списке 25 лучших спринтеров-барьеристов США за 1953 год можно встретить Эдуарда Уайта. Это не кто иной, как один из американских «космических близнецов». В 1965 году Уайт повторил подвиг Алексея Леонова, выйдя из кабины космолана в межпланетное пространство.

Дедушка-олимпиец

Самый старый из живущих ныне олимпийских чемпионов — американец Джон Пьюксбери. Ему 90 лет. На Парижской олимпиаде 1900 года он выиграл бег на 200 метров. И по сей день престарелый олимпиец участвует в состязаниях, правда, теперь лишь со своими

правнуками. Последнюю свою победу на беговой дорожке он одержал над семилетней Нэнси.

Спринтер с марафонским именем

О известном американском спринтере Дейве Джеймсе журналисты говорят, что его настоящее имя гораздо длиннее дистанции, на которой он побеждает. Действительно, полное имя Дейва, индейца по происхождению, — Салавата-Нейвакакомондитель.

Абсолютный чемпион

Каких бы высоких результатов ни добивались чемпионы мира по легкой атлетике, им все же далеко до... обычного австралийского кенгуру. Кенгуру может без особого труда прыгать в высоту на 2 м 75 см, в длину — на 12 метров и развивает во время бега скорость, недоступную человеку, — до 70 километров в час!

ШУТИТЬ, ТАК УЖ ДО КОНЦА

Наш мудрый поэт Тютчев славился своим остроумием. Это замечательное свойство характера не изменило ему и в старости, и в болезни — до последних дней.

Незадолго перед смертью Тютчева император Александр II изъявил желание навестить больного поэта. Когда о намерении царя сказали Тютчеву, он заметил, что такой визит приведет его в большое смущение, так как будет крайне неприличным, если он умрет на другой же день после царского посещения.

СВЕРХЧЕСТОЛЮБИЕ

Народный артист СССР Василий Иванович Качалов в своих воспоминаниях приводит забавную беседу с одним крайне честолюбивым актером. Того спросили:

- Что нужно, чтобы чувствовать себя счастливым?
- Нужно играть хорошие и интересные роли, — ответил он, — иметь все звания и ордена...
- И все?
- Нет... Нужно еще, чтобы твой лучший друг всего этого не имел.

ХОРОШ ГУСЬ!

На одно из представлений прославленного русского клоуна Анатолия Владимировича Дурова пожаловать изволил сам его сиятельство генерал-губернатор города Москвы Долгоруков.

Когда начальство вошло в ложу, Анатолий Владимирович не растерялся. Он похлопал по спине своего любимого дрессированного гуся и громким клоунским голосом закричал:

— Ты посмотри, кто к нам приехал!

К удивлению притихшей публики гусь тотчас подбежал вразвалку к генерал-губернаторской ложе и стал низко кланяться.

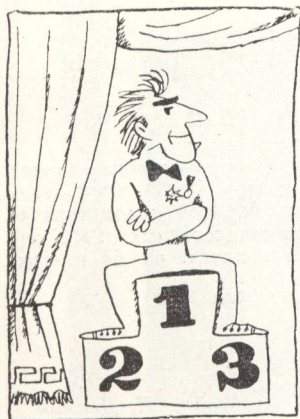
Польщенный Долгоруков подозвал к себе клоуна.

— Однако, братец, откуда ж это он меня знает?

— Как же, ваше сиятельство, — по-прежнему громко ответил Дуров, — вас в Москве каждая скотина знает!

В зале захохотали, директор цирка дрожал от страха, Долгоруков в гневе пыхтел и тарачил глаза, и только гусь продолжал кланяться, выклеывая лакомые зернышки, спрятанные Дуровым под барьером генерал-губернаторской ложи.

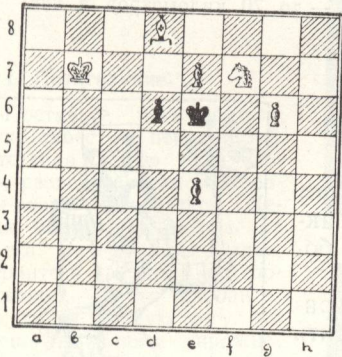
Улюлок
всего архаичней

ОБРЫВОК СТАРИННОЙ РУКОПИСИ

«...Старуха велела тотчас же разыграть с ней партию в шахматы. А вокруг стоит стража грозная, на плечах топорики вострые... Веселая старичка ждет партия!..

Над ходами усердно думали: над которым — час, над иным — все три, и почти что через полмесяца вот к такому пришли положению:

Старика-то фигуры белые, у старухи лишь король да пешечка. Си-

дит старуха нахмуренная, а старик свою думу думает и на стражу искося поглядывает. Встрепенулся вдруг, ферзя требует (e7—e8—ф). Молвит: — Мат тебе, царица немудрая!

Вот неделя-другая проходит, царедворцев старуха посылает. Отыскали старика, привели его. Смотрит он — старуха нахмурилась и склонилась над той же позицией.

— Дурачина, — говорит, — простофиля ты, в один ход твой мат не велю признать. Когда мат здесь в два хода сделаешь, лишь тогда признаю твой выигрыш.

Сел к доске старик, думу думает и на стражу искося поглядывает. Встрепенулся вдруг, ладью требует. (e7—e8—Л). Молвит:

— Шах тебе, царица немудрая.

Всего час тут старуха продумала и пошла затем королем своим (Кр e6—d7). А старик-то второй ход делает (Ле 8—e7), объявляет мат, еще спрашивает:

— Ну, довольна теперь твоя душенька?

Вот неделя-другая проходит, царедворцев старуха посылает. Отыскали старика, привели его. Пуше прежнего старуха насупилась и сидит, склоняясь над позицией.

— Дурачина прямой, простофиля ты! Твой в два хода мат не велю признать. Когда мат здесь в три хода сделаешь, лишь тогда признаю твой выигрыш.

Старичок перечить не осме...»

И здесь старинная бумага оборвана! Представляете, какая досада? Есть еще маленький обрывок, где можно разобрать:

«Когда сделаешь в четыре хода мат,

Лишь тогда скажу, что ты

выиграл».

Выходит, мат в три хода старик все же объявил! Но как он играл? И потом, неясно насчет мата в четыре хода: возможен ли тут такой? Страшно хочется узнать! Кто бы помог в этом разобраться?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В „КОСТРЕ“ № 2

Первый ответ.

$$37 \times 3 = III; 37 \times 6 = (37 \times 3) \times 2 = III \times 2; 37 \times 9 = III \times 3 \text{ и так далее.}$$

Единицы слагаемых дают в сумме 45, десятки — столько же десятков, сотни — столько же сотен. Общая сумма будет $4500 + 450 + 45 = 4995$.

Второй ответ.

Посмотри внимательно на большой квадрат, нарисованный над условием второй задачи. В нем утолщенной линией показано, какие могут быть квад-

раты, кроме одноклеточных. В семи столбцах может быть семь 4-клеточных квадратов (7×7), 6×6 девятиклеточных, 5×5 шестнадцатиклеточных, 4×4 двадцатипятиклеточных, 3×3 тридцатиклеточных, 2×2 сорокадевятиклеточных. Один квадрат из 64 клеток. Значит, всего:

$$1 + 4 + 9 + 16 + 25 + 36 + 49 + 64 = 204$$

или

$$1^2 + 2^2 + 3^2 + 4^2 + 5^2 + 6^2 + 7^2 + 8^2 = 204.$$

И. Делман

На обложке «Волго-Балт» — гравюра В. Ветрогонского.

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технические редакторы
А. А. Двораковская и В. И. Мецатунова

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-08079.
Тираж 300 000 экз.

Подписано к печати 17/II 1966 г.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 24.

Печ. л. 8+1.

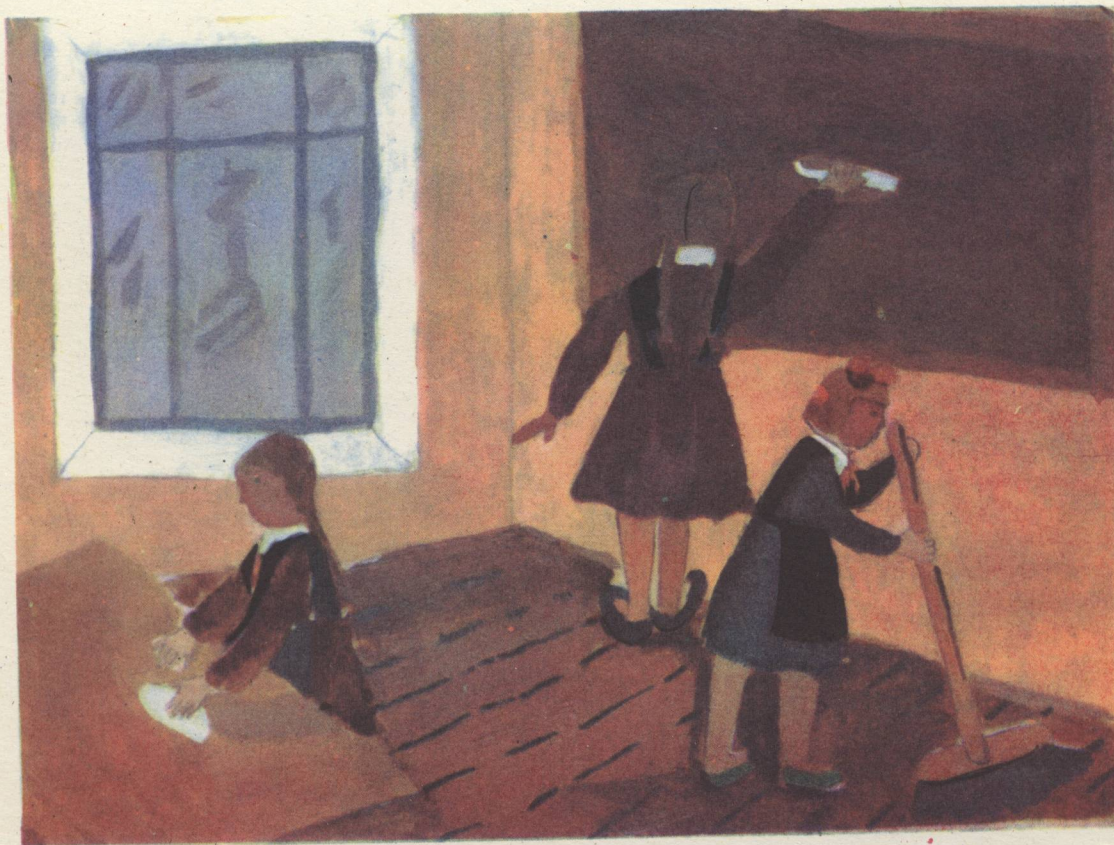
6,57 усл., 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вкладыши отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

РАЗМИНКА

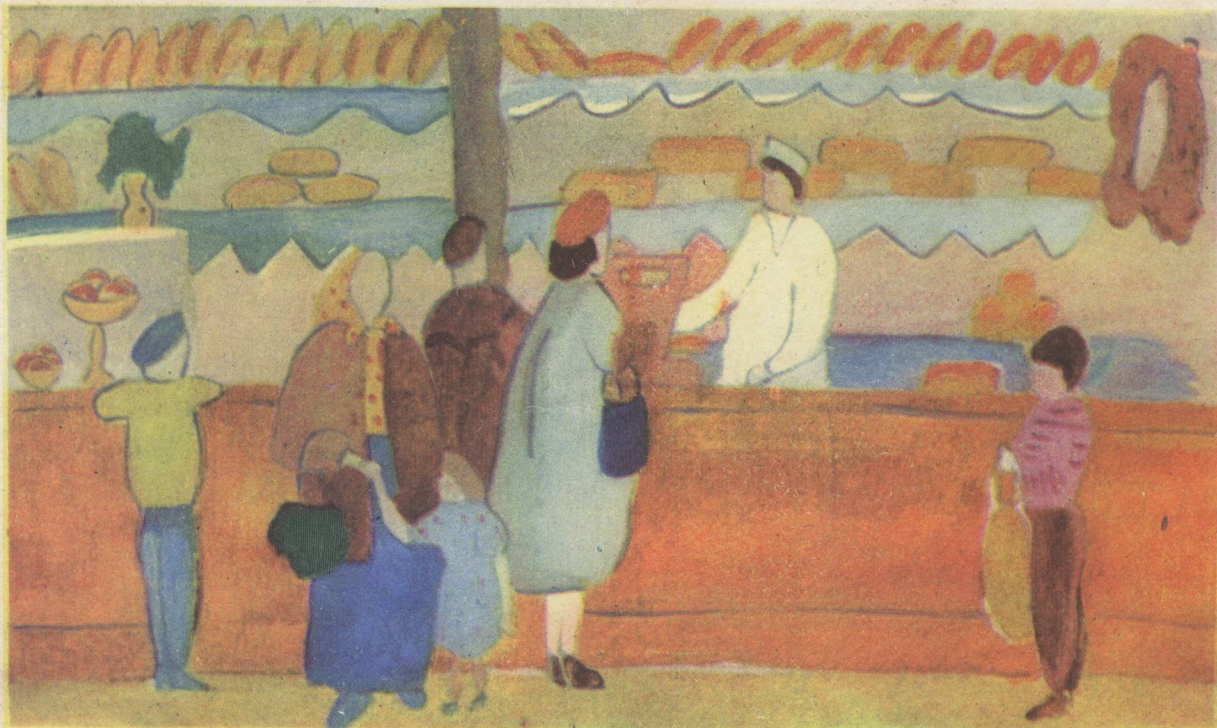
Герцык Ира, 11 лет.

**Рисунки
школьников
Свердловска**

ПОСЛЕ УРОКОВ

Русакова Тая, 10 лет.

В ХЛЕБНОМ МАГАЗИНЕ

Дружинин Володя, 9 лет.

РАННЯЯ ВЕСНА

Барсуков Володя, 12 лет.

**Рисунки
школьников
Свердловска**